

Научный и общественно-политический журнал
Международный издательский центр
«Этносоциум»

МИССИЯ КОНФЕССИЙ

Том 9. Часть 5 (№46)

Зарегистрирован в 2010 году

Издание входит в Перечень ВАК РФ,
РИНЦ, МИНЦ и НЭБ

Москва 2020

Журнал «Миссия конфессий» - социально значимый проект.

**Миссия журнала – консолидация прогрессивных сил,
конструктивных идей всех конфессий
перед лицом глобальных угроз.**

Рецензионный совет издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений Российской Федерации.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Миссия Конфессий» обязательна.

Рукописи рецензируются.

**Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым
и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад
в поддержку проекта «Миссия конфессий перед
лицом глобальных угроз».**

ISSN 2499-9423

6 номеров в год

E-mail: etnosocium@mail.ru

Сайт: <http://confessions-word.ru>

Язык: русский, английский, китайский.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x84/8. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 4,125

Председатель редакционного совета

Зязиков М.М., заместитель полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе, доктор философских наук, член Союза писателей России.

Фабио Баджо, Директор Международного института миграции Скалабрини Папского Урбанианского Университета.

Редакционный Совет журнала «Миссия конфессий»

Арефьев М.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии СПбГАУ.

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор БГУ.

Бессонов Е.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, начальник отдела воспитательной работы и молодежной политики СПбГАУ.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Вань Хайянь, кандидат экономических наук. Старший научный сотрудник, Заместитель заведующий Центра по изучению ЦА, Центр по изучению России, Институт международных отношений и регионального развития и Институт по изучению ШОС Восточно-китайского педагогического университета.

Водолацкий В.П., доктор социологических наук, депутат Государственной Думы Российской Федерации, Верховный Атаман Союза Казаков-Воинов России и Зарубежья, Казачий генерал.

Грэм Стоуэрс, политолог, эксперт. Великобритания.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор БГТУ.

Дон Ансельмо Сантос, доктор политических наук, профессор, г. Мадрид.

Забулионите К.И., доктор философских наук, профессор, председатель Петербургского международного культурологического симпозиума, руководитель Секции философии культуры и культурологии в Санкт-Петербургском Доме Ученых.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор РАНХиГС при Президенте РФ, генеральный директор Института энергии знаний.

Комлева В.В., доктор социологических наук, профессор, декан факультета международного регионоведения и регионального управления ИГСУ, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Кузнецова Т.Ф., доктор философских наук, профессор. МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ли Эрюн, кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Матушанская Ю.Г., доктор философских наук, доцент по кафедры философии, профессор кафедры философии и истории науки Казанского национального исследовательского технологического университета, профессор кафедры религиоведения (КФУ).

Поканинова Е.Б., доктор философских наук, действительный член РАЕН, кандидат социологических наук.

Пономарева Г.М., доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Пусько В.С., доктор философских наук, профессор МГТУ имени Н.Э. Баумана.

Себастьян Хоппе, Научный сотрудник. Институт восточноевропейских исследований, факультет политики / международных отношений. Свободный университет Берлина.

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Туманян Т.Г., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока.

Ултургашева Н.Д., доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Хитарова И.Ю., доктор философских наук, профессор, член философского общества, Университета путей сообщения имени императора Александра I.

Хрипкова Е.А., кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры всеобщей истории искусства, факультет истории искусства, РГГУ.

Чжан Вэй, КНР.

Ячин С.Е., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ДВФУ, Владивосток.

Scientific and socio-political journal
International Publishing Center
«Etnosocium»

MISSION CONFESSIONS

Volume 9. Issue 5 **(№46)**

Founded in 2010

The publication is included in the list of HAC RF,
RSCI, NEL and ISCI

Moscow 2020

The Mission of Confessions Journal is a socially significant project.
The mission of the journal is the consolidation of progressive forces, constructive ideas
of all faiths in the face of global threats.

With the support of the Plenipotentiary
of the RF President in the Central Federal District

**The journal is registered in the Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press,
Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.**

International Publishing House «Etnosocium» and “Mission confessions” Journal abides by standards of editorial ethics and is making efforts not to allow their violation.

The journal “Mission confessions” is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

“Mission confessions” aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

**Special thanks to the outstanding scientists
and public figures who have contributed financially in support
of the project “Mission of confessions in the face of global threats”.**

ISSN 2499-9423

6 issues per year

E-mail: etnosocium@mail.ru

Website: <http://confessions-word.ru>

Languages: Russian, English, Chinese.

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x84/8

Copies: 500

Chairman of the Editorial Board

Fabio Bodjo, Director of the International Institute for Migration “Scalabrini” of Pontifical Urban University.
Zyazikov M.M., Deputy Presidential Envoy in the Central Federal District, Doctor of Philosophical Sciences, member of the Writers’ Union of Russia.

Editorial Board

Arefev M.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy and Cultural Studies.

Baharev V.V., Doctor of Social Sciences, Professor of the VSU.

Bessonov E.G., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Chair of Philosophy and Culture Studies, Head of the Department of Education and Youth Politics at St. Petersburg Agrarian University.

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, leading researcher at the Research Center №1.

Chjan Vei, People’s Republic of China.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The BSTU.

Don Anselmo Santos, Doctor of Political Sciences, Professor, Madrid.

Graeme Stowers, Political scientist, expert, UK.

Hitarova I.Y., Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Philosophical Science, Professor, Member of the Philosophical Society, Alexander I-st University of Communications.

Hripkova E.A., Candidate of History of Arts, Senior Lecturer, Department of Art History, Russian State Humanitarian University.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of Energy of Knowledge.

Komleva V.V., Doctor of Sociology, Dean of the Faculty of International Regional Studies and Regional Management of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics (Nanchang, Jiangxi), China.

Matushanskaya Y.G., Doctor of Philosophical Science, Associate Professor in the Department of Philosophy, Associate Professor of Department of Philosophy and Science History, Professor of the Department of Religious Studies.

Pokaninova Y.B., Doctor of Philosophical sciences, PhD in Sociological sciences, Academician RANS.

Ponomareva G.M., Doctor of Philosophical Science, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University.

Pusko V.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Bauman Moscow State Technical University.

Sebastian Hoppe, Research Associate. Institute for East European Studies, Department of Politics / International Relations. Freie Universität Berlin.

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People’s University.

Tumanyan T.G., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Vodolackiy V.P., Doctor of Social Sciences, Deputy of the State Duma of the Russian Federation, Supreme Ataman of the Union of Cossacks of Russia and abroad Warriors, Cossack General.

Wang Haiyan, Candidate of Economic Sciences. Senior Researcher, Deputy Head of the Center for Central Asian Studies, Center for Russian Studies, Institute of International Relations and Regional Development and the Institute for the Study of the SCO East China Pedagogical University.

Yachin S.E., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy of Far Eastern Federal University, Vladivostok.

Zabulionite K.I., Doctor of Philosophy, Professor. Chairman of the St. Petersburg International Cultural Research Symposium. Head of the Section of Philosophy of Culture and Cultural Studies at the St. Petersburg House of Scientists.

CONTENT

RELIGION AND SOCIAL SCIENCES

Kurabtsev V.L. The problem of the influence of Byzantine Orthodoxy on Rus-Russia.....	506
Kabylnskii B.V. Moai of the Easter Island: voices of the past conflicts.....	509
Ivanova A.V. The foundation of the monastery in honor of Saint Maron in 452: the origins of the veneration of the Syrian hermit.....	513
Anikina A.V. Virtue at the Nizhniy Novgorod Pentecostals in sociological measurement.....	519
Zhukova E.M. The principle of religious tolerance in the philosophical and religious discourse.....	523
Litvintsev D.B. Sociological aspects of the study of housing in world religions.....	532
Tkachenko S.O. Soviet-era postcard in the field of religious culture.....	535

PHILOSOPHY, SOCIOLOGY: ACTUALITY AND INNOVATION

Ryazanov D.A. Cyber socialization of youth.....	540
Zhang Lei The Influence of Socio-Governmental Factors on the Social Stability of Chinese Society: Correlation Analysis.....	543
Shoshina Yu.V. Student volunteering in context phenomenon of self-organization of Russian youth.....	547
Zhang Lei Transformation of social and work practices in organizations during the COVID-19 pandemic: preliminary sociological findings.....	552
Abstracts	556
Authors	561

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Курабцев В.Л. Проблема влияния Византийского Православия на Русь-Россию.....	506
Кабылинский Б.В. Моаи острова Пасхи: отголоски конфликтов былых времен.....	509
Иванова А.В. Основание монастыря в честь преподобного Марона в 452 году: к вопросу возникновения почитания сирийского пустынника.....	513
Аникина А.В. Добродетель у нижегородских пятидесятников в социологическом измерении.....	519
Жукова Е.М. Принцип веротерпимости в философско-религиоведческом дискурсе.....	523
Литвинцев Д.Б. Социологические аспекты изучения жилища в мировых религиях.....	532
Ткаченко С.О. Открытка советского времени в сфере религиозной культуры.....	535

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ: АКТУАЛЬНОСТЬ И ИННОВАЦИИ

Рязанов Д.А. Киберсоциализация молодежи.....	540
Чжан Лэй Влияние социально-управленческих факторов на социальную стабильность китайского общества: корреляционный анализ.....	543
Шошина Ю.В. Студенческое волонтерство в контексте феномена самоорганизации российской молодёжи.....	547
Чжан Лэй Трансформация социальных и трудовых практик в организациях в условиях пандемии COVID-19: первые социологические оценки.....	552
Аннотации	558
Авторы	562

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

RELIGION AND SOCIAL SCIENCES

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Журнал «Миссия конфессий»
продолжает серию публикаций в рамках
информационно-просветительского проекта
**«Наука и религия:
научно-конфессиональное сотрудничество».**

Приглашаем к публикации
материалов исследований
по диалогу всех конфессий.

Курабцев В.Л.*Доктор философских наук, доцент, профессор
кафедры философии Московского государственного областного университета (МГОУ).*

Проблема влияния Византийского Православия на Русь-Россию*

Аннотация. В статье анализируются проблематические аспекты влияния Византийской культуры на Русскую цивилизацию и русский народ. Антиномически рассматриваются аргументы «за» и «против» Византийского строя нашей цивилизации и нашей души. Подчеркнуты исторические интервалы переформатирования Русской цивилизации с их заведомой неуспешностью. Сделан вывод о провалившейся стратегии Украины и ее народа, обладающего аналогичным Византийским архетипом.

Ключевые слова: Византийская культура, проблемность влияния Византии на Русь-Россию, интервалы переформатирования России, цивилизационная матрица России.

Kurabtsev V.L.*Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor
of the Department of the Philosophy of Moscow Region State University (MRSU).*

The problem of the influence of Byzantine Orthodoxy on Rus-Russia

Abstract. The article analyzes the problematic aspects of the influence of Byzantine culture on the Russian civilization and the Russian people. Antinomies considered arguments “for” and “against” the Byzantine system of our civilization and our soul. The historical intervals of reformatting of Russian civilization with their deliberate failure are emphasized. The conclusion is made about the failed strategy of Ukraine and its people having similar Byzantine archetypes.

Key words: Byzantine culture, the problematic influence of Byzantium on Rus-Russia, the reformatting intervals of Russia, the civilizational matrix of Russia.

Влияние Православной Византийской культуры и цивилизации на Русь и Россию трудно оспаривать. Но когда всматриваешься в сущность Советской цивилизации и советского человека, в сущность и ценности значительной части постсоветских людей, возникают сомнения в фундаментальности и как бы вечности влияния Византийского Православия и культуры.

Эти сомнения можно представить так: во-первых, **почему Россия**, начиная с XVIII и XIX веков, **в такой степени поддалась процессу секуляризации?** Почему оказался столь победительным этот амбивалентный процесс? Святые люди, например, св. Иоанн Кронштадтский, удивлялись таким разительным переменам. Причины перемен достаточно описаны, серьезные и объективны, их можно назвать. Но где же, тем не менее, *стойкость и преданность вере* традиционно православных людей?

Св. Иоанн Кронштадтский по преимуществу никогда не сомневался, в том, «что такое Русь: она есть подножие Престола Господня! Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он рус-

ский»¹. А с другой стороны он ясно видел трагическое состояние многих *как бы православных* людей: «Характер людей XIX века, второй половины, - самообожание, самозаконие (автономия), материализм в жизни и духовный скептицизм (неверие)»². То же происходило в XX веке и происходит в XXI веке. Не дождемся ли новых масштабных наказаний?

Св. Иоанн говорит: «Жизнь наша проходит главным образом в поклонении двум хрупким идолам – здравью и чреву, а потом – одежде; ...далее – деньгам, этому великому богу, этому юпитеру века сего; для этого идола многие жертвуют и здоровьем своим, ...хладеют к своим родным»³. А «нужно тебе пещись... о любви к Богу и ближнему»⁴.

Во-вторых, **почему «существенно православная» страна и народ явили откровенно и страшно без-**

1 Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 30 с.

2 Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 77 с.

3 Там же. С. 78.

4 Там же. С. 79.

* © Курабцев В.Л., 2020.

Проблема влияния Византийского Православия на Русь-Россию

божный СССР?

В.Ф. Эрн накануне октября 1917 года написал возвышенные и истинные слова о своей Родине: Россия «изнутри существенно православна. Все тело народное проквашено религией Слова. <...> Народ, который дал св. Сергия Радонежского, св. Серафима Саровского и множество великих святых, существенно пронизан религией Слова, точно так же как отдельный человек, раз уверовав в Христа и имея в жизни своей несколько ярких и абсолютных проявлений веры, - уже существенно пронизан христианством...»⁵. Святая Русь, согласно Эрну, - не иллюзорный концепт народной идеологии (не «симулякр»), а мистическая реальность духовного бытия народа.

А если «тело народное» уже не просто плохо «проквашено» Христианством, а даже скорее трансформировано в некую иную сущность? А если не было у человека «в жизни своей несколько ярких и абсолютных проявлений веры»? Верна ли метафизика Эрна или мы, поверив, продолжим доверяться самообману? Не осталась ли Святая Русь в далеком средневековом прошлом, а нынешнее ее положение в заметной мере частично и несовершенно?

В-третьих, **не перепутали ли русские философы православное подобие Византии и России с очевидной имперской схожестью Византии и России? Россия по преимуществу обладает скорее явной метафизической имперской сущностью.**

И думается, что если Россия начнет утрачивать эту сущность, то с нею произойдет нечто подобное, что произошло с Византией. Появится как бы Россия, а по сути, карикатура на Россию. Например, секулярная «европейская», «комфортная», «западоподобная». Советская цивилизация, кстати, уничтожая Православие, имперскую сущность великолепно восприняла и усилила.

В-четвертых, **не является ли реально прозападная суть россиян более значимой?**

Конечно, у Н.А. Бердяева встречается весьма глубокий вывод о русском либерализме: «Либеральные идеи были всегда слабы в России и у нас никогда не было либеральных идеологий, которые получали бы моральный авторитет и вдохновляли»⁶.

Бердяев также полагал, что российские западники: «не видели никакой миссии России, кроме необходимости догнать Запад»⁷. Западники не видели метафизической истины России и русского народа, как и большевики. Или, напротив, видели истину, но не метафизическую, а актуально приземленную? И «прозападная суть россиян» – это как раз *основное (вероятно основное) стремление жить лучше, обеспеченнее и свободнее.*

В-пятых, **одно из основных противоречий российского общества, начиная с XIX-го века, согласно**

Н.А. Бердяеву, – это противоречие «между сознанием империи... и сознанием интеллигенции»⁸. В Пушкине эти два сознания, как полагал Бердяев, соединились. Однако, интеллигенция, этот «очень тонкий и хрупкий культурный слой»⁹, как-то не слишком связана с русским Православием. Если не сказать, что она в заметной своей массе антиправославна, особенно антицерковна. То есть **это важное противоречие** российского общества **скорее вне русской религиозной традиции.**

В-шестых, как не заметить ту **темную сторону** антиномических качеств русских, на которую указывает Бердяев: «народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый»; народ националистический; народ «жестокий...», склонный причинять страдания» и так далее¹⁰. Вероятно, Православие сдерживало негативные наклонности «государствообразующего» народа.

Как не заметить **нездорового панморализма русской интеллигенции**, например, В.Г. Белинского. «Из сострадания к людям Белинский готов проповедовать тиранство и жестокость. Кровь необходима. Для того, чтобы осчастливить большую часть человечества, можно снести голову хотя бы сотням тысяч. Белинский предшественник большевистской морали»¹¹. Это как-то не вяжется с Православием.

Сомнениям же в наличии Византийского архетипа противостоят следующие аргументы: во-первых, **явно не вполне состоявшиеся попытки переформатирования России.**

В истории они достаточно хорошо известны. Особенно это касается Петра Великого и В.И. Ленина. Они пытались реализовать «то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации»¹². Радикально переформатировать православно-византийский строй русской души, культуры и цивилизации.

У Петра это происходило в большей мере на высших уровнях общества, да и то противоречиво и не чересчур глубоко. А у Ленина – на всех уровнях, причем с максималистской и бесчеловечной реализацией большевистской программы. Казалось, что Православие окончательно «побеждается» и уходит в небытие. Но оно не просто выжило в нечеловеческих условиях советского режима, но и быстро стало возрождаться при первых же признаках религиозной свободы. Это – сильный аргумент в пользу того, что наша матрица – православная по преимуществу.

Во-вторых, **может ли что-либо заменить для россиян мировоззрение Православия?** Как можно, имея в виду православных (по корням) россиян, ответить на вопрос о высшем и общем смысле жизни? Кто объяснит посмертное состояние и спасение человека? Кто убедительно обоснует миссию великой (по разным параметрам) России в мире? Ника-

5 Эрн В.Ф. Сочинения. М.: «Правда», 1991. С. 82-83.

6 Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания УМКА-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. 30 с.

7 Там же. С. 12.

8 Там же. С. 14.

9 Там же. С. 15.

10 Там же. С. 15.

11 Там же. С. 34.

12 Там же. С. 12.

кие другие религии не способны помочь России и русскому человеку. Разве что окончательно обмануть и погубить. Так произойдет и в крайне *нежелательном варианте единой России, но мусульманской*.

А тут налицо – мощная православная традиция России и всемирно прославленные святые. А потом начнутся у людей и первые личные религиозные откровения. И вполне вероятно, что придет Вера. Да и евро-конструктивность русской души никуда не улечится (но в случае разумности и мудрости Президента, Министерства образования и науки и других ведущих Министерств).

В-третьих, **не явлена ли на самом деле метафизическая формация русской души?** Не угадал ли Бердяев, что реальна именно «религиозная формация русской души», а не какая-то либерально-демократическая или общинно-коллективистская? Бердяев полагал также, что «религиозная энергия русской души» может переключаться «к социальным целям»¹³. И это действительно произошло в СССР. Так проявляют себя именно «магические души» отдельных цивилизаций (Освальд Шпенглер).

Русская душа во многом магическая. Если интеллигенты России, говорит Н.А. Бердяев, увлекались гегельянством, то оно делалось «тоталитарной системой мысли и жизни, охватывающей решительно все»¹⁴.

Это, конечно, упрощение весьма сложной проблемы. И гегельянство, в конце концов, у большинства интеллигентов оказывалось только интервальным.

Но не характерно ли для русского человека податливо, а то и почти безумно отдаваться какой-либо общей религии или идеологии? Не характерно ли проявлять не рассуждающее подчинение общим правилам? Являть доверчивость по отношению к очевидным манипуляторам сознанием? Разве не очевидна недостаточность скепсиса и подозрительности русского человека по отношению к лукавым личностям, народам и государствам, в том числе правителям?

В-четвертых, не говорит ли в пользу православной формации России и русских (то есть восточных славян и ряда других народов) **ведущая традиция Руси-России, начиная с десятого века?** Даже западные антропологи А. Кребер и К. Клакхон, говоря о человеческих культурах, сделали следующий научный вывод: «Сущностное ядро составляют традиционные (исторически сложившиеся и акцентированные) идеи»¹⁵.

В-пятых, разве не присуща многим русским людям способность смотреть не только *вниз*, где вторичные причины и ценности, но и **«смотреть вверх»**, с переживанием «состояния глубокого счастья»?¹⁶

В-шестых, это пример Украины с тем же Византийским архетипом. «Евроинтеграция» и русофобский разрыв с Россией оказались **чудовищно провалившейся стратегией страны и народа**. Мудрость и даже здравый смысл покинули политические силы страны. Но скорее всего торжество Запада окажется временным.

А в целом, конечно, непросто отвечать на казалось бы простой и очевидный (но для верующих людей) вопрос о глубоком проникновении Византийского мессианистского архетипа в Русь-Россию и русских. Очевидно колоссальное искажение этого архетипа в недавний и мощный период Советской цивилизации, когда подавляющая масса народа была воспитана антиправославно и внецерковно. Очевидны новые опустошения (в аспекте православия) в современном российском обществе, причины которых можно показать в отдельной работе.

Но другой «идеологической» традиции у нас нет. Другой судьбы с расцветом национального и общечеловеческого не предвидится. Другая стратегия несомненно уведет не туда, а главное – от Истины, от Пресвятой Троицы. Так, кстати, во многом, к несчастью, и происходит на Украине. Тем более что *Россия и буржуазна, и как-то, к счастью, небуржуазна и мессианистски неожиданна*. Так что понадеемся на вразумление наших правителей и нас самих.

References

- [1] Berdyaev N.A. The sources and point of the russian communism. Reprint reproduction of the edition YMKA-PRESS, 1955, Moscow: Nauka, 1990. 224 p.
- [2] Yeromonk Serafim (Roos). The human opposite of the God, Publisher of Sretenskii monastery, Moscow, 2006. 256 p.
- [3] Orlova E. A. Cultural (social) anthropology. Moscow: Academic Project, 2004. 480 p.
- [4] Holy righteous father John of Kronstadt. I foresee the restoration of a strong Russia, Institut of Russian Civilization, Moscow, 2012. 640 p.
- [5] Ern W.F. Works. Moscow: Pravda, 1991. 575 p.

Список литературы

- [1] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMKA-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. 224 с.
- [2] Иеромонах Серафим (Роуз). Человек против Бога. М.: изд-во Сретенского монастыря, 2006. 256 с.
- [3] Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология. М.: Академический Проект, 2004. 480 с.
- [4] Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 640 с.
- [5] Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. 575 с.

13 Там же. С. 9.

14 Там же. С. 24.

15 Цит. по: Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология. М.: Академический Проект, 2004. 32 с.

16 Иеромонах Роуз С. Человек против Бога. 229 с.

Кабылинский Б.В.*Проректор по научной работе и международному сотрудничеству Финансовой Академии Республики Казахстан.*

Моаи острова Пасхи: отголоски конфликтов былых времен*

Аннотация. В статье приводятся размышления автора о конфликтах прошлого и настоящего на острове Рапа-Нуи (остров Пасхи), навеянные впечатлениями от собственного участия в антропологической экспедиции на остров в августе 2019 года. В качестве методологической основы при подготовке данной статьи использованы труды профессора антропологии В. Маллоя, а также записки бесед автора с доктором философии П. Паунэллом, судьба которого связана с Рапа-Нуи уже более 50 лет. Также в статье предпринимается попытка отделить наиболее популярные заблуждения о Рапа-Нуи в массовой культуре от реальной истории знаменитых островных моаи (истуканов).

Ключевые слова: антропология, конфликт, история, миф, остров Пасхи.

Kabylnskii B.V.*Vice-rector for scientific work and international cooperation of the Finance Academy of the Republic of Kazakhstan.*

Moai of the Easter Island: voices of the past conflicts

Abstract. The article provides the author's thoughts on the conflicts of the past and present on Rapa Nui Island (Easter Island), inspired by the impressions of his own participation in an anthropological expedition to the island in August 2019. As a methodological basis, the preparation of this article used the works of Professor of Anthropology V. Malloy, as well as notes of the author's conversations with Doctor of Philosophy P. Pounell, whose fate has been associated with Rapa-Nui for more than 50 years. The article also attempts to separate the most popular misconceptions about Rapa Nui in mass culture from the real history of the famous island moai (Istucans).

Key words: anthropology, conflict, history, myth, Easter Island.

Рапа-Нуи является самым известным из числа удаленных населенных островов в мире. Этот маленький клочок суши, затерявшийся в Тихом океане, притягивает людей со всего мира. Уникальность Рапа-Нуи состоит в том, что на этой земле расположено внушительное число мегалитических изваяний, нетипичных по своим размерам для полинезийской и мировой культуры. Безусловно, сильное впечатление на приезжих также производит высокая степень концентрации истуканов Рапа-Нуи на небольшой территории.

Каменные исполины не только будоражат умы туристов, но и ставят перед учеными непростые вопросы. Как древние люди сумели изготовить статуи такого размера? Каким образом осуществлялась транспортировка готовых изделий? В чем состоит сакральное предназначение моаи (коренные жители острова так называли на своем языке истуканов. – Прим. автора)? Почему возведение циклопических мегалитов неожиданно прекратилось? По какой причине все изваяния были впоследствии сброшены с пьедесталов? Как древние рапа-нуицы

исхитрились увенчивать своих идолов многотонными головными уборами, сделанными из твердых каменных пород? В конце концов, почему именно остров Пасхи (так европейцы прозвали Рапа-Нуи по случаю географического открытия в канун христианского праздника. – Прим. автора) стал площадкой для возведения уникальных памятников?

Заметим, что эти загадки часто фигурируют в массовой культуре, например, в фильмах и передачах о путешествиях. А между тем, истуканы Рапа-Нуи молчаливо хранят многие другие тайны антропогенеза и хорошо помнят, насколько болезненно человеческий дух переживает стадии перехода между этапами развития самосознания. Попытаемся внести малую лепту в процесс распутывания этого Гордиева узла неясностей.

По нашему мнению, методологически некорректно формулировать ответы на загадки острова Пасхи в безапелляционном тоне. Невозможно установить научную истину, например, о происхождении моаи ввиду отсутствия достаточной информации, которая могла бы претендовать на полное соответ-

* © Кабылинский Б.В., 2020.

Моаи острова Пасхи. отголоски конфликтов былых времен

ствие критериям антропологического исследования. В этих условиях мы руководствовались при написании статьи, возможно, наиболее авторитетной и при этом наименее противоречивой научной концепцией американского ученого Вильяма Маллоя. Остановимся несколько подробнее на биографии выдающегося антрополога.

Профессор Маллой родился в Соединенных Штатах Америки в 1917 году. С детства он интересовался археологией и с юных лет принимал участие в научных экспедициях. Вопреки желанию отца, будущий ученый не стал юристом, а получил бакалаврскую степень антрополога в Университете Юты. Впоследствии Маллой продолжил научную деятельность в Университете Чикаго, где и получил ученую степень доктора наук. С 1948 года он начал преподавать в Университете Вайоминга и до конца своих дней оставался одним из наиболее авторитетных ученых Америки в области антропологии. В 1955 году Маллой присоединился к экспедиции Тура Хейердала на остров Пасхи. С этого времени и до конца жизни Маллой был неразрывно связан с Рапа-Нуи. В ходе своих экспедиций он не только занимался исследованиями, но также смог организовать работу по восстановлению моаи, находившихся к этому времени в неудовлетворительном, полуразрушенном состоянии. Впоследствии за свои заслуги Маллой был удостоен ряда высоких наград правительства США и Чили. В соответствии с его последней волей, профессор Маллой был похоронен на Рапа-Нуи.

По мнению Маллоя, остров Пасхи является своеобразным микрокосмосом [1]. Соответственно, ответы на загадки этого места необходимо искать не во внешнем мире, а словно прислушиваться к внутреннему голосу артефактов Рапа-Нуи. В соответствии с этой логикой, Маллой в ходе создания авторской концепции не только опирался на собственные выводы и внимательное изучение мемуаров первооткрывателей острова. По свидетельству Маллоя, многие вопросы ему помогли разрешить коренные жители. Например, именно рапануйцы устранили его сомнения относительно предназначения моаи.

В процессе изучения логики древних людей, создавших истуканов, Маллой пришел к выводу о том, что принципиально неверно рассматривать скульптуры в качестве изолированных объектов научного анализа. По Маллою, гигантские статуи являются частью более широкого замысла создателей [2]. Каждый моаи на острове Пасхи является составным элементом аху, то есть постамента и пространства вокруг него. Визуально аху представляют собой каменное возвышение для установки скульптур на территории, оформленной соответствующим образом. Фронтальная часть выглядит как небольшая прямоугольная площадка, огороженная небольшими камнями. С тыль-

ной стороны прорыта маленькая канавка. Важно отметить, что истукан всегда относится к аху, вне зависимости от того, стоит он сам по себе или является частью скульптурной композиции. Заслуга Маллоя в решении загадки о сакральной миссии каменных истуканов состоит в том, что он впервые предложил концептуально соединить моаи и аху в единый смысловой дискурс на основании гипотезы о том, что с определенного этапа антропогенеза они перестали существовать по отдельности. Действительно, моаи на раннем этапе развития культуры Рапа-Нуи изготавливались в миниатюрных размерах и не устанавливались на аху. При этом древние люди острова Пасхи возводили аху с незапамятных времен, но не украшали постаменты фигурами истуканов. По Маллою, древние рапануйцы использовали аху в качестве кремационной площадки. Эта идея осенила ученого после того, как он увидел рапануйских детей, игравших с костями, зарытыми в канавках у тыльной стороны аху [3]. Соответственно, моаи могли изготавливаться для того, чтобы удерживать внутри себя душу сильного человека после его кончины. Жизненная энергия великого предка, заключенная в моаи, по местным верованиям, должна была оберегать род от бед и напастей. По мере развития самосознания аборигены перестали уносить моаи с аху после кремационной процедуры и начали увеличивать их в размерах в соответствии с логикой о том, что великая сила должна переместиться в истукана аналогичного размера.

В вопросе о происхождении статуй острова Пасхи Маллой решительно отвергает умозаключения сторонников мистических теорий. Действительно, элементарное здравомыслие указывает на то, что окрестности вулкана Рано-Рараку стали фабрикой для изготовления моаи. В настоящее время в этой области находится более 300 статуй различной степени готовности. Визуально истуканы словно вышли из горы, которая, по замечанию Маллоя, за многие века уменьшилась в размерах ввиду интенсивных работ древних рапануйцев в каменоломнях [4]. Технология работы с камнем на Рапа-Нуи, по данным антропологических исследований, не отличается принципиальным образом от технологии возведения мегалитических сооружений в Перу и Боливии в эту же эпоху. Между прочим, на острове есть мистические каменные развалины с типичной инкской кладкой. Поэтому вполне логично предположить, что в ходе работы над моаи аборигены постепенно отсекали будущие статуи от мягкой вулканической породы. Итак, Маллой выдвигает тезис о рукотворном происхождении истуканов Рапа-Нуи. Более того, каменоломни вулкана Рано-Рараку подсказывают внимательному исследователю ответ на вопрос о том, каким образом многочисленные изваяния переместились на постаменты, расположенные на значительном расстоянии от ма-

стерской. По-видимому, некорректно утверждать, что рапануйцы перемещали статуи волоком, поскольку некоторые истуканы лежат на середине пути между каменоломней и пустующими аху. Нелогично бросать истукана, которого можно тащить и дальше. Соответственно, напрашивается вывод о том, что аборигены двигали моаи, по остроумному замечанию Маллой, как современные грузчики перемещают холодильники, попеременно приподнимая его края [5]. В том случае, если аборигены допускали неаккуратность, то упавший истукан оставался лежать на месте падения, и его уже не представлялось возможным поднять. Заметим, что относительно того, как на головы моаи водружались многотонные головные уборы, ни у Маллой, ни у других антропологов нет убедительного ответа. О сложности этой инженерной процедур красноречиво свидетельствует тот факт, что в наши дни в ходе реставрационных работ с этой целью рабочие использовали мощный подъемный кран.

В концепции Маллой важное место отводится анализу ситуации с прекращением работы над моаи и последующим низвержением статуй со всех аху на Рапа-Нуи. Между прочим, к 1955 году ни один истукан на острове Пасхи не располагался в вертикальном положении. Как правило, ученые полагают, что постепенное исчезновение фауны острова повлекло за собой голод, а заразные болезни, занесенные европейцами, привели к масштабному вымиранию аборигенов. Разочарование коренных жителей острова Пасхи в своих сакральных защитниках выразилось в том, что идолы были сброшены с пьедесталов. По этому вопросу Маллой высказывает интересное предположение. Во-первых, работа над моаи прекратилась спонтанно и задолго до освоения Рапа-Нуи европейцами. Маллой полагает, что это связано с возникновением нового культа человека-птицы [6]. Действительно, на Рапа-Нуи сохранилась удивительная деревня, в которой, по-видимому, ежегодно собирались вожди, готовившиеся к испытанию физической силы и духа. Смельчаки должны были карабкаться по отвесной скале в море ради заветного яйца мигрирующих птиц. Тот, кто первым приносил яйцо в деревню, провозглашался островным лидером на один год. Пентаграммы острова Пасхи в изобилии демонстрируют людей-птиц, и по дате создания эти изображения совпадают с хронологическими рамками прекращения работ над моаи. Маллой предполагает, что на данном этапе развития самосознания базовый фетишизм сменился анималистским тотемизмом. По этой причине идолы прошлого были сброшены рапануйцами со своих пьедесталов.

Отдельного упоминания заслуживает гипотеза Маллой о причинах возведения истуканов на острове Пасхи, а не в другом регионе. По мнению Маллой, на этой земле удивительным образом совпали уникальные обстоятельства. Во-первых, на Рапа-Нуи

для поддержания существования рода требовалось очень мало рабочих часов в сутки. В древние времена остров изобилует рыбой и фруктами, а население было рассредоточено по территории и не имело поводов для конфликтов. При этом на острове не было необходимости куда-то торопиться. Итак, Маллой утверждает, что истуканы острова Пасхи возникли по воле политической и религиозной элиты, опасавшейся войны и конфликтов. Людей было необходимо чем-то занять, и многолетний труд по изготовлению сакральных объектов как нельзя кстати подходил для этой цели. В то же самое время принуждение к труду отсутствовало, как и сроки изготовления готовых моаих. Мудрость элит, изобилие ресурсов, изобретательность и трудолюбие местных жителей – эти факторы, по Маллоу, стали катализаторами формирования уникальной культуры на Рапа-Нуи.

Подводя промежуточный итог нашего размышления, заметим, что концепция Маллой не только предлагает остроумные суждения по наиболее популярным в массовой культуре темам, связанным с тайнами Рапа-Нуи, но и позволяет глубже всмотреться в историю антропогенеза в Тихоокеанском регионе, услышать голос древности и отзвуки былых терзаний человеческого духа.

К сожалению, в настоящее время остров Пасхи переживает в своем роде духовный конфликт на очередном витке своей истории. Дело в том, что современные жители Рапа-Нуи нередко искажают древние мифы в коммерческих целях. При разборе этих вопросов мы руководствуемся суждениями одного из двух оставшихся в живых участников экспедиции Маллой, состоявшейся в 1966 году. Доктор антропологии Пол Паунэлл – человек удивительной судьбы. В 16 лет он побывал на острове впервые в жизни и с тех пор возвращался туда на протяжении многих лет, пока не женился на местной королеве красоты и не принял решение о переезде на Рапа-Нуи. Паунэлл – живой свидетель истории острова в XX веке. Он помнит первый рейс из Сантьяго на эту землю и не забыл про уныло лежавших, брошенных истуканов, нуждавшихся в немедленной реставрации. Паунэлл видел полное отсутствие растительности на Рапа-Нуи в 50-е годы прошлого столетия и лично знал членов 40 коренных семей, населявших остров Пасхи в то время. Паунэлл старается передавать туристам, которых иногда принимает в своем гостевом доме, знания, унаследованные от профессора Маллой, и по мере сил борется с заблуждениями, которых с каждым годом становится всё больше. В частности, выходцы из государств Тихоокеанского региона стараются представить себя коренными рапануйцами, поскольку в этом случае вероятность сдачи апартаментов приезжим туристам увеличивается. Другой аналогичный пример коммерческой мистификации связан с наибольшей по размеру

статуй, которая была когда-либо доставлена аборигенами древности до своего постамента. Сейчас гигантский истукан лежит на земле, принадлежащей семье рапануйцев, которые не дают разрешения международным организациям на проведение реставрационных работ. Рядом с моаи установлена табличка с романтической историей о несчастной любви, которая не соответствует действительности, зато привлекает большое количество туристов. Между прочим, по замечанию Паунэлла, на этом стенде неправильно указана высота истукана: размер моаи завышен до 11 метров, хотя реальная высота не превышает 10 метров. Также Паунэлл активно критикует туристические путеводители. Например, в официальном буклете, который туристы получают по прилету на остров Пасхи, указывается количество моаи: примерно 400 изваяний на острове. На самом деле истуканов более 2000 тысяч, хотя и не все мегалиты закончены своими создателями, а некоторые находятся в неудовлетворительном состоянии. Вспоминается собственная беседа с Паунэллом в одном из наиболее туристических мест острова – Аху Акиви. Эти монументы пользуются спросом ввиду того, что только они смотрят в сторону океана. По крайней мере эта информация фигурирует в большинстве справочной и туристической литературы. Паунэлл со смехом опровергает данную идею, поскольку за деревьями строго напротив Аху Акиви стоят другие моаи. Соответственно, истуканы по замыслу создателей смотрят не на океан, а на своих «товарищей», ныне скрытых лесным массивом. Паунэлл, вслед за Маллом, считает, что статуи всегда смотрят на место жительства людей своего племени, которое они призваны охранять, а не куда-либо еще, будь то океан или земли в глубине острова.

Размышляя о судьбе моаи острова Пасхи, хочется отметить, что объективные выводы в работах Маллоя и непредвзятые свидетельства таких старожилов, как Паунэлл, сменяются нечестным пиаром и маркетингом. Из-за этого каменные свидетели антропогенеза становятся площадками для эффектных селфи и неуважительного отношения туристов. Поэтому так важно вслед за Маллом и Паунэллом воспринимать остров как место, которое нельзя продать или присвоить. Этим общечеловеческим наследием можно только бережно поделиться с теми, кто понимает историческую ценность Рапа-Нуи для наших потомков.

Список литературы/ References

- [1] Mulloy W.T., World Monuments Fund, and Easter Island Foundation. The Easter Island Bulletins of William Mulloy. New York; Houston: World Monuments Fund; Easter Island Foundation. 1995. P. 13-15.
- [2] Mulloy W.T. Investigation and Restoration of the Ceremonial Center of Orongo, Easter Island. Bulletin of the International Fund for Monuments, 1975. № 4. 118 p.
- [3] Mulloy W.T. Preliminary Report of the Restoration of Ahu Vai Uri Easter Island. Bulletin of the International Fund for Monuments, 1970. № 2. 24 p.
- [4] Mulloy W.T., and G. Figueroa. The A Kivi-Vai Teka Complex and its Relationship to Easter Island Architectural Prehistory. Honolulu: Social Science Research Institute, University of Hawaii at Manoa. 1978. P. 145-146.
- [5] Mulloy W.T. Contemplate the Navel of the World. Americas. 1974. № 26 (4). P. 25-33. 3 p.
- [6] Mulloy W.T., and S.R. Fischer. 1993. Easter Island Studies: Contributions to the History of Rapanui in Memory of William T. Mulloy. Oxford: Oxbow Books. 214 p.

Иванова А.В.*Аспирант, Общецерковная аспирантура
и докторантура имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.*

Основание монастыря в честь преподобного Марона в 452 году: к вопросу возникновения почитания сирийского пустытника*

Аннотация. Почитание преподобного Марона, сирийского пустытника, память которого сохраняется Восточной и Западной Церквями берет свое начало в V веке. Данная статья делает попытку соотнести истоки распространения почитания преподобного Марона, пустытника сирийского, с основанием монастыря в его честь. Анализ сведений письменных источников позволяет прийти к выводу, что возникновение почитания святого было связано прежде всего с верой в него как ревнителя о чистоте христианского вероучения. Рассматривается круг учеников сирийского подвижника, которые имели к нему личные отношения и продолжили заложенную сирийским отшельником духовную традицию, формулируется их роль в распространении почитания преподобного в V веке.

Ключевые слова: преподобный Марон, блаженный Феодорит Кирский, сирийское монашество, почитание, Халкидонское вероопределение, основание монастыря.

Ivanova A. V.*Post-graduate Student, Saints Cyril and Methodius Church-wide graduate school.*

The foundation of the monastery in honor of Saint Maron in 452: the origins of the veneration of the Syrian hermit

Abstract. The veneration of saint Maron, the hermit of Syria, whose memory is preserved by both Eastern and Western Churches, has its origins in the 5th century. This article makes an attempt to find correlation in the spreading of the veneration of Saint Maron, the Syrian anchorite, with the foundation of the monastery in his honour. The analysis of written sources allows us to conclude that the origins of veneration of the saint hermit was primarily associated with the faith in him as an adherent of the purity of christian doctrine. The circle of disciples who had personal relationships with the Syrian anchorite and who followed his style of ascetism and spiritual tradition is considered in the article. Their role is formulated in the spreading of the veneration of Saint Maron in the 5th century

Key words: Saint Maron, Blessed Theodoret of Cyr, Syrian monasticism, veneration, Chalcedon doctrine, foundation of the monastery.

В конце IV — первой половине V века особое, «индивидуалистическое» направление сирийского монашества выражается и проявляется в необычайном развитии отшельничества среди представителей этого монашества [3].

Склонность к строгой суровой жизни как отличительная черта сирийских монахов предрасполагает к появлению новых и экстраординарных форм подвижничества, рождает индивидуальные способы преодоления своего естества. Стремление к новым и более трудным подвигам, большей строгости жизни обнаруживается как у сирийских отшельников, так и в некоторых сирийских киновиях. В этот период зарождаются экстремальные формы преодоления своего человеческого есте-

ства, такие как столпничество, молчаличество, воскизм (жизнь под открытым небом). Воскизм (βοσκω, что значит «пасущиеся») — это вид подвижничества, особенно часто встречавшийся в Месопотамии и нашедший распространение в Сирии. По свидетельству Созомена «такое название дано им потому, что они не имеют жилищ, не едят хлеба и вареной пищи и не пьют вина, но, живя в горах, всегда славословят Бога молитвами и песнями по уставу Церкви... Когда же наступает время вкушать пищу, каждый из них, взяв серп, отправляется бродить по горе, будто пасущееся животное, и питается растениями...» (Эрмий Созомен, «Церковная История», VI, 33). Феномен отшельнической жизни достигает своего апогея в последние

* © Иванова А.В., 2020.

Основание монастыря в честь преподобного Марона в 452 году: к вопросу возникновения почитания сирийского пустытника

десятилетия IV века, чтобы затем понемногу рас- твориться в киновином движении [9].

На этот особый период в истории сирийского монашества приходится время подвигов преподобного Марона, одного из основателей жизни под открытым небом в Кирской области северной части Сирии¹.

Задача данной статьи — рассмотреть истоки возникновения почитания преподобного Марона и сопоставить дальнейшее развитие почитания с основанием монастыря в его честь. Настоящая работа является продолжением серии публикаций автора, посвященных обзору современной историографии вопроса [4] и исследованию иконографии преподобного Марона [5].

Возникновение местного почитания

Краткое описание жизни сирийского отшельника содержится в агиографическом сочинении блаженного Феодорита, епископа Кирского «История Боголюбцев. Повествование о святых подвижниках христианского Востока» [15].

Трактат состоит из тридцати глав кратких жизнеописаний местных сирийских подвижников, и первые двадцать глав посвящены отшельникам, которые к 437–438 гг., когда епископ Феодорит писал своё сочинение, уже скончались [2]. Жизнеописание преподобного Марона относится именно к этой части, следовательно, подвижника к этому моменту уже не было в живых. Оставшиеся главы содержат биографии отшельников, современных блж. Феодориту, которые ещё были живы ко времени написания сочинения. Четырнадцать глав описывают подвиги отшельников и затворников, которые жили в пустыне под открытым небом непосредственно в окрестностях Кира. Именно в Кирской области особенно процветало отшельничество, что подтверждает блж. Феодорит, упоминая в произведении имена двадцати отшельников из этого района Северной Сирии. Необычные поступки, в которых не отказывали себе эти подвижники являются поистине поразительными. Отвергая не только все атрибуты цивилизованной жизни, они применяли к себе немислимые способы самоумерщвления. Жизнеописание каждого из аскетов, среди которых были и женщины, составляет общую картину подвижнического образа жизни, который вели иноки сирийских пустынь в конце IV–V веках.

«Одни из них подвизаются совместно, соединяясь между собой в общества (бесчисленно множество таких сообществ!), и таким образом стяжают себе нетленные венцы, достигая желанного восхождения на небо. Другие, избрав жизнь уединенную и желая беседовать с одним только Богом, лишают себя всякого утешения человеческого и получают этим способом победные венцы. Иные из них славословят Бога, живя в хижинах, другие – в шатрах,

а третьи проводят жизнь в пещерах. А многие (о некоторых из них мы уже упоминали) не хотят даже иметь ни пещеры, ни хижины, ни палатки, но, живя под открытым небом, переносят все превратности погоды: то мерзнут от сильнейшего холода, то опаляются солнечными лучами. У этих последних подвижников жизнь опять же различна: одни постоянно стоят, другие – иногда стоят, а иногда сидят. И еще: одни окружают себя какой-нибудь стеной и уклоняются от встреч с посторонними, а другие лишают себя всякой ограды и предстоят глазам всех, желающих их видеть [8, с. 230].

Регион, который служил естественным окружением для преподобного Марона и отшельников, о которых говорится в «Истории Боголюбцев», до последнего времени являлся одним из важных районов археологических исследований в Северной Сирии и был внесен в 2013 году в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, включающий объекты находящиеся под угрозой [11]. Район окружен древними городами: Кир — на севере, Апамя — на юге, Антиохия — на западе, Халкидон и Алеппо — на востоке. Большая часть этого региона состоит из двойного ряда гор, вокруг которых простираются большие и плодородные внутренние равнины. «Вообще сирийские подвижники любили селиться и подвизаться на горах. Это был своего рода нравственный культ высот» [3].

В памяти христианской Церкви имена этих святых отцов и женх сохранились только благодаря личному знакомству блж. Феодорита со многими из них и предпринятому им труду по описанию жизни и подвигов².

Об обстоятельствах возникновения и начале развития почитания преподобного Марона известно немного. В тексте отсутствуют упоминания о годах рождения и блаженной кончины преп. Марона. Однако, ученый — маронит аббат Пол Нааман обозначает временной диапазон, в который произошла кончина преподобного — с 407 по 423 годы [14, с. 59]. Французский исследователь Пьер Каниве также отмечает, что преставление преподобного случилось до 423 года. Именно в этот год блж. Феодорит занял кафедру в Кире. На 410 год как на приблизительную дату кончины святого Марона указывает в своей докторской диссертации по истории Антиохийского Патриархата архимандрит Макарий Тайяр, использовавший в работе греческие исторические источники [7].

Поселившись на холме, где ранее было идольское капище и приносились языческие жертвы, он жил и подвизался под открытым небом, соорудив шалаш, который редко использовал. Согласно П. Каниве, эта гора была посвящена языческой богине Артемиде Парсайя [9, с. 199]. Несомненно, место своего

1 Кир — ныне развалины Талль-эн-Наби-Хури, в 70 км к северо-западу от Алеппо и 28 км к северу от Аазаза.

2 Церковное предание хранит память об этих подвижниках. Значительная часть разделов книги вошла в древние синаксари и месалесловы. Подобная практика была воспринята и в Древней Руси.

подвижничества, известное и почитаемое людьми до христианизации региона, было выбрано преп. Мароном неслучайно. Автор очерка о сирийском монашестве свщм. Анатолий (Грисюк) подчеркивает, что сирийские подвижники вообще много содействовали искоренению давно существовавших в их отеческих пределах ересей. Дарованная Господом способность исцелять от различных болезней, в особенности горячки (огневицы) и иступления (трясавицы) и изгонять бесов привлекала к нему множество страждущих. Исцеляя болезни тела, Марон излечивал и души приходивших к нему от присущих каждому различных страстей. Его духовного утешения и духовной совета искали многие. О широкой известности и авторитете Марона в Кирской области красноречиво говорит и тот факт, что к нему приходили даже иноверцы-иудеи. Этот эпизод стал известен блаженному Феодориту от Иакова, ученика Марона, который был непосредственным свидетелем их посещения [8, с. 91].

Примечательно, что между отшельниками, жившими по соседству друг с другом, существовало общение. Так, Марон почитал старца Зевина (Зебинаса), стяжавшего дар непрестанной молитвы и проводившего дни и ночи в молитвенном стоянии:

«Зебинасу удивлялся и великий Марон, который всем посещающим его повелевал сходить к старцу и принять от него благословение» [8].

Отметим, что блж. Феодорит называет Марона великим, подчеркивая высоту его подвигов и богатство духовных дарований.

После краткой болезни и последовавшей за ней блаженной кончины преподобного жителя близлежащих селений устроили спор об обладании его мощами. Обитатели селения, соседствующего с холмом, местом подвигов и упокоения святого, вышли все вместе и силой захватили тело почившего отшельника. Таким образом, сразу после кончины обнаруживаются свидетельства его почитания как святого. Благоговение местных жителей нашло свое выражение в постройке большого храма в честь святого отшельника, куда и были положены мощи — так прижизненное почитание подвижника получает свое непосредственное продолжение. На сегодняшний день традиция связывает руины храма на холме Калюта недалеко от деревни Брад с храмом, построенным местными жителями сразу после кончины преподобного [6, с. 73].

Круг учеников преподобного Марона

Пример пустытника, выбранный им образ жизни под открытым небом вдохновил многих подражать ему в крайних аскетических подвигах. Суть его опыта угождения Христу была воспринята учениками, подвизавшимися вместе с ним предположительно до 406 года [9, с. 200]. Среди непосредственных учеников святого Марона, имевших с ним общение, поименно известны трое — Иаков, Лимней и Домнина

(их память также вошла в древние синаксари и месецесловы).

Некоторые современные ученые добавляют в этот круг Авраамия (Авраам, епископ Каррийский) [см. «The origins of the Maronites: People, Church, Doctrine», Br. Michael Sandrussi (электронный ресурс)] Однако этому не находится подтверждения у блж. Феодорита.

В житии самого Марона блж. Феодорита мы находим упоминание об Иакове (Иаков отшельник или Иаков Кафра-Рахимский).

Подвизаясь некоторое время вместе под водительством Марона и восприняв его образ жизни, Иаков, в подражание своему учителю, удаляется на холм, к востоку от города Кир. Лишенный какого-либо сооружения, защищающего его, он находился под открытым небом в любое время года — жару или холод, оставаясь незащищенным от непогоды.

Иаков всегда находился у всех на виду, переносил так и тяжелые болезни. «Зимой он часто проводил по три дня и по три ночи пав ниц и молясь Богу, и снег засыпал его так, что не было видно ни одного лоскута его одежды. Часто соседи, разгребая навалившийся снег лопатами, вытаскивали из-под него старца» [8, с. 181]. Единственной пищей отшельника являлась смоченная в воде чечевица, а воздержание от воды доходило до пятнадцати дней. Железные цепи, вериги покрывали тело подвижника от шеи до поясницы. Начав подвижнический образ жизни с затвора в небольшом жилище, Иаков, следуя примеру преп. Марона, решился на еще более трудный путь и тридцать восемь лет провел под открытым небом. Крайняя суровость его трудов была вознаграждена обильными дарами Божественной благодати, в которых также прослеживается сходство с учителем: его молитвами прекращался лихорадочный озноб и погашался пламень горячки. Силой молитвы подвижник изгонял бесов и даже воскресил ребенка.

При жизни Иакова появляются свидетельства его почитания как святого. Иногда оно выражалось в необычных формах, что и отражено в нескольких эпизодах его жития. Блж. Феодорит, автор жития и непосредственный свидетель жизни аскета, приводит рассказ, как тело тяжелобольного, но живого подвижника, также стало предметом пререканий и вооруженного конфликта между местными и городскими жителями, которые попытались его унести. В свою очередь, деревенские жители отстояли и вернули себе тело аскета, горячо ими любимого, а из желания иметь у себя святыню начали вырывать волосы бездыханного святого. Реликвией почиталась и земля с горы, где подвизался отшельник — паломники уносили частицы этой земли в уповании получить от этого пользу.

Следует отметить, что епископ Феодорит был лично знаком с Иаковом и относился с особым благоговением к нему, неоднократно обращался за молитвенной поддержкой к Иакову и получал помощь

в борьбе с последователями маркионитской ереси. Примечательно, что епископ Кирский к обоим подвижникам — учителю и ученику — применяет эпитет «великий». Впоследствии Иаков стал настоятелем монастыря в Кафра-Рехиме [14, с. 77].

Одновременно с Иаковом на гору к великому Марону пришел Лимней, до этого находившийся в сподвижниках в небольшой общине старца Фалассия. Следуя примеру религиозной жизни своего учителя, вдохновленный его примером, он также выбирает жизнь под открытым небом, «огражденный одной голой стеной, камни которой не связаны между собой даже глиной» [8, с. 196]. Можно проследить сходство со святым Мароном, когда Лимней оказывает человеколюбие к ближним, принимая всех приходящих к нему за исцелением или духовным советом. Лимней пошел дальше своего старца и не только принимал приходящих к нему за исцелением, но организовал приюты для слепых и нищих, собрав их вокруг себя на горе, побуждая их молиться и славить Бога. Сходство аскетических подвигов учителя и ученика получает продолжение и в сходстве благодатных даров — подобно Марону Лимней совершает чудотворения: исцеляет различные болезни, изгоняет бесов. На момент написания произведения Лимней подвизался под открытым небом, одинаково с Иаковом, тридцать восемь лет.

Среди учеников блж. Феодорит упоминает и о женщине — подвижнице Домнине, которая подражала своему учителю Марону в суровых подвигах. Так Домнина построила себе палатку из хвороста в саду имения, которое принадлежало её семье, матери и братьям, и находилось в окрестностях Кира, являя таким образом пример крайнего стеснения в отношении жилища. Крайнее воздержание — смоченная в воде чечевица являлась единственной пищей подвижницы — изнурили ее тело, так что кожа стала «очень тонка и подобна пленке» [8, с. 239]. Дважды в день, утром и вечером, она молилась в расположенном неподалеку храме. Проявляя попечение о доме Божиим, Домнина убедил «мать и братьев тратить свое богатство на дом Божий». Своим богатством она служила и всем приходящим к ней, предлагая остановиться им на ночлег у священника своего селения и принося им все необходимое. Принимая всех желающих видеть ее — мужчин и женщин — Домнина закрывала лицо покрывалом, доходившим до колен. Необходимо упомянуть и редкий дар слез, который стяжала подвижница.

Отличаясь добродетелью страннолюбия, «... Домнина не пренебрегала и другими видами добродетели: по возможности она оказывает услуги тем великим подвижникам, о которых мы уже упомянули, и тем, о которых пока умолчали» [8]. Таким образом, пользуясь богатством своей семьи, Домнина оказывала поддержку как отшельникам Кирской области, которые добывали себе пропитание либо от земли, на которой проводили жизнь,

либо поддерживались благотворительностью верующих. Возможно, именно так она узнала об аскете Мароне и последовала его примеру, переняв добродетели своего учителя. Любовь к Богу также сопровождалась у нее с любовью к ближним.

Полагаясь на свидетельства блж. Феодорита о преподобном Мароне и круге его учеников, мы можем заключить, что во время своей земной жизни, святой имел последователей, подвизавшихся только под открытым небом, не в стенах монастыря, и до 449 года (год завершения написания трактата блаженного Феодорита) не существовало монастыря, носящего имя преподобного Марона. Как свидетельство особого почитания Марона в непосредственной близости от места подвигов святого был возведен храм. Мы увидим, что первый монастырь в честь Марона, отшельника, всю жизнь подвизавшегося в Кире, появится в другой области — в окрестностях Хомса.

Основание монастыря и посвящение его преподобному Марону

Свидетельство об основании монастыря и посвящения его святому Марону мы находим у арабского историка и эмира княжества Хама Абу аль-Фиды. Он указывает на образование обители в окрестностях Апаimei в 452 году в своем главном сочинении «Краткая история рода человеческого», которое описывает события по 1331 год:

«Во время второго года своего правления (452), Маркиан отдал приказ построить монастырь Марона в Хомсе» [10].

Пустынник Марон оставил после себя круг учеников и последователей. Однако монастырь в его честь был основан не монахами — подвижниками, но по указу императора через год после им же созванного Халкидонского Собора (451). Подобный факт ставит вопрос об историческом контексте, который и способствовал распространению почитания святого в Сирии. Христологические споры, будоражившие империю, особенно в ее восточных провинциях, Сирии и Египте, поставили императора перед необходимостью созыва Собора. Епископ Кирский Феодорит, представитель антиохийской школы богословия, был непосредственно вовлечен в споры середины V века. Высланный со своей кафедры после разбойничьего собора (449), до восшествия на царский престол Маркиана (450) он безвыходно жил в монастыре близ Апаimei, где пребывал в юности и получил воспитание. Император Маркиан возвратил ссылке епископу свободу, но тот все еще оставался в монастыре, пока не призван был для присутствия на Собор в Халкидоне, осудившего монофизитскую ересь и давшего диофизитское вероопределение. Пришедший к власти император с помощью Вселенского Собора стремился достигнуть единства веры в Церкви империи на основании диофизитского учения папы Льва и, тем самым, обеспечить и полити-

ческую стабильность. Ряд строгих законов против еретиков (главным образом, против монофизитов), незамедлительно последовавших после Халкидонского собора, включал, в том числе, запрет на устройство ими общежитий и монастырей.

Именно на Соборе в Халкидоне монастыри впервые стали предметом канонической регламентации на таком уровне. На основании ряда принятых правил монастыри из частного общества превращаются в церковный институт.

Специально этой теме посвящено 4-е правило Собора «...рассуждено, чтобы никто нигде не созидал, и не основывал монастыря, или молитвенного дома, без соизволения епископа града. Монашествующие же в каждом граде и стране да будут в подчинении у епископа...» [1, с. 762].

Таким образом, основание и строительство новых монастырей в империи становилось возможным только с разрешения местного епископа, в подчинении которого должны находиться и сами монашествующие.

С учетом этого факта появляется возможность определить, кто действительно стоял за основанием монастыря в Апамеи, и почему он выбрал имя отшельника Марона, подвизавшегося на горе в окрестностях Кира, для основания монастыря в другом регионе? Какая связь могла существовать между почитанием святого в Кирской области и строительством монастыря в другой епархии? Вероятно, главная действующая роль в этом принадлежала Кирскому епископу Феодориту, который был одновременно близко знаком и с императором, и с епископом Апамеи Домном [13, с. 72]. Испытывавший особую привязанность и почитавший Иакова, ближайшего ученика Марона, именно он мог предложить и поддерживать основание монастыря. Император, в своем стремлении укрепить доктрину Собора, решил основать монастырь, насельники которого бы выступали защитниками определений IV Вселенского Собора и остановили распространение ереси. В то же время епископ Кирский Феодорит, который в полной мере знал о безупречной репутации и авторитете святого Марона от его учеников и последователей, предложил его имя для посвящения монастыря. Авторитет подвижника мог быть использован для достижения цели императора — утверждения мира и единения в Церкви. Таким образом, имя Марона стало орудием борьбы с ересью монофизитства.

Поскольку обычай давать имя человека монастырю является показателем его почитания, которое сохраняет память и добродетели святого, несомненно преподобный Марон пользовался значительным авторитетом в монашеской среде Северной Сирии и ученики и последователи вдохновили Кирского епископа присвоить монастырю имя уважаемого аскета [14]. Вероятно, обитель вобрала последователей Марона, почитавших его

как истинного приверженца православной веры.

Выбор имени для посвящения красноречиво говорит о прославлении одного из проявлений святости Марона — ревнителя чистоты христианского вероучения, сокрушении идолов. Таким образом, в последующие столетия в многоплановом почитании Марона именно эта грань — защита веры — послужила основанием, особо важным фактором для дальнейшего развития и распространения под воздействием местных реалий того периода в Сирии и Ливане.

В VI веке монастырь считался оплотом халкидонитства, его игумен был архимандритом (экзархом), надзирающим над другими монастырями провинции Сирия Вторая, столицей которой была Апамея на реке Оронт. На этот факт указывает В.В. Болотов, приводя в свидетельство документы VI века. Один из них, датированный 517 годом и являющийся коллективным письмом архимандритов и монахов провинции к папе Гормизду, подписан следующим образом: «Александр, Божественною милостью пресвитер и архимандрит монастыря Марона». Следующий документ относится к поместному собору 536 года против патриарха Анфима. Участник собора и делегат от монастыря Марона поставил подпись: «Павел, апокрисиарий обители блаженного Марона, Экзарх монастырей Сирии Секунды» [1, с. 668–669].

Эстонский ученый Артур Выбус, изучавший сирийскую монашескую традицию, подчеркивает, что монастырь святого Марона был прославляем не только как центр правильного догматического учения, но и как обитель, в которой насельники ведут строгую аскетическую жизнь [16, с. 252].

В заключение необходимо отметить, что с момента основания монастыря близ Апамеи на берегу реки Оронт почитание преподобного Марона приобретает все более широкий характер [12], чтобы к концу VII века выйти за границы Сирии и получить распространение в Ливане, где и поныне прославляется святой пустынник (так, день памяти святого Марона, 9 февраля, является государственным праздником и широко отмечается по всей стране).

References

- [1] Bolotov V.V. Lectures on the history of the Ancient Church III – IV. History of the Church during the period of the Ecumenical Councils. - Minsk: Belarusian Orthodox Church, 2011. 768 p.
- [2] N. Glubokovsky, Blessed Theodorite, Bishop of Kirsy: His Life and Literary Activity. - M., 1890. Volume II. 415 p.
- [3] Grisjuk A., Met. Historical sketch of Syrian monasticism until the half of the 6th century // Andreevsky Vestnik. 2002. № 2 (6).
- [4] Ivanova A.V. Veneration of the Monk Maron, the Syrian hermit: an outline of the historiography of the XX-XXI centuries. // Christianity in the Middle East. 2017. № 3. P. 29-35.
- [5] Ivanova A.V. Iconography of the Monk Maron as an aspect of the veneration of the saint // Christianity in the Middle East. 2018. № 4. P. 21-31.
- [6] Rodionov M.A., Sarabev A.V. The Maronites: Traditions, History, Politics. - M.: Institute of Oriental Studies RAS, 2013. 501 p.
- [7] Tayyar Macarius, archim. The history of the Antiochian Orthodox

- Church from its foundation to the beginning of the 20th century. - Sergiev Posad: MDA, 1978. Volume 1. 14 p.
- [8] Theodorite of Cyrus, blessed. History of God-lovers with the addition of "On Divine Love" / Per. A.I. Sidorov. - M., 1996. 230 p.
- [9] Canivet P. Le monachisme syrien selon Theodoret de Cyr. 1977. 317 p.
- [10] Historia anteislamica, arabice. ed. H. Fleischer. — Lipsiae: Vogel. 1831. 112 p.
- [11] List of World Heritage in Danger. UNESCO World Heritage Center // URL: <http://whc.unesco.org/en/danger> (15.01.2020).
- [12] Moosa M. The Maronites in history. — Syracuse University Press, 1986. 31 p.
- [13] Naaman P., Abbot. Theodoret de Cyr et le monastere de saint Maroun. — Kaslik, Liban, 1987.
- [14] Naaman P., Abbot. The Maronites: The origins of an Antiochene Church: A Historical and Geographical Study of the Fifth to Seventh Centuries. 2009. 199 p.
- [15] Theodoretus Historia religiosa // Patrologiae cursus completus (Series Graeca) / Ed. par J.-P. Migne. En 161 t. Paris, 1857–1866. Vol. 82. P. 1283-1522.
- [16] Vööbus A. History of Asceticism in the Syrian Orient. Vol. II. Early monasticism in Mesopotamia and Syria, Louvain, 1960.

Список литературы

- [1] Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви III–IV. История Церкви в период Вселенских Соборов. — Минск: Белорусская Православная Церковь, 2011. 768 с.
- [2] Глубоковский Н. Блаженный Феодорит, епископ Кирский: Его жизнь и литературная деятельность. — М., 1890. Том II. 415 с.
- [3] Грисюк А., митр. Исторический очерк сирийского монашества до половины VI века // Андреевский вестник. 2002. № 2 (6).
- [4] Иванова А.В. Почитание преподобного Марона, пустынножителя сирийского: очерк историографии XX–XXI вв. // Христианство на Ближнем Востоке. 2017. № 3. С. 29-35.
- [5] Иванова А.В. Иконография преподобного Марона как аспект почитания святого // Христианство на Ближнем Востоке. 2018. № 4. С. 21-31.
- [6] Родионов М.А., Сарабьев А.В. Марониты: традиции, история, политика. — М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. 501 с.
- [7] Тайяр Макарий, архим. История Антиохийской Православной Церкви от ее основания до начала XX века. — Сергиев Посад: МДА, 1978. Том 1. 134 с.
- [8] Феодорит Кирский, блаж. История боголюбцев с прибавлением «О божественной любви» / Пер. А.И. Сидорова. — М., 1996. 230 с.
- [9] Canivet P. Le monachisme syrien selon Theodoret de Cyr. 1977. 317 p.
- [10] Historia anteislamica, arabice. ed. H. Fleischer. — Lipsiae: Vogel. 1831. 112 p.
- [11] List of World Heritage in Danger. UNESCO World Heritage Center // URL: <http://whc.unesco.org/en/danger> (15.01.2020).
- [12] Moosa M. The Maronites in history. — Syracuse University Press, 1986. 31 p.
- [13] Naaman P., Abbot. Theodoret de Cyr et le monastere de saint Maroun. — Kaslik, Liban, 1987.
- [14] Naaman P., Abbot. The Maronites: The origins of an Antiochene Church: A Historical and Geographical Study of the Fifth to Seventh Centuries. 2009. 199 p.
- [15] Theodoretus Historia religiosa // Patrologiae cursus completus (Series Graeca) / Ed. par J.-P. Migne. En 161 t. Paris, 1857–1866. Vol. 82. P. 1283-1522.
- [16] Vööbus A. History of Asceticism in the Syrian Orient. Vol. II. Early monasticism in Mesopotamia and Syria, Louvain, 1960.

Аникина А.В.*Кандидат социологических наук, доцент кафедры «Философия, социология и политология»
ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия».*

Добродетель у нижегородских пятидесятников в социологическом измерении*

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного автором среди прихожан нижегородского объединения церквей христианской веры евангельской «Библейский Центр «Посольство Иисуса» с целью изучения влияния социально-демографических характеристик верующих на присущие им добродетели и отношение к тем добродетелям, которые они хотели бы обрести. Выявлены особенности морали опрошенных. Рассмотрено гендерное восприятие добродетелей. Изучено влияние образования на мотивацию достижения добродетелей.

Ключевые слова: добродетель, моральные качества, пятидесятники, нижегородский регион, гендерный фактор, образование, семейное положение.

Anikina A. V.*Candidate of Science (Sociology), Assistant Professor of Department
“Philosophy, Sociology and Political Science”, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy.*

Virtue at the Nizhny Novgorod Pentecostals in sociological measurement

Abstract. The article presents the results of a sociological study conducted by the author among the parishioners of the Nizhny Novgorod Association of Churches of the Christian Faith by the Evangelical Bible Center “Embassy of Jesus”. The goal is to study the influence of socio-demographic characteristics of believers in the inherent virtues and those virtues that they wish to acquire. Identified characteristic morals of respondents. The gender perception of virtues is considered. The influence of education on the motivation to achieve virtues is studied.

Key words: virtue, moral qualities, pentecostals, Nizhny Novgorod region, gender, education, marital status.

Добродетель, как философско-богословская категория, есть видимое проявление нравственной сущности человека, моральная вершина его поведения. В христианстве добродетель соотносится с целью. Она является качественной характеристикой человека и реализуется в поступках, соотнесенных с общественными образцами поведения. Добродетель выступает как свободный образ действий, в ходе которого индивид принимает на себя риск собственных решений, деятельно противостоя пороку¹.

Верующие Российского объединенного Союза христиан веры евангельской (пятидесятников) также, как и все религиозно-ориентированные люди, практикуют добродетели, предотвращая поступки и действия, «приводящие к дурным привычкам и греховному порабощению духа, души и тела». Поскольку христианские добродетели должны превосходить собственно моральные принципы, то для их приобретения человек обязан прилагать усилия по борьбе со своими страстями. Поэтому освоение базовыми

навыками добродетельности может рассматриваться не только неотъемлемой характеристикой верующего человека, но и способом обретения христианских совершенств. Обратим внимание на то, что добродетель есть приобретенное, а не врожденное качество души. Она достигается в процессе воспитания и образования².

Как же соотносятся социально-демографические характеристики нижегородских пятидесятников с практикой добродетельности? Ответ на этот вопрос мы получили в ходе пилотажного социологического исследования прихожан нижегородского объединения церквей христианской веры евангельской «Библейский Центр «Посольство Иисуса» (N=259, из них 43,2% мужчин и 56,8% женщин). Новизна изучения состояла в том, что анализировались не только установки верующих о присущих им добродетелях, но и отношение к тем добродетелям, которые прихожане хотели бы обрести.

Согласно полученным данным (табл. 1), пятер-

1 Гусейнов А.А. Добродетель // Газета «Протестант». 28.06.2010 // Электронный ресурс. // URL: <http://www.gazetaprotestant.ru/2010/06/dobrodetel/> (дата обращения: 02.04.2020 г.).

2 Гущина А.В. Воспитание добродетелей как педагогическая проблема // Поволжский педагогический вестник. 2018. Том 6. № 3 (20). 46 с.

* © Аникина А.В., 2020.

Добродетель у нижегородских пятидесятников в социологическом измерении

ку добродетелей, которые присущи опрошенным возглавляет «вера» (37,2%). Затем следует «любовь» (34,7%) и «надежда» (28,3%). Отмеченные добродетели не только проявления главных христианских свойств человека, но и внутренние психические состояния. Это вера в силу и могущество Господа, по воле которого может исполниться любой замысел. Любовь к высшему существу, дарующему исполнение жизненно важных ожиданий. Надежда, что исполнятся те желания, которые еще не сбылись, но могут сбыться³. Четвертую и пятую строчки занимают воспитываемые моральные качества. Это «справедливость» (26,8%) и «благожелательность» (26,5%). Так, наступление справедливости рассматривается как воздаяние Бога людям за их дела в земной жизни. Благожелательность проявляется в заботах и ограждении ближнего от нравственного и физического зла.

По-существу, приписывая себе эти добродетели, прихожане не только подтверждают собственную мировоззренческую позицию, но и косвенно определяют линии своего дальнейшего нравственного роста. Подчеркнем, что христианская традиция рассматривает процесс становления добродетелей как восстановление подобия Божия в человеке и его дальнейшее возрастание к святости⁴. Отсюда верующий человек осознает себя существом особого рода, связанным с духовным миром личной формулой отношений с Богом⁵.

Поэтому среди совершенств, которые хотели бы обрести респонденты не случайно оказываются: «мудрость» (42,9%), «непрестанная молитва» (35,7%) и «смирение» (29,6%). Поскольку мудрость «вселяется» через Слово Божие, то она необходима верующему для спасения души. Все желающие преуспеть в христианской жизни должны посвятить молитве продолжительное время. При этом, смирение позволяет прихожанину осознать себя слабым человеком, который не выберется из власти греха без помощи Господа и, тем самым, открывает двери для других добродетелей. В их числе «кротость» (28,8%) и «любовь» (26,5%). Любовь, как высшая из добродетелей становится венцом всех совершенств, а кротость, является смиренной преданностью Богу и оказывается утверждением терпения, матерью любви.

В итоге, мы видим не только восприятие трансцендентной реальности верующими, но и те качества, которые становятся сверхзначимыми в обретении искомого небесного идеала. В целом, контур зафиксированных в исследовании добродетелей (приписываемых себе прихожанами и тех, которыми верующие хотели бы овладеть) передает, с одной стороны, трансляцию собственно христианских

ценностей, с другой – расстановку акцентов на значимые для нижегородских пятидесятников духовные совершенства.

Обратимся к гендерным предпочтениям. У обследуемой группы прихожан они несколько отличаются. В тройке отмеченных мужчинами мы находим: «веру» (53,6%), «любовь» (46,4%) и «справедливость» (46,4%). У женщин выборка представлена «верой» (58,5%), «любовью» (57,1%) и «надеждой» (44,9%). «Справедливость» занимает у респондентов женского пола только шестую строчку. Четвертая и пятая позиция у «благожелательности» (41,5%) и «старательности» (36,9%). Мужчины на четвертое место ставят «надежду» (39,1%), на пятое – «благожелательность» (39,1%). «Старательность» занимает у них шестое место.

Выявленное различие подтверждает большую нацеленность на результат и меньшую эмоциональность в восприятии ситуации мужчинами нежели женщинами. И наоборот, большую адаптивность и внушаемость среди лиц женского пола. Согласимся, гендерный фактор обуславливает особенности поведения и жизнедеятельности человека. Кроме того, он формируется в проектной среде социально-психологических поведенческих стереотипов и установок⁶. Отсюда мы видим некоторые отличия в выборе добродетелей среди мужчин и женщин. Но, несмотря на различие в гендерном предпочтении тех добродетелей, которые хотели бы обрести респонденты (табл.2), в пятерке самых востребованных и у мужчин, и у женщин остаются «мудрость», «непрестанная молитва», «любовь», «кротость» и «смирение».

Рассмотрим отношение к добродетелям исходя из семейной позиции опрошиваемых. Так, среди женатых (замужних) верующих «вера» и «любовь» занимают лидирующие места в списке приписываемых себе совершенств (53,0% и 52,3% соответственно). Они значительно опережают «справедливость» (41,7%), «старательность» (40,9%) и «надежду» (35,6%). Такую добродетель, как «смирение», зафиксировало у себя меньше половины (41,2%) вдовствующих и только четвертая часть (27,3%) женатых (замужних) верующих. Каждый десятый среди разведенных и вдовствующих (12,1% и 11,8% соответственно) отмечает доблесть «непрестанной молитвы». У холостых респондентов она встречается реже (6,5%). Четверти (23,5%) вдовствующим присуща «кротость», которую отметили только 11,7% холостых респондентов и 12,1% разведенных. «Жертвенность» обозначена у 41,7% женатых, 33,3% разведенных и 27,3% холостых. В то же время, среди совершенств, которые хотели бы обрести вдовствующие отмечается «мудрость» (82,4%) и «скромность» (23,5%). У женатых (замужних) – «кротость» (46,2%).

По-существу, прихожане демонстрируют острое желание обрести такие важные для верующего че-

3 Грановская Р.М. Психология веры. – СПб.: Издательство «Речь», 2004. 287 с.

4 Каменева О.Л. Этика добродетели в педагогике: совершенство как цель нравственного воспитания // Педагогический журнал. 2019. Т. 9. № 1А. 510 с.

5 Двойнин А.М. Психология верующего: Ценностно-смысловые ориентации и религиозная вера личности: Монография / А.М. Двойнин. – СПб.: Речь, 2011. 65 с.

6 Горобец Т.Н. Психологические особенности влияния гендерного фактора на жизнедеятельность человека // Акмеология. 2015. № 4 (56). 218 с.

Таблица 1. Распределение отношения верующих к добродетелям, (%)*.

Добродетели, присущие верующим	Всего	Добродетели, которые верующие хотели бы обрести	Всего
Вера	37,2	Мудрость	42,9
Любовь	34,7	Непрестанная молитва	35,7
Надежда	28,3	Смирение	29,6
Справедливость	26,8	Кротость	28,8
Благожелательность	26,5	Любовь	26,5
Старательность	25,0	Вера	22,2
Жертвенность	23,5	Жертвенность	20,7
Скромность	21,9	Щедрость	19,9
Смирение	19,9	Бережливость	18,9
Щедрость	16,6	Мужество	17,1
Мудрость	15,8	Старательность	13,8
Бережливость	15,6	Благожелательность	11,5
Кротость	10,2	Справедливость	7,9
Мужество	8,9	Скромность	7,7
Непрестанная молитва	5,9	Надежда	3,6
Другое	4,8	Другое	3,1

* Возможно несколько вариантов ответов, поэтому сумма больше 100.

Таблица 2. Гендерное распределение добродетелей, которые хотели бы обрести респонденты, (%)*.

Мужчины	Всего	Женщины	Всего
Мудрость	61,8	Мудрость	66,7
Непрестанная молитва	43,6	Непрестанная молитва	61,2
Любовь	43,2	Смирение	46,9
Кротость	42,7	Кротость	43,5
Смирение	40,9	Любовь	37,4
Вера	36,4	Вера	31,5
Мужество	34,5	Жертвенность	31,5
Щедрость	30,9	Бережливость	30,8
Жертвенность	30,3	Щедрость	29,3
Бережливость	24,5	Старательность	18,4
Старательность	23,6	Мужество	18,4
Благожелательность	22,7	Скромность	15,0
Справедливость	9,1	Справедливость	12,9
Скромность	5,5	Благожелательность	12,2
Надежда	3,6	Надежда	6,1
Другое	2,7	Другое	6,1

* Возможно несколько вариантов ответов, поэтому сумма больше 100.

ловека добродетели, как мудрость, непрестанную молитву и смирение. Считая недостаточными для своего духовного роста, хотя и присущие, по собственной оценке, им совершенства (особенно «любовь» и «вера»), опрошенные стремятся стяжать их ещё больше. Схожие взгляды характерны как для женатых/замужних и холостых, так и разведенных, и вдовствующих прихожан.

Проанализируем такие факторы, как образование и материальное положение опрошиваемых. По данным исследования, лицам со средним образованием (ПТУ) несколько больше свойственны «справедливость» (77,8%), «надежда» (64,3%), «скромность» и «смирение» (по 55,6% соответственно). А респондентам с незаконченным высшим образованием - «старательность» (56,9%) и «щедрость» (43,8%). Прихожане со средним специальным образованием (колледж) (30,2%), также, как и лица с высшим образованием (34,0%), больше других зафиксировали у себя «мудрость».

Среди опрошенных с высшим образованием (бакалавриат) преобладает стремление снискать такие доблести, как «кротость» (51,1%) и «смирение» (55,6%). Специалисты с высшим образованием отмечают потребность в «щедрости» (40,4%). Верующие со средним образованием (ПТУ) немного больше, чем остальные респонденты хотели бы обрести «мудрость» (92,9%), «непрестанную молитву» (71,4%) и «мужество» (57,1%). В целом, более высокий уровень образования дает надежду прихожанам лучше адаптироваться в современных социально-экономических условиях. Предоставляя больше возможностей для реализации личностного потенциала, высшее образование, по существу, способствует улучшению самооценки и самоощущения верующих, однако не дает такого выраженного намерения обрести желаемые добродетели, как среднее.

Обратимся к уровню дохода. В исследовании зафиксировано, что респонденты, которые «могут ни в чем себе не отказывать» приписывают себе «щедрость» (48,0%) и «жертвенность» (56,0%). Верующие, «живущие от зарплаты до зарплаты» - «кротость» (29,2%), «смирение» (50,0%) и «скромность» (54,2%). В то же время, добродетели, которые хотели бы перенять опрошиваемые, выживающие в современных социально-экономических условиях - это «мудрость» (75,0%), «щедрость» (50,0%) и «бережливость» (45,8%). «Непрестанную молитву» (64,6%) и «кротость» (56,3%) стремятся обрести верующие с высоким уровнем дохода. Таким образом, уровень материального обеспечения верующих оказывается фактором, коррелирующим не только с приписываемыми, но и с желаемыми добродетелями. Через них прихожане транслируют свои религиозные представления и нормы, фокусируя внимание на значимых групповых ценностях.

В целом, социально-демографические характеристики верующих становятся своеобразными мар-

керами психологических мотивов и религиозных устремлений опрошиваемых. Категория «добродетели», как совокупность положительных качеств и поступков человека, «высвечивает» не только характерные черты нравственности прихожан нижегородской пятидесятнической церкви, но и установки верующих. Помимо исключительно религиозных доблестей, прихожане сосредоточены и на воспитываемых моральных качествах (жертвенность, щедрость, бережливость, мужество, старательность и т.д.). Эти нравственные свойства оказываются для респондентов сверхзначимыми в их групповых ценностях.

Исследование подтвердило большую нацеленность на результат и меньшую эмоциональность в восприятии ситуации мужчинами нежели женщинами. И наоборот, большую адаптивность и внушаемость среди лиц женского пола. Недостаток образования становится фактором мотивации в достижении добродетелей, в то время, как семейное положение не играет существенной роли в их большем стяжании.

References

- [1] Gusejnov A.A. Dobrodetel' // Gazeta «Protestant». 28.06.2010 // E'lektronny'j resurs. Rezhim dostupa: // URL: <http://www.gazetaprotestant.ru/2010/06/dobrodetel> (02.04.2020 g.).
- [2] Gushhina A.V. Vospitanie dobrodetelej kak pedagogicheskaya problema // Povolzhskij pedagogicheskij vestnik. 2018. Tom 6. № 3 (20). P.40-46.
- [3] Granovskaya R.M. Psixologiya very'. – SPb.: Izdatel'stvo «Rech'». 2004. 576 p.
- [4] Kameneva O.L. E'tika dobrodeteli v pedagogike: sovershenstvo kak cel' npravstvennogo vospitaniya // Pedagogicheskij zhurnal. 2019. Vol. 9. № 1A. P. 508-517.
- [5] Dvojnin A.M. Psixologiya veruyushhego: Cennostno-sm'y'slovy'e orientacii i religioznaya vera lichnosti: Monografiya / A.M. Dvojnin. – SPb.: Rech', 2011. 224 p.
- [6] Gorobecz T.N. Psixologicheskie osobennosti vliyaniya gendernogo faktora na zhiznedeyatel'nost' cheloveka // Akmeologiya. 2015. №4 (56). P. 215-219.

Список литературы

- [1] Гусейнов А.А. Добродетель // Газета «Протестант». 28.06.2010 // Электронный ресурс. Режим доступа: // URL: <http://www.gazetaprotestant.ru/2010/06/dobrodetel> (дата обращения: 02.04.2020 г.).
- [2] Гушина А.В. Воспитание добродетелей как педагогическая проблема // Поволжский педагогический вестник. 2018. Том 6. № 3 (20). С. 40-46.
- [3] Грановская Р.М. Психология веры. – СПб.: Издательство «Речь». 2004. 576 с.
- [4] Каменева О.Л. Этика добродетели в педагогике: совершенство как цель нравственного воспитания // Педагогический журнал. 2019. Т. 9. №1А. С. 508-517.
- [5] Двойнин А.М. Психология верующего: Ценностно-смысловые ориентации и религиозная вера личности: Монография / А.М. Двойнин. – СПб.: Речь, 2011. 224 с.
- [6] Горобец Т.Н. Психологические особенности влияния гендерного фактора на жизнедеятельность человека // Акмеология. 2015. № 4 (56). С. 215-219.

Жукова Е.М.*Аспирант кафедры государственно-конфессиональных отношений
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.*

Принцип веротерпимости в философско-религиоведческом дискурсе*

Аннотация. В статье анализируются особенности, сущностные черты веротерпимости. Показывается, как веротерпимость проявляется в исторических реалиях. Рассматриваются ее роль в жизни социума и место в общественно-государственных отношениях. Автор приходит к выводу, что веротерпимость может «вырастать» из общественного сознания, но может быть и утверждена политической властью (либо и то, и другое одновременно). Причем, первое обстоятельство является, на наш взгляд, доминирующим. Веротерпимость нельзя рассматривать как категорию исключительно правовой сферы: это фундаментальный этический принцип, без которого не были возможны не только крупнейшие империи древности и средневековья (Александр Македонский, Ашока, Чингисхан, Акбар Великий), но и существование всего международного сообщества. Особое внимание уделено вопросу актуальности принципа веротерпимости в современных условиях. Изложение сопровождается многочисленными фактами, взятыми преимущественно из истории Российской империи XVII – начала XX вв.

Ключевые слова: веротерпимость, нетерпимость, религиозный фанатизм, религиозное сознание, гуманистичность, эволюционный подход, этика, право, Российская империя.

Zhukova E.M.*Post-graduate student of the Department of state-confessional relations,
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.*

The principle of religious tolerance in the philosophical and religious discourse

Abstract. The article analyzes the specificity and essential features of religious tolerance. The author shows how religious tolerance manifests itself in historical realities. Its role in the life of society and its place in public-state relations are considered. The author makes up a conclusion that religious tolerance can “grow” from the public consciousness, but it can also be approved by political power (or both at the same time). Moreover, the first circumstance should be considered as prevailing factor. Toleration cannot be considered as a category of exclusively legal sphere, as for it is a fundamental ethical principle. Without it, not only the major empires of antiquity and the middle ages (Alexander the Great, Ashoka, Genghis Khan, Akbar the Great), but also the entire international community could not exist. Special attention is paid to the relevance of the principle of religious tolerance in modern conditions. The discourse is accompanied by numerous facts taken mainly from the history of the Russian Empire of the XVII – early XX centuries.

Key words: religious tolerance, intolerance, religious fanaticism, religious consciousness, humanism, evolutionary approach, ethics, law, Russian Empire.

Веротерпимость в условиях глобального общества

XXI век бросает серьезный вызов современному мировому сообществу, становится периодом «собираания камней» (Еккл. 3:5), которые были разбросаны в предшествующие эпохи, периодом неизбежного осознания прошлых ошибок и порою легкомысленного отношения к опасным тенденциям. Мы стали свидетелями всплеск религиозного терроризма, которые наносят непоправимый ущерб народам, памятникам материальной и духовной культуры.

Существующие сегодня подходы к решению острых проблем, связанных с возникновением различного рода агрессии на религиозной почве, зача-

стую неэффективны. В частности, политика мультикультурализма [С. Joppke, 2017, р. 1–43; G. Crowder, 2013, р. 38–80] продемонстрировала недостаточную проработанность вопросов взаимодействия различных культур, перспектив сотрудничества их представителей, совместного проживания на одной территории. Неизбежным следствием такой политики становятся нарастающие конфликты интересов. Деятельность же государств, в фундаменте которых был заложен принцип веротерпимости, приводила к абсолютно иным сценариям развития событий.

Цель данной статьи – выявить и проанализировать особенности веротерпимости, ее сущностные

* © Жукова Е.М., 2020.

Принцип веротерпимости в философско-религиоведческом дискурсе

черты. Автор опирается на принцип дополнительности Н. Бора, который нашел применение в гуманитарных науках. Согласно известному методологу науки Розову М.А., «практическое применение всякого слова находится в дополнительном отношении с попытками его строгого определения» [М.А. Розов, 2012, с. 103–104]. Имеется в виду, что точное определение слова препятствует возможности его практического использования. И данная статья не ставит целью сформулировать определение веротерпимости, поскольку это может затруднить осмысление не только ее практического применения, но и многочисленных, не всегда лежащих на поверхности особенностей, лишь частично обозначенных в предлагаемой работе.

Актуальность исследования принципа веротерпимости обусловлена продолжающимся сегодня поиском путей изучения религий, их взаимодействия, установления их значения в истории, настоящем и будущем человечества. Кроме того, углубление понимания очерченного круга вопросов может дать ключ к осознанию тех психологических установок, которые ведут к религиозному фанатизму. А это значит, что мы постепенно сможем приблизиться к видению того, какими должны быть профилактические меры – не точечные, но решающие задачу целиком, предотвращающие возможную противоправную деятельность.

Выделение смыслового «ядра» веротерпимости важно потому, что позволит не смешивать ее с другими понятиями, которые, в одних случаях могут иметь более широкое/узкое значение, а в других – быть абсолютно чужеродны ему. В последнем случае такое смешение, на наш взгляд, неминуемо приводит к размыванию понятия веротерпимости, искажению его сути и к дальнейшей сложности или невозможности его применения в общественно-политической сфере и научных разработках. А значит и к дальнейшему пониманию его как фундаментального принципа. Выявление его особенностей способствует более глубокому осознанию его специфичности. Он должен быть изучен как на уровне академических работ, так и на простом, «обыденном» уровне, поскольку является одним из ключевых для гармоничного развития социума.

Введение, в перспективе, веротерпимости в законодательство Российской Федерации и других стран как основополагающего принципа позволит на качественно ином уровне решать проблемы, связанные с проявлениями экстремизма, стабилизировать межконфессиональные отношения, способствовать выработке эффективных мер по преодолению проблемы миграционных потоков в условиях глобализации и социальной нестабильности. Кроме того, восприятие данного принципа носителями различных традиций неизбежно послужит импульсом к преобразованиям, которые позитивным образом повлияют на экономику,

культуру, образование, научные достижения, военную сферу и др.

Проведение политики, основанной на принципе веротерпимости, будет благоприятно влиять на обстановку как внутри государства, так и в мире. Существуют различные формы международного сотрудничества (БРИКС, ШОС и т.д.), где задействованы страны, древние культуры и религиозные традиции которых так или иначе обуславливают ментальность современных народов, видение ими собственного пути развития и миропорядка в целом. При выстраивании такой совместной работы, укреплении доверительных отношений возникает необходимость во взаимопонимании на уровне, где важны не только обоюдные экономические интересы. И здесь невозможно обойти вниманием ключевые национальные парадигмы – ценностные координаты государств-партнеров, их образы прошлого и будущего. Без подлинной веротерпимости «проникновение» в эти пространства невозможно. Стало быть, только законодательным урегулированием проблему не решить, важно возвращать понимание обществом веротерпимости как важнейшего этического принципа.

Веротерпимость и социум

Веротерпимость является противоположностью религиозной нетерпимости, отношением большинства к меньшинству (отдельным людям, коллективам), принадлежащему отличному от религии большинства вероисповеданию; она характеризуется тем, что иноверцы не преследуются и не отвергаются обществом, интегрируются в него на приемлемых для обеих сторон условиях [В.И. Гараджа, 2006, с. 198]. Веротерпимость не обязательно нечто навязанное, искусственно внедренное с помощью «буквы закона» или жесткой административной «руки». Она может быть естественным побуждением самого социума, чье сознание демонстрирует готовность принимать ментальность разных народов, умение выстроить с этими народами гармоничные отношения, которые бы позволили им сотрудничать в дальнейшем.

Так, на протяжении длительного исторического периода представители православия, составлявшие довольно высокий процент населения Российского государства [P. Waldron, 1989, р. 104], не препятствовали власти присоединять новые территории, на которых проживали иноверцы, а также приглашать большое количество иностранцев на постоянное место жительства [ПСЗРИ, собр. 1-е, т. 6, с. 420–431; там же, т. 16, с. 126–127]. Вне всяких сомнений, здесь мы имеем дело именно с искренней веротерпимостью, проявляемой «не за страх, а за совесть», поскольку без готовности самого социума интеграция представителей различных конфессий вряд ли была бы успешной и долговечной только в рамках закона. В самом христианском вероучении, которое веками впитывалось россий-

ским обществом, содержатся идеи веротерпимости (например, евангельская притча о добром самаритянине, рассуждения об отношении к ближнему и др.), что способствовало сохранению благоприятного социального климата в стране.

Исследователи нередко указывают, что веротерпимость, ее степень и формы в том или ином социуме обуславливаются, во-первых, особенностями конкретного типа религиозного сознания, а во-вторых, политическими интересами власти [В.И. Гараджа, 2006, с. 199; М. Kahlos, 2013, р. 1]. Что касается определяющей роли «типа религиозного сознания», то здесь обычно обращаются к двум аргументам. С одной стороны, говорят о «языческих» культурах, представители которых веруют в собственных богов и как естественное воспринимают существование чужих богов у остальных народов. С другой стороны, о средневековом христианстве в Европе, носители которого строили свою нетерпимость на убеждении в исключительности только их религии [В.И. Гараджа, 2006, с. 199]. Заметим, однако, что в первом случае политеистическое мировоззрение не исключает нетерпимости. Вспомним хотя бы гонения первых христиан в Римской империи [В.В. Болотов, 1994, с. 44–160; М.С. Стецкевич, 2013, с. 33] или антагонизм последователей индуистских учений и мусульман в Средневековой Индии [К.А. Антонова и др., 1973, с. 178]. Столь же неоднозначна ситуация и во втором случае: наряду с указанной «европейской» нетерпимостью можно наблюдать как в Российском государстве, где проживал довольно большой процент христиан, прослеживается веротерпимость. Француз капитан Мажерет (нач. XVII в.) был поражен совместным существованием множества вероисповеданий в государстве и практически полной свободой вероисповедания. А. Олеарий (XVII в.), немецкий географ, историк, также отмечал терпимость и доброжелательность российского населения [Россия..., 1986, с. 10–14]. Таким образом, язычество – это не единственный тип религиозного сознания, способный к проявлению веротерпимости. И, следовательно, предпосылки к религиозной (не)терпимости нужно искать не в едино- или многобожии. Взгляд на веротерпимость как на принцип, якобы противоречащий убеждению монотеиста об «истинности» его религии [А. Margalit, 1996, р. 147–157], требует существенной корректировки. В пересмотре нуждаются и подстраивающиеся под это концепция «внутренней» и «внешней» веротерпимости, принцип ригоризма, эксклюзивизма и т.д. [А.В. Логинов, 2017, с. 37–46]

На протяжении мировой истории немало религиозных авторитетов *монотеистических* религий проявляли веротерпимость и провозглашали различные этические принципы – сострадание, милосердие и др. То же самое относится к неисчислимому множеству рядовых последователей различных

религиозных учений. То, что идея веротерпимости не только локально, но даже в мировом масштабе является более жизнеспособной, подтверждает само существование человечества. Веротерпимость обеспечивает иммунитет государственному организму, обществу и предупреждает вспышки религиозного фанатизма.

Что касается политической стороны дела, то здесь следует отметить следующее. Нетерпимость может взращиваться в религиозном сознании властью в целях укрепления своего положения в государстве, и таким образом реализуется принцип «разделяй и властвуй». Веротерпимость же наоборот естественным образом способствует сплочению общества, росту осознанности, и таким образом выступает противоположностью упомянутому принципу разделения. Поэтому наличие или отсутствие веротерпимости у тех или иных властных структур может свидетельствовать об их ориентирах и целях. Утверждению веротерпимости «в сознании и деятельности значительной части земель препятствует религиозная нетерпимость, используемая в политических целях» [И.Н. Яблоков, 1998, с. 348]. Вместе с тем было бы неправильно думать, что религиозная нетерпимость есть всецело продукт политических технологий. Корни проблемы лежат гораздо глубже – в области этики и культуры.

Исследователи подчеркивают, что веротерпимость может характеризовать и духовную сферу жизни социума, человечества. Например, в XX в. веротерпимость проявилась через экуменизм [М.В. Легеев и др., 2017, с. 223–240; И.С. Филиппов, 2017, с. 293]. Если с характеристикой веротерпимости как категории духовной жизни человека можно согласиться, то отсылка к экуменизму вызывает возражения. На наш взгляд, эти понятия имеют разную природу. Поясним, известная формула «in varietate Concordia» (единство в многообразии) подразумевает сверхсмысловое единство, где многообразие не только не противоречит ему, но, более того, является своего рода качеством единства. В веротерпимости можно четко проследить единство в многообразии. Следование данному принципу, в отличие от экуменизма, позволяет сохранить самобытность религиозных традиций. Разумеется, определенная консервативная прослойка необходима каждой конфессии, чтобы оберегать сущность учения, базовые ориентиры при продвижении по духовному пути. К примеру, в русской православной традиции такими ориентирами являются Сергей Радонежский, Серафим Саровский и др., в католической – Франциск Ассизский, Пио из Пьетрельчины и др. Веротерпимость призвана не допустить «переделывания» сферы сотрудничества в отношении «руководитель – подчиненный», избежать деструктивных последствий. Известным историческим примером может послужить подписание унии и возникновение униатства, которое внесло

сильнейшее напряжение между конфессиями. Это стало отправной точкой для большого количества конфликтов (охвативших белорусские, украинские земли Речи Посполитой), которые еще длительное время предстоит изживать [М.В. Дмитриев, 2017, с. 36–37]. Если веротерпимость обладает синтетичностью, то экуменизм по своей сути эклектичен.

Веротерпимость и соотнесенные качества

В орбиту принципа веротерпимости входят такие качества как, например, справедливость, сострадание, созидание, гуманистичность. Рост гуманистичности в государстве, социуме неизбежно ведет к развитию веротерпимости и наоборот. Причем эти тенденции можно проследить как в жизни отдельных людей, так и в более широких масштабах. В Российской империи развивалась благотворительная деятельность, крупнейшей благотворительной организацией стало Императорское Человеколюбивое общество. Учрежденное императором Александром I в 1802 г. оно ставило своей задачей оказание помощи нуждающимся людям любого возраста, пола, религиозной принадлежности [ПСЗРИ, собр. 1-е, т. 27, с. 142.]. Подобные шаги способствовали созданию атмосферы межконфессионального сотрудничества в стране. Характерным проявлением такого сотрудничества было стремление представителей одной конфессии сохранить здоровье и жизнь представителям другой. Упомянем лишь один из таких случаев: в Астрахани на протяжении XIX в. неоднократно вспыхивала холера, и в числе тех, кто содействовал преодолению эпидемии, был лама Хайдапов – знаток тибетской медицины, буддийский священнослужитель, удостоенный за свою подвижническую деятельность императорской награды [А.А. Алов и др., 1998, с. 359]. Аналогичных ситуаций в Российском государстве на протяжении всего периода его существования было множество. Подобные примеры свидетельствуют о постепенном и неуклонном преодолении разного рода предрассудков, связанных с осквернением от «прикосновения неверного» и т.п.

Веротерпимость гуманистична, ее сутью является любовь к человеку и уважение к его восприятию образа «священного», к его чувствам и действиям по отношению к этому образу. Под гуманистичностью мы понимаем человеколюбие – противоположность человеконенавистничеству. В этом смысле интересна реакция представителей различных конфессий, довольно жестко оценивающих поступки, противоречащие гуманистичности, всевозможные деструктивные проявления в многоконфессиональном обществе. Таким примером может послужить выступление православного проповедника Иоанна Кронштадтского по поводу кишиневского антиеврейского погрома 1903 г. По его мнению, участники погрома (христиане), совершающие подобные действия в отношении представителей другой конфессии (иудеев)

во время пасхальной недели, не понимают значения важного религиозного праздника, показывают свое неверие в заветы, в воскрешение Иисуса Христа. «Вместо праздника христианского, – добавлял Иоанн Кронштадтский. – они устроили скверноубийственный праздник сатане... землю превратили как бы в ад» [Слово..., 1919, с. 352–353]. Проповедник напомнил евангельскую историю из жизни Иисуса Христа, описанную в Священном Писании, о том, как его ученики решили расправиться с жителями «селения Самарянского» [там же], которые отказались принять первых. Но их наставник запретил так поступать, подчеркивая, что его задача – спасти души, а не губить их [там же].

Религиозный фанатизм неизбежно вызывает ответную реакцию, в том числе антиклерикального характера. Она способна выражаться в любых формах жестокости – кровопролитиях, гонениях и т.д. Великая французская революция предстает ярким примером «ответа» на инквизицию, действовавшую на территории европейских государств многие века. Стихийные революционные массы во Франции нередко были беспощадны к представителям духовенства [М.Я. Домнич, 1960, с. 182–184; Я. Михайлов, 1929–1931, с. 5–23; Н. Gough, 2010, р. 4–6], несли разрушительный «заряд». Особенностью же веротерпимости является *созидание*. Именно оно способствует появлению и укреплению сотрудничества между людьми, естественному раскрытию и реализации потенциала индивидов. В том числе благодаря веротерпимости российских властей, в страну переселялись представители различных древних родов (протестантских, католических и др.), многие из них оставались в России, занимали высокие посты, находились на государственной службе и вносили свой вклад в развитие науки, образования, промышленности, военной области и т.д. Так, представители знатного рода Врангелей, датского происхождения, появились на российской службе в XVIII в. [К.К. Врангель, 1892, с. 335]. Ф.П. Врангель (1797–1870) – адмирал, член Петербургской академии наук; им были исследованы арктические берега Сибири, водные территории, российские земли в Америке, совершены экспедиции, написан ряд сочинений и т.д.; он являлся одним из учредителей Русского географического общества, управляющим морским министерством [Ф.Ф. Врангель, 1892, с. 337–339; История, 2019].

Приезжие иностранцы привлекались к самым разнообразным сферам деятельности. Скажем, К.И. Габлиц (1752–1821, родом из Пруссии, лютеранского вероисповедания) готовил физико-географическое, историческое описание полуострова Крым; состоял в должности вице-губернатора Таврической области; ему было поручено лично контролировать Таврические соляные промыслы; он являлся тайным советником, президентом мануфактур-коллегии, главным директором лесного департамента; был отмечен Екатериной II и князем Потемкиным; в течение своей

жизни участвовал в нескольких экспедициях, одной из них была экспедиция ученого С. Г. Г. Гмелина; был попечителем евангелической церкви святой Анны Петербурга (финансировал ремонт здания), помогал заведению для сирот при этом храме; участвовал в создании Российского Библейского Общества [Габлиц, 1914, с. 10–14; А.Б. Миндлин, 2007, с. 291–292].

Поступательное развитие страны, предполагавшее внимание к традициям и бережное использование опыта многоконфессионального населения, а не безудержное истребление инородцев и уничтожение их храмов (что в корне противоречит гуманистическим установкам), свидетельствует о том, что созидание является практической целесообразностью для общества, страны.

Веротерпимость в контексте общественно-государственных отношений

Согласно установившейся в литературе точке зрения, веротерпимостью является признание со стороны государства права каждого гражданина исповедовать любую веру, уважительное отношение к религиозному инакомыслию [В.И. Гараджа, 2010, с. 384; И.Н. Яблоков, 1998, с. 347]. Так, принцип веротерпимости способен проявляться, например, через правовую сферу. Здесь стоит вспомнить империю великих моголов во времена правления Акбара (1556–1605), которая охватывала обширные территории полуострова Индостан. Сам император, будучи мусульманином, провел многочисленные преобразования, в том числе и законодательные, в основе которых лежал принцип веротерпимости: объявил о свободе вероисповедания; уравнил в правах индуистов и представителей ислама; отменил «джизью» (налог, взимаемый с немусульман) и налог на индуистов-паломников; снял дискриминационные ограничения, например, запрет служить в войсках или органах управления, дав индийцам возможность занимать государственные должности, и т.д. [В. Шеремет, 2003, с. 22–24; К.А. Антонова и др., 1973, с. 213–214; V.A. Smith, 1966, р. 64–66] Данный факт раскрывает отношения «государство – гражданин». Право же регулирует и отношения «гражданин – гражданин».

Следует заметить, что веротерпимость проявляет себя не только через права и свободы, она невозможна без обязанностей, ответственности. Этот принцип уравнивает все конфессии, способствует запуску процессов, в результате которых права одной не нарушают права другой. Он не означает «вседозволенности» [Рекомендации..., 2006], более точным сравнением здесь будет образ «золотой середины»: с одной стороны, происходит расширение прав и свобод представителей различных конфессий, с другой стороны – возвращение в обществе все более сознательного и серьезного отношения к вопросу совместного существования и сотрудничества на единой территории.

Например, указ Российской империи от 3 ноября

1713 г. устанавливал запрет на то, чтобы служилые мусульмане владели православными крепостными крестьянами (Казанская и Азовская губернии). Этот шаг был направлен на то, чтобы защитить православно-мусульманские отношения от дальнейших возможных напряжений в религиозной плоскости и, полагаясь, был одним из тех многочисленных факторов, которые постепенно приближали отмену крепостного права. Данный указ являлся продолжением линии, которую определил царь Михаил Федорович Романов в отношении холопов, принадлежавших к православию [Н.В. Самсонов, 2013, с. 75–80; ПСЗРИ, собр. 1-е, т. 5, с. 66]. Но в то же время было бы неправильно относить веротерпимость исключительно к правовой сфере [В. Цыпин, 2004, с. 728]. Ведь история показывает, что порой даже в государственных законах веротерпимость выступает в качестве императива, выводящего далеко за пределы правового поля – в сферу *этики*. Вспомним хотя бы указ императрицы Елизаветы Петровны, запрещающий принуждение иноземцев к смене веры, «ибо сердце человеческое насильствуемо быть не может» [ПСЗРИ, собр. 1-е, т. 12, с. 636–637].

Веротерпимость является фактором, регулирующим целесообразный баланс интересов. Причем важно, чтобы, в конечном счете, происходило соблюдение интересов каждой из конфессий [В.И. Гараджа, 2010, с. 384; И.Н. Яблоков, 1998, с. 347.]. Это означает, что объектом веротерпимого отношения может выступать не только религиозное инакомыслие [В. Цыпин, 2004, с. 728] (верование, недавно зародившееся в традиционной среде, или религия присоединенного народа), но и традиционное, «господствующее» религиозное мировоззрение. Это обстоятельство позволяет отнести веротерпимость к явлению, способному носить в известном смысле безусловный характер.

Чингисхан, опиравшийся на упомянутый принцип и проводивший политику, которую исследователи нередко называют политикой абсолютной веротерпимости (акцентируя внимание на ее безусловном характере) [Г.В. Вернадский, 1997, с. 13.], сумел объединить множество племен, создать одну из крупнейших в истории человечества империй, которая просуществовала больше 100 лет. Он окружил себя советниками, сотрудничал с учеными, представителями духовенства, которые принадлежали к различным вероисповеданиям. Его свод законов «Яса», который родился как преломление моральных устоев суммы религиозных традиций, долгое время оставался правовой и этической основой кочевых народов Азии [Г.В. Вернадский, 1997, с. 13–52, 106–116; Э. Хара-Даван, 1991, с. 59, 104.]. Таким образом, веротерпимость способна выступать в качестве государствообразующего и укрепляющего государство, принципа.

Эволюция проявления веротерпимости Рассмотрение веротерпимости как абсолютного

принципа позволяет говорить не о его избирательности, то есть распространении на *отдельные* религии [В.И. Гараджа, 2006. с. 198], а о полной или частичной его *объективации* каждым конкретным человеком, о том, в какой степени «пронизано» этим принципом сознание данного индивида. Примером такой избирательности может послужить Римская империя, где жителям покоренных территорий позволялось сохранять свои верования, но в то же время христиане подвергались гонениям [М.С. Стецкевич, 2013, с. 33; М. Kahlos, 2013, р. 7]. В Османской империи мусульманская власть покровительствовала исламу, но вместе с тем разрешала своим подданным исповедовать – правда, при условии выплаты особого налога («джизьи») – христианство и иудаизм; кроме того, целый ряд прав «зиммиев» (немусульманского населения), признававших власть мусульман, ограничивался [М.С. Стецкевич, 2013, с. 387–388].

И вот здесь мы вплотную подходим к рассмотрению особенности, которая представляется крайне важной: на наш взгляд, проявление принципа веротерпимости способно *эволюционировать*. Это развитие может иметь характер «прироста» – как количественного (охватывать все новые религиозные традиции), так и, условно говоря, качественно (расширять «глубину» своего действия в отношении каждой религиозной традиции). Очевидный пример – отношение к мусульманам в Российской империи. Если во времена правления Анны Иоанновны было запрещено строительство мечетей в некоторых слободах, где проживало мусульманское население, то уже при Елизавете Петровне этот запрет был ослаблен, а в екатерининскую эпоху вообще снят. Серьезные подвижки в мусульманском вопросе имели место при Екатерине II: была отменена принудительная христианизация представителей ислама, показавшая свою неэффективность. В период существования империи в стране появлялись переводы священных писаний, создавались все новые религиозные учебные заведения и т.д. Постепенное расширение права переходить из одной веры в другую также свидетельствует о том, что правители осознавали важность свободы самоопределения человека в вопросе вероисповедания [А.А. Алов и др., 1998, с. 359–377; Е.А. Шершнева, 2012, с. 266–269; В.А. Ермолов, 2009, с. 106–109; Л.Г. Ивашов, 2014, с. 114; Ю.Г. Матушанская, 2017, с. 103–109; Е.М. Жукова, 2018, с. 640–664].

В литературе принято деление религий, существующих на территории конкретного государства, на «привилегированные», «терпимые» и «нетерпимые», иногда с дальнейшим внутренним разбиением каждой группы. Оно применяется, скажем, в отношении Российской империи, где выделяются: 1) «первенствующая и господствующая» православная церковь [А.Ю. Бендин, 2004, с. 5–6], 2) терпимые вероисповедания (католичество; протестантство; иудаизм; буддизм; ислам и др.), 3) терпимые, но не-

признанные вероисповедания (старообрядцы; сектанты), 4) нетерпимые и непризнанные (сектанты; подпадавшие под категорию «изуверские»; враждебные государству религии). Однако подобное условное деление нельзя рассматривать как раз и навсегда установленный исторический инвариант. Во-первых, отношение к конфессиям, отличным от православия, со временем изменялось в сторону постепенного расширения их прав. Очевидный пример – старообрядчество: вряд ли требует доказательства тот факт, что к концу XIX – началу XX в. положение староверов было абсолютно отличным от их положения непосредственно после раскола [С.А. Зеньковский, 2016, с. 536; А.А. Сафонов, 2017, с. 53; Р. Werth, 2014, р. 4; Извлечения..., 1882, с. 55–57; ПСЗРИ, собр. 3-е, т. 3, с. 219–221.; ПСЗРИ, собр. 3-е, т. 25, с. 257–262]. Во-вторых, перечень религий, к которым власти проявляли веротерпимость, был шире устоявшегося списка, власти старались реагировать на духовные нужды не только жителей государства, но и приезжающих иностранцев. При Елизавете Петровне был выпущен указ о том, чтобы купцам (индийцам, бухарцам и др.) не препятствовали в отправлении ими богослужений в соответствии с их религиозными традициями [ПСЗРИ, собр. 1-е, т. 12, с. 77–78]. Запреты, связанные с насильственным обращением в православие [А.Э. Алакишин, 2006, с. 54], дозволение заключать межконфессиональные браки [ПСЗРИ, собр. 1-е, т. 6, с. 413–419] и другие решения, опиравшиеся на принцип веротерпимости, свидетельствуют об эволюции проявления веротерпимости российскими властями. Помимо прочего, не стоит упускать из виду еще один существенный момент: в результате присоединения новых территорий, влекшего за собою вхождение в общественную систему различных народов, требовали от власти империи не стремительных и «штампованных» действий, а аккуратного, пошагового решения текущих проблем, чуткого и гибкого реагирования на возникающие сложности. Эволюционный подход к изучению принципа веротерпимости в политике России, на наш взгляд, является более плодотворным, нежели следование традиционной, весьма консервативной концепции устойчивого деления российских вероисповеданий на различные категории по признаку «терпимости».

Веротерпимость: от прошлого к современности

Сегодня религиозная нетерпимость приобретает настолько серьезные масштабы, что стала предметом постоянных обсуждений в общественно-политических и научных кругах. Несколько лет назад известным итальянским социологом и религиоведом М. Интровинье были озвучены данные статистики, согласно которой каждые 5 минут в межрелигиозных конфликтах умирает один христианин, это около 100 тыс. человек в год [Persecuzioni..., 2019].

Приведенную статистику сложно оставить без внимания. О том, что проблема нетерпимости стоит весьма остро, свидетельствуют не только цифры, но и сам факт стремительно множащихся межрелигиозных конфликтов. Отсюда во весь рост встает необходимость осмысления веротерпимости, причем не только как «практики» [М.С. Стецкевич, 2006, с. 9], но и как фундаментального принципа, «пропитывающего» общество на уровне чувств, мысленных образов, узаконений.

На протяжении всей истории человек сталкивался с проблемой отношения к «иному». Принцип веротерпимости был основой для сосуществования, даже выживания народов и расширения государств. И Александр Македонский (IV в. до н.э.), завоевавший огромные пространства, на которых проживали представители разнообразных верований [А.С. Шофман, 1976, с. 103, 223, 506], и Ашока (III в. до н.э.), индийский правитель империи Мауриев, которому принадлежала значительная часть Южной Азии, видели в веротерпимости насущную необходимость. В наскальных эдиктах Ашоки говорится о важности не порицать чужое вероучение: «Поступающий таким образом и свое вероучение воистину возвышает, и чужому вероучению способствует. Поступающий иначе и свое вероучение губит, и чужому вредит. Ведь когда кто бы то ни было хвалит собственное вероучение или порицает чужое вероучение с мыслью: “Придам блеск собственному вероучению”, поступающий так из приверженности собственному вероучению его-то именно и губит...”» [Г.М. Бонгард-Левин, 2001, с. 162–164; S.N. Parekar, 2012; N. Lahiri, 2015, p. 229; *Хрестоматия...*, 1997, с. 335]. Эти два опыта прошлого важны еще и тем, что данные правители древности являлись не только создателями гигантских империй, но и представителями разных культурных миров – Европы и Азии.

Обращение к веротерпимости как к этическому принципу, существующему в социальном пространстве, попытка закрепления его в законодательстве могут стать одним из импульсов к глобальным позитивным изменениям в миропорядке. Веротерпимость несет в себе незыблемые гуманистические основы, которые позволяют индивидам выстроить качественно новый мыслительный пласт. Более объемное и точное ее понимание подтолкнет человека к «переживанию» мира как единого организма и в тоже время заложенного в нем многообразия форм.

Веротерпимость занимает совершенно особое место для социума, для развития общественно-государственных отношений, являя собою «вместилище» того набора смыслов, который во всей своей полноте присущ исключительно рассматриваемому понятию. Проявление веротерпимости индивидом/обществом может быть подвержено эволюции. Препятствием к ее утверждению являются:

проблемы в области культуры и этики, а также фа-
нализм, неизбежно ведущий к изуверству и разру-
шению. Веротерпимость же имеет созидательную
направленность. Она способна стать фундаментом
для гармоничного развития многоконфессиональ-
ного государства и обеспечить здоровый климат в
условиях многополярного мира.

References

- [1] Alakshin A.E. Protestant communities in St. Petersburg in the 18th century. Chelyabinsk, 2006.
- [2] Alov A.A., Vladimirov N.G., Ovsienco F.G. World religions. M., 1998.
- [3] Antonova K.A., Bongard-Levin G.M., Kotovsky G.G. History of India (short sketch). M., 1973.
- [4] Bendin A.Yu. Tolerance and problems of the national policy of the Russian Empire (second half of the 19th - early 20th centuries. V.) // Church-Historical Bulletin. 2004. no. 11, pp. 5-6. // URL: <http://www.inst.by/basis/publ/publ-problem.pdf> (04.05.2020).
- [5] Bolotov V.V. Lectures on the history of the Ancient Church. 4 volumes: Volume 2.M., 1994.
- [6] Bongard-Levin G.M. Ancient India. History and culture. SPb., 2001.
- [7] Vernadsky G.V. Mongols and Russia. Tver - M., 1997.
- [8] Wrangel K.K. Wrangeli // Encycl. vocabulary. 86 volumes: Volume 7 / Ed. K. K. Arseniev, F. F. Petrushevsky. SPb., 1892.335 p.
- [9] Wrangel F.F. Wrangel // Encycl. vocabulary. 86 volumes: Volume 7 / Ed. K.K. Arsenyev, F.F. Petrushevsky. SPb., 1892. P. 337-339.
- [10] Gablitz // Russian Biographical Dictionary. 25 volumes: Volume 4 / Ed. N.M. Chulkov. M., 1914. P. 10-14.
- [11] Garadzha V.I. Tolerance // New Philosophical Encyclopedia. 4 volumes: Volume 1.Moscow, 2010. S. 384-385.
- [12] Garadzha V.I. Tolerance // Religious Studies. Encyclopedia. dictionary / Ed. A.P. Zabiako, A.N. Krasnikova, E.S. Elbakyan. M., 2006. P. 198-200.
- [13] Dmitriev M.V. Unity // Great Russian Encyclopedia. 35 volumes: Volume 33.M., 2017.S. 36-37.
- [14] Domnich M.Ya. The Great French Bourgeois Revolution and the Catholic Church. USSR Academy of Sciences. M., 1960.
- [15] V.A. Ermolov Features of the education system in the national schools of the Russian Empire: Muslim and Jewish schools // Society. Wednesday. Development (Terra Humana). 2009. № 4. P. 100-109.
- [16] Zhukova E.M. The multi-confessional Russian state: the specifics of the development of the legislative and administrative framework based on the principle of religious tolerance (early 18th century - 1917) // Mission of confessions. 2018. Vol. 7.Part 6. № 33. P. 640-664.
- [17] Zenkovsky S.A. Old Believers, Church and State // Zenkovsky S.A. Russian Old Believers: in 2 volumes. M., 2016. P. 532-538.
- [18] Ivashov L.G. The archetype of man and the future of mankind // BEREGINYA, 777, SOVA. 2014. № 2 (21). P. 111-116.
- [19] Extracts from orders on the cases of schismatics under Emperors Nicholas and Alexander II, supplemented by Melnikov's note Leipzig, 1882.
- [20] History // All-Russian public organization Russian Geographical Society // URL: <https://www.rgo.ru/obshchestvo/istoriya> (06.30.2019).
- [21] Legeev MV, Zinkovsky M., Zinkovsky K. Ecumenism as a phenomenon of our time // Bulletin of the RHGA. 2017. № 4. P. 223-240.
- [22] Loginov A.V. Is internal religious tolerance possible? // Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. 2017. № 4 (170) (Volume 12). P. 37-46.
- [23] Matushanskaya Yu.G. Christian education in the Russian Empire // Kazan pedagogical journal. 2017. № 3 (122). P. 103-109.
- [24] Mindlin AB State, political and public figures of the Russian Empire in the fate of the Jews. 1762-1917: a reference book of personalities. SPb., 2007.
- [25] Mikhailov J. The Great French Revolution and the Church. 2 t.: vol. 2.M., 1929-1931.
- [26] PSZRI: First collection: in 48 volumes. St. Petersburg, 1830.
- [27] PSZRI: Collection of the third: in 33 volumes. St. Petersburg., 1885-1916.
- [28] Recommendations of the Public Chamber of the Russian Fed-

- eration. On tolerance and countering extremism in Russian society // Strategy of Russia. 2006. № 5. // URL: http://www.fondedin.ru/sr/new/fullnews_arch_to.php?subaction=show-full&id=1148635602&archive=1148637646&start_from=&ucat=14& (17.06.2019).
- [29] Rozov M.A. Theory of knowledge as an empirical science // Epistemology: development prospects / Otv. ed. V.A. Lektorsky. M., 2012. P. 90-123.
- [30] Russia XV-XVII centuries. through the eyes of foreigners / Preparation of texts, introductory article and comments by Yu.A. Limonov. L., 1986.
- [31] Samsonov N.V. On the legal status of Russian Muslims during the reign of Peter the Great // Science and Education: Economy and Economy; entrepreneurship; law and governance. 2013. № 1 (32). P. 75-80.
- [32] Safonov A.A. State and confessions in late imperial Russia: legal aspects of mutual relations: monograph. M., 2017.
- [33] Word of Fr. John of Kronstadt. My thoughts on the violence of Christians against Jews in Chisinau // Materials for the history of anti-Jewish pogroms in Russia. In 2 volumes. Volume 1: Dubossary and Chisinau affairs of 1903 / Ed. and with introductory articles by S.M. Dubnova and G. Ya. Red-Admoni. Commission for the Study of the History of Anti-Jewish Pogroms in Russia, under the Jewish Historical and Ethnographic Society. Pg., 1919. P. 352-353.
- [34] Stetskevich M.S. Religious tolerance and intolerance in the history of European culture. SPb., 2013.
- [35] Stetskevich M.S. Freedom of Conscience: A Study Guide. SPb., 2006.
- [36] Filippov I.S. Ecumenism // Great Russian Encyclopedia. 35 volumes: Volume 35. M., 2017. 293 p.
- [37] Khara-Davan E. Genghis Khan as a commander and his legacy: Cultural and historical sketch of the Mongol Empire. Afterword by L.S. Burchinova. 2nd edition. Elista, 1991.
- [38] Reader on the history of the Ancient East. M., 1997.
- [39] Tsylin V. Tolerance // Orthodox encyclopedia. 44 volumes: Volume 7 / Ed. Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II. M., 2004. P. 728-734.
- [40] Sheremet V. Akbar - All Indian Guru // Science and Religion. 2003. № 3. P. 22-24.
- [41] Shershneva E.A. Problems of reforming Muslim education in the Russian Empire at the beginning of the XX century. // Bulletin of the Altai State University. 2012. № 4-1 (76). P. 266-269.
- [42] Shofman A.S. Eastern policy of Alexander the Great. Kazan, 1976.
- [43] Yablokov I.N. Religious Studies: Textbook and Educational Dictionary-Minimum on Religious Studies. M., 1998.
- [44] Crowder G. (2013) Theories of Multiculturalism: An Introduction. Cambridge.
- [45] Gough H. (2010) The terror in the French Revolution. London.
- [46] Joppke C. (2017) Is Multiculturalism Dead?: Crisis and Persistence in the Constitutional State. Cambridge.
- [47] Kahlos M. (2013) Forbearance and Compulsion: the rhetoric of religious tolerance and intolerance in late antiquity. London.
- [48] Lahiri N. (2015) Ashoka in ancient India. Cambridge.
- [49] Margalit A. (1996) The Ring: on Religious Pluralism. In D. Heyd. (ed.) Toleration: An Elusive Virtue. Princeton. P. 147-157.
- [50] Parekar S.N. (2012) Ashokas 'Dhamma' - an instrument of social solidarity and religious harmony // Ananda Coomaraswamy Memorial Conference of Asian Art & Culture University of Kelaniya. Sri Lanka 8-10 September 2012. // URL: https://www.researchgate.net/profile/Nanda_Parekar/publication/258045182_Ashoka_Paper_Final_1/links/00463526b5ef3e3826000000/Ashoka-Paper-Final-1.pdf (07.08.2019).
- [51] Persecuzioni Anticristiane. Introvigine: 90 Mila Uccisi Nel 2016. Radio Vaticana. // URL: http://www.archivioradiovaticana.va/storico/2016/12/26/persecuzioni_anticristiane_2016_circa_90_mila_uccisi/it-1281180 (08.07.2019).
- [52] Smith V.A. (1966) Akbar the Great Mogul, 1542-1605. Philadelphia.
- [53] Waldron P. (1989) Religious Toleration in Late Imperial Russia. In Crisp O., Edmondson L.H. (eds.) Civil Rights in Imperial Russia. Oxford. P. 103-119.
- [54] Werth P. (2014) Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. Oxford.

Список литературы

- [1] Алакшин А.Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII веке. Челябинск, 2006.
- [2] Алов А.А., Владимиров Н.Г., Овсиенко Ф.Г. Мировые религии. М., 1998.
- [3] Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии (краткий очерк). М., 1973.
- [4] Бендин А.Ю. Веротерпимость и проблемы национальной политики Российской Империи (вторая половина XIX-начало XX в. в.) // Церковно-исторический вестник. 2004. № 11. С. 5-6. // URL: <http://www.inst.by/basis/publ/publ-problem.pdf> (05.04.2020).
- [5] Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви. 4 томах: Том 2. М., 1994.
- [6] Бонгард-Левин Г.М. Древняя Индия. История и культура. СПб., 2001.
- [7] Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь – М., 1997.
- [8] Врангель К.К. Врангели // Энцикл. словарь. 86 томах: Том 7 / Под ред. К.К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. СПб., 1892. 335 с.
- [9] Врангель Ф.Ф. Врангели // Энцикл. словарь. 86 томах: Том 7 / Под ред. К.К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. СПб., 1892. С. 337-339.
- [10] Таблиц // Русский биографический словарь. 25 томах: Том 4 / Под ред. Н.М. Чулкова. М., 1914. С. 10-14.
- [11] Гараджа В.И. Веротерпимость // Новая философская энциклопедия. 4 томах: Том 1. М., 2010. С. 384-385.
- [12] Гараджа В.И. Веротерпимость // Религиоведение. Энцикл. словарь / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М., 2006. С. 198-200.
- [13] Дмитриев М.В. Униатство // Большая российская энциклопедия. 35 томах: Том 33. М., 2017. С. 36-37.
- [14] Домнич М.Я. Великая французская буржуазная революция и католическая церковь. Академия наук СССР. М., 1960.
- [15] Ермолов В.А. Особенности системы образования в национальных школах Российской империи: мусульманские и еврейские школы // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. № 4. С. 100-109.
- [16] Жукова Е.М. Многоконфессиональное Российское государство: специфика развития законодательно-административной базы на основе принципа веротерпимости (начало XVIII в. – 1917 г.) // Миссия конфессий. 2018. Том 7. Часть 6. № 33. С. 640-664.
- [17] Зеньковский С.А. Старообрядчество, церковь и государство // Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: в 2 т. М., 2016. С. 532-538.
- [18] Ивашов Л.Г. Архетип человека и будущее человечества // БЕРЕГИНА.777.СОВА. 2014. № 2 (21). С. 111-116.
- [19] Извлечения из распоряжений по делам о раскольниках при императорах Николае и Александре II, пополненные запиской Мельникова. Лейпциг, 1882.
- [20] История // Всероссийская общественная организация Русское географическое общество // URL: <https://www.rgo.ru/ru/obshchestvo/istoriya> (30.06.2019).
- [21] Легеев М.В., Зинковский М., Зинковский К. Экуменизм как явление современности // Вестник РХГА. 2017. № 4. С. 223-240.
- [22] Логинов А.В. Возможна ли внутренняя религиозная толерантность? // Уральский федеральный университет имени Президента России Б.Н. Ельцина. 2017. № 4 (170) (Том 12). С. 37-46.
- [23] Матушанская Ю.Г. Христианское образование в Российской империи // Казанский педагогический журнал. 2017. № 3 (122). С. 103-109.
- [24] Миндлин А. Б. Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев. 1762-1917 годы: справочник персоналий. СПб., 2007.
- [25] Михайлов Я. Великая французская революция и церковь. 2 т.: т. 2. М., 1929-1931.
- [26] ПСЗРИ: Собрание первое: в 48 т. СПб., 1830.
- [27] ПСЗРИ: Собрание третье: в 33 т. СПб., 1885-1916.
- [28] Рекомендации Общественной Палаты РФ. О толерантности и противодействии экстремизму в российском обществе // Стратегия России. 2006. № 5. // URL: http://www.fondedin.ru/sr/new/fullnews_arch_to.php?subaction=show-full&id=1148635602&archive=1148637646&start_from=&ucat=14& (17.06.2019).
- [29] Розов М.А. Теория познания как эмпирическая наука // Эпи-

- стемология: перспективы развития / Отв. ред. В.А. Лекторский. М., 2012. С. 90-123.
- [30] Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев / Подготовка текстов, вступительная статья и комментарии Ю.А. Лимонова. Л., 1986.
- [31] Самсонов Н.В. О правовом положении российских мусульман в правление Петра Великого // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 1 (32). С. 75-80.
- [32] Сафонов А.А. Государство и конфессии в позднеимперской России: правовые аспекты взаимоотношений: монография. М., 2017.
- [33] Слово о. Иоанна Кронштадтского. Мысли мои по поводу насилий христиан с евреями в Кишиневе // Материалы для истории антиеврейских погромов в России. В 2 томах. Том 1.: Дубоссарское и Кишиневское дела 1903 года / Под ред. и со вступительными статьями С.М. Дубнова и Г.Я. Красного-Адмони. Комиссия по исследованию истории антиеврейских погромов в России, при Еврейском историко-этнографическом обществе. Пг., 1919. С. 352-353.
- [34] Стецкевич М.С. Религиозная толерантность и нетерпимость в истории европейской культуры. СПб., 2013.
- [35] Стецкевич М.С. Свобода совести: Учебное пособие. СПб., 2006.
- [36] Филиппов И.С. Экуменизм // Большая российская энциклопедия. 35 тома: Том 35. М., 2017. 293 с.
- [37] Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи. Послесловие Л.С. Бурчиновой. 2-е издание. Элиста, 1991.
- [38] Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1997.
- [39] Цыпин В. Веротерпимость // Православная энциклопедия. 44 тома: Том 7 / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2004. С. 728-734.
- [40] Шеремет В. Акбар – всеиндийский гуру // Наука и религия. 2003. № 3. С. 22-24.
- [41] Шершнева Е.А. Проблемы реформирования мусульманского образования в Российской империи в начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4.1 (76). С. 266-269.
- [42] Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976.
- [43] Яблоков И.Н. Религиоведение: Учебное пособие и Учебный словарь-минимум по религиоведению. М., 1998.
- [44] Crowder G. (2013) Theories of Multiculturalism: An Introduction. Cambridge.
- [45] Gough H. (2010) The terror in the French Revolution. London.
- [46] Joppke C. (2017) Is Multiculturalism Dead?: Crisis and Persistence in the Constitutional State. Cambridge.
- [47] Kahlos M. (2013) Forbearance and Compulsion: the rhetoric of religious tolerance and intolerance in late antiquity. London.
- [48] Lahiri N. (2015) Ashoka in ancient India. Cambridge.
- [49] Margalit A. (1996) The Ring: on Religious Pluralism. In D. Heyd. (ed.) Toleration: An Elusive Virtue. Princeton. P. 147-157.
- [50] Parekar S.N. (2012) Ashokas' Dhamma' – an instrument of social solidarity and religious harmony // Ananda Coomaraswamy Memorial Conference of Asian Art & Culture University of Kelaniya. Srilanka 8-10 September 2012. // URL: https://www.researchgate.net/profile/Nanda_Parekar/publication/258045182_Ashoka_Paper_Final_1/links/00463526b5ef3e3826000000/Ashoka-Paper-Final-1.pdf (07.08.2019).
- [51] Persecuzioni Anticristiane. Introvigne: 90 Mila Uccisi Nel 2016. Radio Vaticana. // URL: http://www.archivioradiovaticana.va/storico/2016/12/26/persecuzioni_anticristiane_2016_circa_90_mila_uccisi/it-1281180 (07.08.2019).
- [52] Smith V.A. (1966) Akbar the Great Mogul, 1542-1605. Philadelphia.
- [53] Waldron P. (1989) Religious Toleration in Late Imperial Russia. In Crisp O., Edmondson L.H. (eds.) Civil Rights in Imperial Russia. Oxford. P. 103-119.
- [54] Werth P. (2014) Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. Oxford.

Литвинцев Д.Б.*Соискатель учёной степени кандидата социологических наук,
Новосибирский государственный технический университет.*

Социологические аспекты изучения жилища в мировых религиях*

Аннотация. Человек в стенах своего дома проводит существенную часть времени и то, как он воспринимает свое жилище, какую функцию оно для него выполняет, накладывает отпечаток на его жизнь в целом. Подобное понимание приобретает еще большую значимость в условиях пандемии (например, коронавируса). Не смотря на высокую степень десакрализации современного мира религиозный подтекст продолжает играть существенную роль в восприятии человеком окружающей действительности. В статье рассматриваются социологические аспекты изучения жилища в религиях, имеющих большинство последователей по всему миру, – Христианстве, Исламе, Индуизме и Буддизме. Руководствуясь не субстанциональным, а функциональным пониманием религии, проводятся параллели между религиозными концептами жилища и социологическими подходами к его изучению. В результате применяя классификации Э. Дюркгейма делается вывод о том, что в Христианстве и Исламе преобладает физиологическая трактовка жилища как социального факта, в то время как в Индуизме (учение Васту-Шастра) и Буддизме (тибетская геомантия Са Че) – морфологическая.

Ключевые слова: жилищная социология, социология религии, Христианство, Ислам, Индуизм, Буддизм, жилище, дом.

Litvintsev D.B.*External PhD student of social sciences, Novosibirsk State Technical University.*

Sociological aspects of the study of housing in world religions

Abstract. A person spends a significant part of his time within the walls of his house, and the way he perceives his home, what function it performs for him, leaves an imprint on his life as a whole. This understanding becomes even more important in a pandemic (e.g. coronavirus). Despite the high degree of desacralization of the modern world, religious subtext continues to play a significant role in the perception of the surrounding reality. The article discusses the sociological aspects of studying housing in the religions that have the majority of followers around the world – Christianity, Islam, Hinduism and Buddhism. Guided not by a substantial, but by a functional understanding of religion, parallels are drawn between the religious concepts of housing and sociological approaches to its study. As a result, applying the classification of E. Durkheim, it is concluded that in Christianity and Islam the physiological interpretation of the housing as a social fact prevails, while in Hinduism (Vastu Shastra teachings) and Buddhism (Tibetan geomancy Sa Che) it is morphological.

Key words: housing sociology, sociology of religion, Christianity, Islam, Hinduism, Buddhism, home, house.

Мороз В.В. и Рымарович С.Н. подчеркивают, что, не смотря на десакрализацию современного мира, в восприятии окружающей действительности человек не способен полностью абстрагироваться от мифологического, символического и религиозного контекста [3, с. 66]. В рамках настоящего исследования интересует именно религиозный контекст в восприятии человека своего жилища, который важен не только для культурфилософского представления дома как концепта, но и для социологического анализа.

По данным исследовательского центра Pew Research Center наиболее распространенными религиями в мире по числу последователей являются Христианство (более 30%), Ислам (более 24%), Инду-

изм (более 15%) и Буддизм (почти 7%) [9]. В основу исследования социологических аспектов изучения жилища в указанных религиях положено не субстанциональное, а функциональное понимание религии в рамках настоящей статьи.

Христианство как доминирующая мировая религия, как отмечает ШUTOVA Е.В., предлагает различные архетипы дома, меняющиеся от Ветхого Завета к Новому [8, с. 52]. Однако, наиболее значимым для настоящего исследования представляется «дом-семья». При этом в социологической традиции дом как основу семьи рассматривал М. Мосс, а важность домашней атмосферы подчеркивал Б. Малиновский [2, с. 10, 13].

Взаимное уважение, доверие и любовь мужа и

* © Литвинцев Д.Б., 2020.

Социологические аспекты изучения жилища в мировых религиях

жены исполняет волю Божию, а их взаимоотношения задают атмосферу домашнего круга [6]. Данное положение созвучно с представлениями Ф. Тённиса о жилище как не просто о месте совместного проживания, а о месте единства семьи. В то же время немаловажна роль и домашнего обучения, что в свое время подчеркивал О. Конт [2, с. 9] – в случае христианской семьи речь идет о создании атмосферы духовной чистоты посредством не просто обучения, но и воспитания детей.

Особая важность в христианской семье придается отсутствию раздоров – каждый дом должен являться оплотом любви и мира. В то же время христианский дом – это семейный очаг, привлекательный для детей и хранящий в них положительные чувства и воспоминания. При этом теплота домашнего очага и ритм дома создается прежде всего женщиной (женою и матерью) [6]. Б. Малиновский также подчеркивал, что центром домашней жизни является мать [2, с. 10].

Таким образом, можно говорить о том, что Христианство немаловажную роль жилища как домашнего очага усматривает в формировании социальных рамок домашней памяти, выражаясь в терминах М. Хальбвакса [2, с. 11]. Отпуская детей из дома, родители теряют над ними внешний контроль, без которого в детях могут развиваться различные пороки [1]. С социологической точки зрения в этом смысле большую роль играет первичная социализация в домашней группе, т.к. за пределами своего жилища ребенок не будет «чувствовать себя как дома» (П. Бергер, Н. Лукман).

Приобретение дорогих вещей, ненужных украшений и всего показного не рассматривается в Христианстве как обязательный атрибут – напротив жилище может быть вполне опрятным и привлекательным без излишнего богатства [1]. В этом смысле христианский дом не является местом накопления роскоши (В. Зомбарт) и не должен создавать видимые различия между людьми (П. Бурдьё). Таким образом, жилищное потребление христиан не является демонстративным, а дом не имеет латентных функций, которые обнаружили Т. Веблен и Р. Мерстон [2, с. 18].

В Исламе как второй по численности последователей мировой религии дом также представляется многозначным понятием, однако особое внимание религия уделяет именно частной жизни в стенах дома. Считается неприемлемым входить в чужой дом без позволения и приветствия миром обитателей этого дома. При этом дом в данном случае трактуется достаточно широко – не только как непосредственное жилище, но и как частная жизнь человека в целом. Как подчеркивает Шутова Е.В., понятие дома в Исламе «объединяет в себе как светскую, так и религиозную власть» [8, с. 54]. Таким образом, раскрывается религиозный контекст таких свойств жилища для последователей Ислама как закры-

тость и приватность, социологическую трактовку которых в своих исследованиях давали К. Мангейм, Н. Элиас, З. Бауман [2, с. 16].

«Дом является средоточием человеческой жизни» [5]. При этом не все домашние интракции (Н. Луман) могут совершаться с гостями. Гости в этом смысле не обладают свободой в чужом доме, не смотря на беспрецедентную заботу о гостях в исламской культуре. В то же время виды домашней деятельности для последователей Ислама разделены также по полу, возрасту и домашнему статусу его жителей [5]. В этом плане Ислам не является исключением – в Христианстве разделение домашних обязанностей между членами семьи также имеет место быть.

Дом, созданный для удовлетворения комплекса потребностей, в Исламе как оберегаемый «земной рай» защищает его жителей от внешнего мира. Подобное понимание функций жилища в полной мере соответствует социологическим воззрениям З. Баумана о свойствах современных многоквартирных домов – изолированность и дистанцированность от города [2, с. 15]. При этом неприкосновенность и приватность жилища в Исламе обеспечивается в том числе и архитектурой самого дома. В данном случае право соседей состоит в том, чтобы «не заглядывать в окна соседского дома со своей крыши» [5].

Третья по величине религия мира Индуизм предлагает своим последователям древнеиндийское ведическое учение Васту-Шастра, дающее способы понимания взаимосвязи между человеком и окружающей средой через законы природы. При этом в большей степени вызывает интерес именно коммунально-архитектурные аспекты жилища, в основе которых лежит принцип пяти элементов: воздух, огонь, вода, земля и Эфир [4].

Циркуляция воздуха (приток свежего воздуха) необходима для комфорта жителей дома. Огонь проявляется в освещенности дома и его отоплении. Вода представлена в доме инженерными коммуникациями – водопроводом и канализацией, а также зеркалами и стеклами. В доме должны присутствовать приятные ароматы и запахи, ассоциирующиеся с землей. При этом сама земля представляется в виде прямоугольника или квадрата, что является лучшей формой для дома. Указанные четыре элемента существуют в Эфире, поэтому в доме не должно быть хлама, мусора и ненужных вещей, которые загромождают пространство. При этом каждому элементу соответствует своя сторона света, с учетом чего и осуществляется зонирование дома. Таким образом, жилище в Индуизме можно рассматривать как упорядоченный комплекс (М. Хорхаймер, Т. Адорно).

Любопытно отметить, что если в рамках органицистского подхода Г. Спенсер рассматривал общество как живой организм, то в учениях Васту – дом также является живым организмом, олицетворяющий божество Васту-Пуруша. И именно с этим связано столь пристальное внимание к архитектуре и пла-

нировке жилища – в доме должно быть комфортно, уютно и светло.

В буддизме, как отмечает Шутова Е.В., дом расходуется с понятием жилища и воспринимается двояко – и как социальный институт (община монастырь), и как священное место (сам Будда) [8, с. 54]. Однако подобно Индуизму, в Буддизме также обнаруживается искусство гармоничного расположения жилища – тибетская геомантия Са Че, подобная китайскому Фэн-Шуй и индийской Васту-Шастра [4]. Место, в котором живет человек, во многом влияет на качество его жизни в связи с чем Са Че большое внимание уделяет форме дома (квартиры), ориентации жилища в пространстве, расположению дверей, окон и комнат. Для Са Че также важна взаимосвязь пяти элементов (земля, вода, огонь, ветер и пространство), которые проявляются в каждом жилище и влияют на жизнь человека [7]. Таким образом в Буддизме жилище представляется своего рода экспертной системой, в задачи которой входит организация как материального, так и социального окружения (Э. Гидденс).

Пользуясь классификацией социальных фактов Э. Дюркгейма можно говорить о том, что Христианство и Ислам в большей степени делают акцент на физиологических свойствах жилища, в то время как Индуизм и Буддизм – на морфологических. Тем не менее, с социологической точки зрения серьезных противоречий в назначении жилища для его обитателей в мировых религиях не усматривается. Однако, степень религиозности тех или иных людей, очевидно, влияет на восприятие функций дома – на практике нередки случаи, когда, например, человек крещеный имеет элитную квартиру, обставленную дорогой мебелью. В то же время процессы глобализации и информатизации в современном мире раздвигают границы того, что традиционно было принято считать домом. Однако, за счет этого весь мир навряд ли сможет стать глобальным жилищем для большинства жителей планеты учитывая многонациональность и многоконфессиональность большинства мировых государств.

References

- [1] Emelyanov G. About the dwelling of an Orthodox Christian [Electronic resource] // Orthodox newspaper. // URL: <https://www.orthodox-newspaper.ru/numbers/at28431> (07.29.2020)
- [2] Litvinsev D.B. The category of dwelling in the works of the classics of sociology of the XIX-XX centuries. // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2020. № 1. P. 7-34.
- [3] Moroz V.V., Rymarovich S.N. Concept «House»: Historical, Philosophical and Cultural Philosophical Foundations // Uchenye zapiski. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2014. № 2 (30). P. 59-68.
- [4] Rudeva S.A. Vastu Shastra and Feng Shui: Comparative Analysis // Science, Education and Experimental Design. Abstracts of reports of the international scientific-practical conference, faculty, young scientists and students. 2014. P. 512-513.
- [5] Spahic O. Islam on privacy: the importance of Islamic dwelling // URL: <https://islamosfera.ru/islam-o-neprikosnovennosti-chastnoj-zhizni-znachenie-islamskogo-zhilishha/> (07.29.2020)
- [6] Christian life // Orthodoxy and the world. // URL: <https://www.pravmir.ru/xristianskij-byt/> (07.29.2020)

- [7] Chenagtsang N. Tibetan Feng Shui Sache. Harmony of space and wisdom of healing. M.: Publishing house "Ganga". 304 p.
- [8] Shutova E.V. Archetypes «Home» and «Homelessness» in world religions // Bulletin of the Kurgan State University. Series: Humanities. 2009. № 2 (16). P. 51-55.
- [9] The Changing Global Religious Landscape // Pew Research Center. // URL: <https://www.pewforum.org/2017/04/05/the-changing-global-religious-landscape/> (29.07.2020)

Список литературы

- [1] Емельянов Г. О жилище православного христианина [Электронный ресурс] // Православная газета. // URL: <https://www.orthodox-newspaper.ru/numbers/at28431> (29.07.2020)
- [2] Литвинцев Д.Б. Категория жилища в трудах классиков социологии XIX–XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 1. С. 7–34.
- [3] Мороз В.В., Рымарович С.Н. Концепт «Дом»: историко-философские и культурно-философские основания // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2 (30). С. 59-68.
- [4] Рудева С.А. Васту-Шастра и Фэн-Шуй: сравнительный анализ // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Тезисы докладов международной научно-практической конференции, профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. 2014. С. 512-513.
- [5] Спахич О. Ислам о неприкосновенности частной жизни: значение исламского жилища // URL: <https://islamosfera.ru/islam-o-neprikosnovennosti-chastnoj-zhizni-znachenie-islamskogo-zhilishha/> (29.07.2020)
- [6] Христианский быт // Православие и мир. // URL: <https://www.pravmir.ru/xristianskij-byt/> (29.07.2020)
- [7] Ченагцанг Н. Тибетский фэншуй Саче. Гармония пространства и мудрость исцеления. М.: Издательство «Ганга». 304 с.
- [8] Шутова Е.В. Архетипы «Дом» и «Бездомье» в мировых религиях // Вестник Курганского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2009. № 2 (16). С. 51-55.
- [9] The Changing Global Religious Landscape // Pew Research Center. // URL: <https://www.pewforum.org/2017/04/05/the-changing-global-religious-landscape/> (29.07.2020)

Ткаченко С.О.

Директор. Аспирант, Челябинский государственный музей изобразительных искусств.

Открытие советского времени в сфере религиозной культуры*

Аннотация. В статье рассматривается место иллюстрированной открытки в сфере религиозной культуры советской России. Показано, что официальная открытка являлась элементом антирелигиозной пропаганды и в то же время, отчасти, отражала религиозное сознание населения СССР. Рассмотрен вопрос участия кустарной открытки в межличностной религиозной коммуникации, представлены тематический спектр кустарной продукции религиозной направленности и варианты письменных текстов на кустарных карточках. Отмечена принадлежность кустарной фотооткрытки как артефакта массовой культуры к китчу.

Ключевые слова: иллюстрированная открытка, официальная открытка, кустарная фотооткрытка, пасхальная открытка, антирелигиозная пропаганда, сатирический рисунок, межличностная религиозная коммуникация, китч.

Tkachenko S.O.

Director, Graduate student, Chelyabinsk state museum of fine arts.

Soviet-era postcard in the field of religious culture

Abstract. The article examines the place of the illustrated postcard in the sphere of religious culture of the Soviet era. It is shown that the official postcard was an element of anti-religious propaganda and at the same time, in part, reflected the religious consciousness of the population of the USSR. The issue of participation of handicraft photo postcard in interpersonal religious communication is considered, thematic range of handicraft products of religious orientation and variants of written texts on handicraft cards are presented. It is noted that the handicraft photo postcards belongs as an artifact of mass culture to kitsch.

Key words: illustrated postcard, official postcard, handicraft photo postcard, Easter postcard, anti-religious propaganda, satirical drawing, interpersonal religious communication, kitsch.

Введение

Существование религиозных конфессий в условиях агрессивной антирелигиозной официальной политики было драматичным. Закрывались и разрушались храмы, погибали священники, ослабевало религиозное сознание населения, прерывались формировавшиеся веками религиозные коммуникации. Эти процессы определили и трансформацию эпистолярного религиозного общения в советское время, представленного к 1917 году в широком тематико-содержательном диапазоне - от масштабной по значению исследуемых вопросов переписки религиозных философов начала XX века до бытового письменного общения, связанного с праздничными христианскими ритуалами. Именно в последнем активное участие принимала открытка, ставшая элементом праздничного ритуала, культурной нормой для значительной части населения. Помимо выполнения этикетной функции, иллюстрированная открытка являлась источником эстетической и духовной радости, ведь «во время ритуальных действий человек совершал переход от одного состояния к

другому, от «обыденного мира» в «мир праздника» (идеальный мир)» [1, с. 153].

Исход религиозной открытки из СССР

Как указывает М.Я. Чапкина, последние пасхальные открытки были изданы в советском Петрограде в 1918-1919 гг. [13]. Между тем, имелись значительные запасы дореволюционных карточек, которые вплоть до конца 1920-х продавались в магазинах Государственного издательства [12, с. 6]. Почтовые карточки использовались для поздравлений религиозного характера в 1920-е годы, что обусловлено бытованием обрядов и присутствием религиозных праздников в официальном праздничном календаре. Однако антирелигиозные меры официальных институций все более явно давали понять, что «любая причастность к православию могла лишить человека свободы и жизни» [9, с. 44]. В 1929 году выходит Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», предусматривающее жесткие ограничения прав верующих. И уже в 1930-е годы советский человек не рисковал отпра-

* © Ткаченко С.О., 2020.

Открытие советского времени в сфере религиозной культуры

вить доступное для цензуры поздравление на бланке открытого письма. Стоит отметить, что несмотря на сложившуюся ситуацию, к 1937 году, согласно данным Переписи населения СССР, «из 98,4 млн. человек от 16 лет и старше, проживающих в Советской России – 55,3 млн. назвали себя верующими, из них 41,6 млн. человек причислили себя к православным христианам [2, с. 310].

Официальная открытка

в системе антирелигиозной пропаганды

Одним из инструментов развернувшейся массовой антирелигиозной пропаганды являлась сатира, в частности, сатирическая графика, обладающая прямолинейным и понятным, продолжающим, в определенном отношении, традиции русского лубка и наивного искусства, визуальным языком. Работы А.А. Дейнеки, В.Н. Дени, М.М. Черемных, Д.С. Моора воспроизводилась в периодических изданиях и книгах, на уличных транспарантах, плакатах и открытках. В 1925 году издательство журнала «Безбожник у станка» выпустило серию открыток с рисунками, сопровождавшимися антирелигиозными высказываниями П. Лафарга, К. Маркса, В.И. Ленина. Серийный принцип, характерный для открыток этого времени, представлялся наиболее эффективным для решения задач пропаганды. Это, в частности, демонстрирует «Антирелигиозная серия» с острыми рисунками Д.С. Моора, В.А. Козлинского (1933). В борьбе с религией используется и исторический подход: в 1939-м году Союз воинствующих безбожников издает серию почтовых карточек с антиклерикальными карикатурами эпохи Великой французской революции. Своего рода «победной» реляцией в борьбе с «опиумом для народа» стал комплект открыток «Рисунки и плакаты на антирелигиозную тему» (1963), состоявший из «лучших» образцов антирелигиозных произведений. На карточках размещали также фотоизображения антирелигиозных музеев, причем открытки с центральным музеем, занявшим Казанский и Исаакиевский собор в Ленинграде, издавались неоднократно.

Антирелигиозную функцию выполняли и открытки с изображениями храмов, икон, произведений изобразительного искусства. Духовно-сакральная значимость памятников древнерусской культуры замещалась их художественно-историческим значением, а картины преподносились как антицерковные манифесты. Для подобной формы пропаганды выбирались самые известные объекты, причем их публикация носила повторяющийся характер. Так Успенский собор во Владимире, «Троица» Андрея Рублева, «Чаепитие в Мытищах, близ Москвы» В.Г. Перова десятки раз воспроизводились на открытках. С целью пропаганды и просвещения выпускались также виды крупных монастырей: Кирилло-Белозерского, Киево-Печерской лавры и даже печально известного как территории пребыва-

ния политзаключенных – Соловецкого монастыря. Стоит отметить, что религиозная тема продолжала звучать в этих открытках даже в такой «превращенной» форме. Для верующих людей, вероятно, данные карточки имели определенное сакральное значение.

Формирование новой системы религиозной коммуникации

В период Великой Отечественной войны возобновляются службы в храмах, а с 1949 года под эгидой Московской патриархии начинается выпуск религиозно-обрядовых артефактов: к началу 1960-х «выпускалось до полумиллиона печатных икон в месяц» [9, с. 45]. Это позволило сократить дефицит икон, но не компенсировало ограниченность межличностной религиозной коммуникации. Не выполняла религиозно-коммуникативную функцию и «светская» открытка - она использовалась верующими преимущественно в эстетических целях: в «красном углу» к семейным фотографиям и иконам «часто помещаются предметы из той же сферы родственных отношений: поздравительные открытки, детские игрушки, остро необходимые предметы быта» [6, 119 с.].

В то же время отдельные экземпляры официальной открытки содержат эпистолярные тексты религиозного характера. О.В. Шабурова обнаружила «гибридное» поздравление на официальной открытке: «...Поздравляю с Великим Христом Воскрес, с весенним 1 Мая, с великой 9 Мая!» [11, с. 15]. Причем часто религиозное сообщение семантически не соответствует изображению: на открытке с натюрмортом «Розы» (художник О.С. Малютина, 1960) выполнена надпись (текст приводится в авторской орфографии и пунктуации): «Дорогое дитя! Мир этот должен погибнуть, что еще ищешь ты в нем, о, поскорей примиришься ты с нашим Распятным Христом».

На пасхальной открытке из коллекции автора статьи, выпущенной в 1940-х годах в Германии, адресант создает поздравление-проповедь (текст приводится в авторской орфографии и пунктуации): «Здравствуйте! Нина и Ирочка поздравляют вас с днём Св. Пасхи то есть с днём светлаго Христова Воскресения и желаю провести светлую неделю радости здоровья и полном благополучии. Не расстраивайтесь и не плакать, плакать грех.... На Пасхи стонит и плачет ад, потому что он остался пустой, не надо подражать ему».

Кустарная открытка

в процессах религиозной коммуникации

Основным тематическим направлением «нелегальной» или кустарной открытки являлись личные темы, но часть ее посвящена религиозной тематике. Как описывает Л.Л. Крайнов-Рытов 1950-1960-е годы, «особо почитаемы были Пасха и Рождество. Люди по-прежнему искали защиты и помощи у Бога. Фотографы - кустари не оставили этого без внимания.

Открытки с христианской тематикой пользовались спросом» [4, с. 16.]. Протографами при изготовлении карточек служили иконы, гравюры, репродукции из старых журналов, дореволюционные и «трофейные» европейские карточки.

В результате изучения коллекций кустарных открыток автора и Л.Л. Крайнова-Рытова выявлены следующие виды кустарной продукции религиозной направленности:

- праздничная открытка: «Пасхальная», «Рождественская», «Троица», «С днем Ангела»;
- открытка - «оберег»: «Ангел-хранитель», «София, Вера, Надежда, Любовь»;
- видовая открытка;
- печатная икона;
- репродукции картин и гравюр религиозной тематики;
- календарь религиозных праздников.

Пасхальные карточки встречаются чаще других, ведь Пасха и в советское время оставалась главным духовным праздником: «Воскресение Сына Божия утверждает абсолютную победу над грехом и его следствием – смертью» [5]. Важную роль играла и полисемантичность праздника: «Социокультурную страту справлявших Пасху нельзя описать лишь через категорию веры и религиозности ..., этот круг лиц (верующих и неверующих) в гораздо большей степени объединяла такая категориальная черта, как приверженность традиции (для одних – религиозной, для других – семейной или национальной)» [3, с. 69]. Помимо традиционных для начала XX века сюжетов с детьми, кроликами, пасхальными яйцами, куличами, ветками вербы, используются евангельские сюжеты, что было неприемлемо прежде: «в 1900 году Святейшим Синодом было принято решение, согласно которому воспрещалось печатание священных изображений на почтовых письмах» [10, с. 490]. Рукописный текст на карточках – традиционное приветствие «Христос Воскресе», в отдельных случаях – в сочетании с первомайским поздравлением. Значительно реже встречаются рождественские открытки и карточки, посвященные Троице. Секуляризация сознания очевидна на примере карточек «С днем Ангела», где в письменных текстах имеется в виду не день тезоименитства, но пришедший ему «на замену» день рождения, и в открытках «София, Вера, Надежда, Любовь», сюжет которых прочитывается пользователями не как христианский, но в дискурсе дружественных чувств. Популярная и в начале XXI века тема Ангела-хранителя превращала открытки в своего рода обереги и носители молитв-обращений: «И Ты мой добрый покровитель, // Ради души моей спасенья, // У Бога нашего, Хранитель, // Проси грехов моих прощенья».

Для видовой кустарной открытки выбирали монастыри, не ставшие туристическими объектами и потому не фигурировавшие на официальных карточках: например, Долматовский и Почаевский. Не-

сколько иная ситуация с карточкой, посвященной Святогорскому монастырю: сопроводительная подпись – «Вид на дом отдыха с антирелигиозного музея», вероятно, нужна для «отвода глаз» от главного предмета фотосъемки. Резонно предположить, что карточка предназначалась для посетителей музея-заповедника «Пушкинские горы».

Еще один вид кустарной религиозной продукции – календари церковных праздников. В них, помимо календарной сетки, включались иконы и «картины» с популярными сюжетами: Господь Вседержитель, Богородица, Святой Николай, Святое семейство, Тайная вечеря. Эти же в сюжеты, в-основном, представлены и на кустарных печатных иконах и репродукциях, созданных методом фотопечати.

Следует отметить, что некоторые кустарные карточки содержат эпистолярные тексты, говорящие о высоком уровне религиозной компетенции их авторов: надпись на карточке с изображением Троицы гласит: «Глубоко чтимая во Христе молитвенница Елена! Поздравляю Вас с прошедшими Св.праздниками и с наступающим днём Пр.Сергия. Вашу просьбу я исполнил, всех записал в лаврский синодик».

Кустарная открытка: китч успеху не помеха

Массовая продукция религиозного характера попадает в поле зрения исследователей феномена китча. Кустарные открытки вполне соответствуют параметрам китча - имитативности, стереотипности, клишированности [8, с. 52]. Между тем, кустарная открытка успешно заполняла лакуны душевных и духовных потребностей. В этом сказывается не только притягательность артефактов массовой культуры, но и особое «советское» отношение к изображениям: «Визуальным объектом приписывалась особая символическая власть, как и процессы их созерцания и манипуляциям с ними, - словно бы изображения становились активным элементом, влияющим на жизнь реальных людей» [7, с. 9.].

Выводы

В условиях идеологических ограничений советского времени открытка играла особую роль в религиозной сфере. Религиозные мотивы опосредованно находили выражение даже в официальных открыточных текстах. Тема религиозных ценностей воплощалась в письменных текстах, размещаемых на «светских» почтовых карточках, демонстрируя парадоксальное сочетание изобразительной и словесной сторон артефакта. Специфичную роль в духовно-религиозном «окормлении» широкой аудитории сыграла кустарная открытка, отвечавшая нуждам «простонародных» верований, этому способствовало родство кустарной открытки с традициями лубка и наивного искусства. Являясь артефактом поистине «массового потребления», открытка советского времени

удовлетворяла потребности верующих не только в визуализации религиозных ценностей, но и в доступных и эффективных формах межличностного общения, включавшего религиозные мотивы.

References

- [1] Vereitina T.Yu. Holiday as a concept and phenomenon of cultural anthropology // *Science. Art. Culture*. 2015. № 4 (8). P. 150-167.
- [2] Zhiromskaya V.B. Features of the religious and atheistic worldview in Russia in the 1930s // *Church in the history of Russia / Sat. works of IRI RAS*. M., 2007. Issue 7. P. 310-311.
- [3] Levkieskaya E.E. Easter food and Easter feast in Soviet times as a tool for preserving religious or family identity // *Ethnographic Review*. 2012. № 5. P. 58-70.
- [4] "Love me as I love you ...": illegal photo postcard in the USSR (1933-1958): exhibition catalog / Comp. O.I. Alexandrova, L.L. Krainov-Rytov. - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2005. 24 p.
- [5] Metropolitan Tikhon congratulated the Orthodox on Easter // *GTRK Vladimir*. // URL: <https://vladtv.ru/society/109988/> (date of treatment June 25, 2020).
- [6] Moroz A.B. Red corner without an icon // *Mythological models and ritual behavior in the Soviet and post-Soviet space: collection of articles*. M.: RGGU, 2013. P. 117-125.
- [7] Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. Soviet eye man: rules (under) vision. // *Visual anthropology: modes of visibility under socialism* / ed. E. Yarskoy-Smirnova, P. Romanova. M.: ООО "Vari-ant" TsSPGI, 2009. 448 p.
- [8] Sokovikov S.S. A handicraft postcard of the Soviet era in cultural aspects // *Axiom: actual aspects of the humanities*. - Lipetsk: "Radushi", 2017. № 3 (7). P. 50-57.
- [9] Starodubtsev O.V. Printed icons // *Meeting*. 2002. № 1 (15). P. 43-45.
- [10] Sharkov I.G., Simonyan L.G. The religious aspect of the philo-carty in artistic culture on the example of Russian and foreign Easter postcards of the modern era // *Synergy of Sciences*. 2017. № 13. P. 488-498.
- [11] Shaburova O.V. Soviet world in a postcard. Moscow; Ekaterin-burg, 2017. 328 p.
- [12] Chapkina M.Ya. Greetings from the Capital! Soviet greeting card 1917-1991. M.: Kontakt-culture, 2013. 256 p.
- [13] Chapkina M.Ya. Russian style in a greeting card // URL: <http://www.raruss.ru/russe-moderne/3981-chapkina-congratulatory-postcard.html> (06.20.2020).
- [9] Стародубцев О.В. Печатные иконы // *Встреча*. 2002. № 1 (15). С. 43-45.
- [10] Шарков И.Г., Симонян Л.Г. Религиозный аспект филокартии в художественной культуре на примере русских и зарубежных пасхальных открыток эпохи модерна // *Синергия Наук*. 2017. № 13. С. 488-498.
- [11] Шабурова О.В. Советский мир в открытке. Москва; Екатеринбург, 2017. 328 с.
- [12] Чапкина М.Я. Привет из Столицы! Советская поздравительная открытка 1917-1991 годов. М.: Контакт-культура, 2013. 256 с.
- [13] Чапкина М.Я. Русский стиль в поздравительной открытке // URL: <http://www.raruss.ru/russe-moderne/3981-chapkina-congratulatory-postcard.html> (дата обращения 20.06.2020).

Список литературы

- [1] Вереитинова Т.Ю. Праздник как концепт и феномен антропологии культуры // *Наука. Искусство. Культура*. 2015. № 4 (8). С. 150-167.
- [2] Жиромская В. Б. Особенности религиозного и атеистического мировоззрения в России в 1930-е годы // *Церковь в истории России / Сб. трудов ИРИ РАН*. М., 2007. Вып. 7. С. 310-311.
- [3] Левкиевская Е.Е. Пасхальная пища и пасхальное застолье в советское время как инструмент сохранения религиозной или семейной идентичности // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 5. С. 58-70.
- [4] «Люби меня, как я тебя...»: нелегальная фотооткрытка в СССР (1933-1958): каталог выставки / Сост. О.И. Александрова, Л.Л. Крайнов-Рытов. - Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им Н.И. Лобачевского, 2005. 24 с.
- [5] Митрополит Тихон поздравил православных с Пасхой // *ГТРК «Владимир»*. // URL: <https://vladtv.ru/society/109988/> (дата обращения 25.06.2020).
- [6] Мороз А.Б. Красный угол без иконы // *Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: сб. статей*. М.: РГГУ, 2013. С. 117-125.
- [7] Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Глазной советский человек: правила (подо)зрения. // *Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова*. М.: ООО «Вариант» ЦСПГИ, 2009. 448 с.
- [8] Соковиков С.С. Кустарная открытка советского времени в культурологических аспектах // *Аксиома: актуальные аспекты гуманитарных наук*. - Липецк: «РаДуши», 2017. № 3 (7). С. 50-57.

**ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ:
АКТУАЛЬНОСТЬ И ИННОВАЦИИ**

**PHILOSOPHY, SOCIOLOGY:
ACTUALITY AND INNOVATION**

Рязанов Д.А.*Аспирант. Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.*

Киберсоциализация молодежи*

Аннотация. В статье отражен ряд аспектов социального взаимодействия в современном обществе, связанных с растущей ролью интернета в жизни молодежи. В центре рассмотрения находится проблема киберсоциализации. Освещены важные аспекты и проблемы, возникающие в связи с появлением новых агентов социализации, деформаций привычных коммуникативных моделей, ролей и статусов. В рамках первичной социализации рождается сложное явление, связанное с дроблением общества на сообщества, которые формируются посредством социальных сетей. Влияние данных сообществ может выходить за роль подготовительного этапа к полноценной социализации, в частности, в данных рамках может замыкаться социальная активность индивида.

Ключевые слова: киберсоциализация, социализация, интернет, личность, молодежь.

Ryazanov D.A.*Graduate student. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.*

Cyber socialization of youth

Abstract. The article reflects a number of aspects of social interaction in modern society related to the growing role of the Internet in the life of young people. It is focused on the issue of cyber socialization. The important aspects and problems that arise in connection with the creating of new agents of socialization, the deformation of the usual communicative models, roles and statuses are highlighted. In the framework of primary socialization, a complex phenomenon is born associated with the fragmentation of society into communities that are formed through social networks. The influence of these communities may go beyond the role of the preparatory stage for full-fledged socialization, in particular, the social activity of an individual can be locked in this framework.

Key words: cyber socialization, socialization, the Internet, personality, youth.

1. INTRODUCTION

Nowadays the network community represents the sphere of transformation of traditional forms of socialization and social relationships where the development of the communicative space is available. According to the analysis of the "Romir" holding, the number of users of social networks among young people, who are eager to expand the boundaries of virtual communication, reaches 98%¹. Such a widespread dissemination of information technology in the life of young people, as, indeed, in all spheres of public life, has a significant impact on the development, socialization, and social adaptation of young people.

A modern approach to the process of socialization of youth means identification and studying new mechanisms and institutions that nowadays provide the transfer of social experience from generation to generation. The transformation of the basic institutions of socialization - family, education, bringing up, the media and communication has led to a change in the process of so-

cialization and its components, which contributed to the introducing of new conditions and the emergence of new agents of socialization of youth.

2. NEW SOCIALIZATION

Therefore, today a new direction of a research is actively developing in sociology. It associated with the new concept of cyber socialization. The problem of the impact on the socializing practices of cyberspace has arisen most sharply in the last few years, when the Internet became publicly available to all comers. Information technologies have penetrated people's lives extremely deeply. They have become an attribute of everyday routine and it is impossible to isolate them from the general worldview and sociocultural context. A qualitatively new system of personality values, needs and goals is being formed in the Internet environment. And, accordingly, problems of the personal development and self-development arise in these new conditions. The relevance of studying the process of cyber socialization is extremely important today, because a detailed understanding of this process

¹ Researches. Social and network life. // URL: http://romir.ru/studies/670_143215560

* © Рязанов Д.А., 2020.
Киберсоциализация молодежи

will make it possible to use cyberspace as a powerful tool that affects the productive formation of the personality of young people.

Sherry Turkle studied the construction of a virtual image through the prism of creating nicknames - network names that reflect the image of the user in a symbolic form. She notes that the number of created names can be quite large and vary significantly in meaning. Describing stories of real people, the scientist explores people's desire to hide those qualities which they cannot accept in themselves. User data carries a capacious informational presentation of the person². Their structure is defined by the social network itself and represents a list of the most interesting characteristic features of the subject, such as age, place of birth, education data, preferences in cinema, literature, etc. Status contains the current emotional state of the user. It can be presented in the form of quotes, popular sayings or author's sayings, which are intended to determine the user's willingness to make a contact³.

In the specifics of social networks, Hoffmann's concept of "self-expression explains a lot. It includes arbitrary and automatic. With the help of arbitrary self-expression, an individual forms the opinion of others about his character features, which can be fictional, if he sets such a goal.[3] The process of self-presentation includes a foreground and a background. The foreground is a self-presentation strategy that includes a "standard" set of expressive techniques and tools which the individual develops intentionally or involuntarily. In addition, this plan includes appearance and manners. On the other hand, the background represents a zone which is free from the invasion of other people, where the individual can be free from the implementation of the norms and rules taken as a basis in society.

The idea of the foreground today is actively used in the sociology of social networks and it can be particularly used to explain the profile function. Danish researcher M. Larsen identifies several key elements in the structure of the profile:

1. Social component (chat, elements which are responsible for messaging).
2. Personal component (avatar, photo album, status).
3. Entertainment component (applications).
4. The practical component (user rules, help system, etc.).

The graphic or visual subsystem includes all the visual components of a virtual image: a photo or avatar, photos in the user's albums, saved photos, videos, and also all the visual components of the account wall. Photo is one of the most important tools for self-presentation of the user.

Behind the user's profile may be a completely different person who uses a visual picture to create a specific image. The created picture which is recognized and approved by the society replaces the real image of the user

and creates a new simulation accepted by the society. A virtual user can hide his real image, replace it, or adjust it to the conditions of a new public request. I.V. Shugailo believes that one of the main consequences of the "iconic twist in culture" is the formation of a visual understanding of the world and identification with stamped images, which contributes to the socialization of the person in the network space⁴.

Cyber socialization is determined by V.A. Pleshakov as "socialization in cyberspace" and as "a process of qualitative changes in the structure of the individual's self-awareness and the need-motivational sphere of the individual. This process is influenced by human use of modern communication technologies, in the context of assimilation and reproduction of culture in the framework of personal life⁵.

Growing generation (children, adolescents and young people) is especially included in the process of socialization in cyberspace - cyber socialization in general, media socialization and Internet socialization in particular). Nowadays network space is almost the major source of information, communication and self-realization for modern youth. The Internet technologies have got attractive functions for young people. They are communication and interaction⁶. Firstly, thanks to the Internet, the communicative-interactive space of youth is expanding due to the creating new virtual contacts and exchanging information. Secondly, it is deepened due to new areas of cooperative interactive activities implemented in cyberspace. A resident of a large city and small town is practically obliged to always be "on-line" in order to be considered "truly modern": with a smartphone turned on round-the-clock, configured to instantly notify of a new letter by e-mail, on-line in client programs for instant messaging and social networks of the Internet environment. The need for becoming an individual in cyberspace and the need to organize life activities in the Internet environment is becoming more and more relevant and real every day, being almost an obligatory criterion for personal socialization and cyber socialization in modern society⁷.

3. CYBER SOCIALIZATION IS A NEW INSTITUTION OF SOCIALIZATION

Cyber socialization (from English "Cyber" – associated with computer and digital technologies, in particular, with the Internet, a prefix that is used when referring to various electronic and / or network resources, information, objects, events, when we are talking about computer

2 Turkle, Sh. (1999), "Looking toward Cyberspace: beyond grounded sociology", *Cyberspace and Identity Contemporary Sociology*, American Sociological Association, 28 (6), 4 p.

3 Hoffman I. Introducing oneself to others in everyday life / Transl. from English and entry. article by A. D. Kovalev. - M.: Canon-Press-Ts, Kuchkovo field, 2000. 304 p. (in Rus.)

4 Shugajlo I.V. (2012), "Multiple personality" as a manifestation of conflict (based on the analysis of the visual image of VKontakte)", *Vestnik Lenin-gradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina, Yazykoznanie i literaturovedenie*, 19 p. (In Russian).

5 Pleshakov V.A., Kochnev A.O., «Problems of cyber socialization of first-year students». *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2013. № 2 (1 (46)), 2 p.

6 Rachipa A.V., Brusentseva D.M., Fatkulina L.A. «Internet technologies as a means of managing the process of media socialization of youth» State and municipal administration. *Scholarly Notes SCAGS*, 2019. No. 2. 4 p.

7 Pleshakov V.A. (2010). Cyber socialization: social development and social education of modern man. *Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 16 (2). 3 p.

technology + English Socialization - socialization) as a process is understood as local qualitative changes in the personality structure that occur as a result of human socialization in the cyberspace.

The formation of personality is influenced by many factors. All of these factors today are influenced by cyber-social space. Such factors can be divided into two groups:

1) Social - cultural. They are factors that include reflecting basic (prevailing) life values, attitudes, cultural traditions, as well as those corresponding to ethnic, social and cultural values and human priorities;

2) Social - economic. These factors reflect the impact on the formation of social health, living standards and well-being⁸.

Katz, E., Blumler, J.G., and Gurevitch, M. observe ways of interacting youth with the Internet through audience in their work "Utilization of Mass Communication by the Individual". They distinguish two ways: the motives that determine the choice of media, and the rewards that arise as a result of positive experience in interacting with the media. They also distinguish: quick and easy access to information; the ability to follow information; the ability to learn the opinions of other users; the opportunity to express their opinion; the ability to select content; establishment and formation of ties within the community; mobility; the ability to "be present" in remote places.⁹

Nowadays cyber socialization is an important part of the formation of the individual in society and can both contribute to the formation of a socially healthy person and act as a destructive element. There are many ways to realize oneself in cyberspace, and also use it as a powerful tool in public life. It helps youth to adapt in modern society and build moral potential with the competent use of the Internet and social networks by socialization agents. Despite this, there are a lot of antisocial elements in cyberspace that have a destructive impact on the process of youth personality formation. Unfortunately, the materials presented on the Internet are not always correct and often have a negative effect on young people, misleading them and leading to incorrect conclusions. Therefore, the task is, firstly, to create high-quality information resources, to select and structure materials in such a way as to maximize the correct understanding by young people of issues of interest to them; and secondly, ensuring high traffic to these resources and their superiority over sites with dubious information.

4. CONCLUSION

The social use of Internet resources, of course, cannot be limited by the mentioned above areas. Careful study of various aspects of cyber socialization through theoretical justification and development of appropriate sociocultural technologies, as well as their implementation in practice

⁸ Komarova A.N. «Sociocultural factors in the formation of social health». Bulletin of the Tambov University. Series: Social Sciences, 2017. (3 (11)). 4 p.

⁹ Katz E., Blumler J.G., and Gurevitch M. (1974), "Utilization of Mass Communication by the Individual", in Blumler, J. G. and Katz, E. (eds.), The Uses of Mass Communications: Current Perspectives on Gratifications Research, Sage Publications, Beverly Hills, 4 p.

is required. The Internet contains huge potential opportunities and, if properly used, can provide significant assistance in managing the process of becoming an individual.

In conclusion, nowadays young people are faced with the most important task of creating high-quality cultural content in the Internet space that is focused on the development of personal qualities and is able to compete with destructive low-cultural resources.

References

- [1] Researches. Social and network life. // URL: http://romir.ru/studies/670_1432155600
- [2] Turkle, Sh. (1999), "Looking toward Cyberspace: beyond grounded sociology", Cyberspace and Identity Contemporary Sociology, American Sociological Association. № 28 (6). 5 p.
- [3] Hoffman I. Introducing oneself to others in everyday life / Transl. from English and entry. article by A. D. Kovalev. - M.: Canon-Press-Ts, Kuchkovo field, 2000. 304 p.
- [4] Shugajlo I.V. (2012), "Multiple personality" as a manifestation of conflict (based on the analysis of the visual image of VKontakte)", Vestnik Lenin-gradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina, Yazykoznanie i literaturovedenie, 19 p.
- [5] Pleshakov V. A., Kochnev A. O., «Problems of cyber socialization of first-year students». Bulletin of the Cherepovets State University, 2013. № 2 (1 (46)). 2 p.
- [6] Rachipa A.V., Brusentseva D.M., Fatkulina L.A. «Internet technologies as a means of managing the process of media socialization of youth» State and municipal administration. Scholarly Notes SCAGS. 2019. № 2. 4 p.
- [7] Pleshakov V.A. Cyber socialization: social development and social education of modern man. Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2010. № 16 (2). 3 p.
- [8] Komarova A.N. «Sociocultural factors in the formation of social health». Bulletin of the Tambov University. Series: Social Sciences. 2017. № 3 (11). 4 p.
- [9] Katz E., Blumler J.G., and Gurevitch M. "Utilization of Mass Communication by the Individual", in Blumler, J. G. and Katz, E. (eds.), The Uses of Mass Communications: Current Perspectives on Gratifications Research, Sage Publications, Beverly Hills, 1974. 4 p.

Список литературы

- [1] Исследования. Социальная и сетевая жизнь. // URL: http://romir.ru/studies/670_1432155600
- [2] Тюркле, Ш. (1999), «Взгляд в сторону киберпространства: за пределами обоснованной социологии», «Современная социология киберпространства и идентичности», Американская социологическая ассоциация. № 28 (6). 5 с.
- [3] Хоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и введ. статья А. Д. Ковалева. - М.: Канон-Пресс-Ц, Кучковское поле, 2000. 304 с.
- [4] Шугайло И.В. (2012), «Множественная личность» как проявление конфликта (на основе анализа визуального образа ВКонтакте) », Вестник Ленин-градского государственного университета им. А.С. Пушкина, Языкознание и литературоведение, 19 с.
- [5] Плешаков В.А., Кочнев А.О., «Проблемы киберсоциализации первокурсников». Вестник Череповецкого государственного университета, 2013. № 2 (1 (46)). 2 с.
- [6] Рачипа А.В., Брусенцева Д.М., Фаткулина Л.А. «Интернет-технологии как средство управления процессом медиасоциализации молодежи» Государственное и муниципальное управление. Научные заметки SCAGS. 2019. № 2. 4 с.
- [7] Плешаков В.А. Киберсоциализация: социальное развитие и социальное воспитание современного человека. Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2010. № 16 (2). 3 шт.
- [8] Комарова А.Н. «Социокультурные факторы в формировании социального здоровья». Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2017. № 3 (11). 4 с.
- [9] Кац Э., Блумлер Дж. Г. и Гуревич М. «Использование массовых коммуникаций индивидуумом», в Блумлер, Дж. Г. и Кац, Э. (ред.), «Использование массовых коммуникаций: современные перспективы исследования удовлетворения потребностей», Sage Publications, Beverly Hills, 1974. 4 с.

Чжан Лэй

Аспирант 3-го курса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Влияние социально-управленческих факторов на социальную стабильность китайского общества: корреляционный анализ*

Аннотация. В условиях стремительно изменяющейся мировой обстановки, для достижения устойчивого развития страны необходимо обеспечить стабильность на национальном уровне, включая социальную стабильность общества. Общеизвестно, что на социальную стабильность оказывает влияние множество факторов, среди которых важную роль играют социально-управленческие факторы. В статье на основе эмпирических данных, полученных в результате проведения социологического опроса среди населения Китая, посредством корреляционного анализа, проведена оценка влияния социально-управленческих факторов на социальную стабильность китайского общества. В результате исследования, автором доказана связь между эффективностью управления доходами населения, экономической и социальной политики, политической стабильности на социальную стабильность. По итогам исследования разработаны рекомендации по укреплению социальной стабильности китайского общества.

Ключевые слова: социальная стабильность, корреляционный анализ, социально-управленческие факторы, социальное управление, Китай.

Zhang Lei

Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University.

The Influence of Socio-Governmental Factors on the Social Stability of Chinese Society: Correlation Analysis

Abstract. In a rapidly changing world environment, in order to achieve sustainable development of the country, it is necessary to ensure stability at the national level, including the social stability of society. It is well known that social stability is influenced by many factors, among which social and administrative factors play an important role. The article, based on empirical data obtained as a result of a sociological survey among the population of China, through correlation analysis, assesses the influence of social and administrative factors on the social stability of Chinese society. As a result of the study, the author has proved the relationship between the efficiency of population income management, economic and social policy, political stability and social stability. Based on the results of the study, recommendations were developed to strengthen the social stability of the Chinese society.

Key words: Social stability, correlation analysis, socio-managerial factors, social management, China.

Введение

Проведение реформ в Китае в 1978 г. стало отправной точкой в развитии современного Китая. За достаточно короткий период времени Китай, достиг высоких темпов развития, в том числе и в социальном управлении. С 2010 г. стране удалось весьма существенно сократить разрыв в социальном неравенстве, уменьшив численность городского и сельского населения с минимальным уровнем жизни на 62,8% и 33,7% соответственно¹. Несмотря на это, остаются проблемы, способные нарушить социальную стабильность китайского общества. Поэтому необходимо выявить факторы, оказывающие влияние на

социальную стабильность в Китае, чтобы минимизировать их негативное воздействие на социальный порядок в стране.

Проблема исследования в статье сводится к необходимости выявления социально-управленческих факторов, оказывающих влияние на социальную стабильность в Китае. Цель статьи – определить степень влияния социально-управленческих факторов на социальную стабильность китайского общества.

Обзор литературы

Социальная стабильность в Китае стала объектом исследования в работах многих китайских и западных ученых. К данной проблеме обращались А.С. Голубева, В. Фетисов, Я. Скотт, А. Джованни, У. Рассэл

¹ Рассчитано автором по данным сайта Национального бюро государственной статистики КНР. // URL: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01> (дата обращения 10.07.2020)

* © Чжан Лэй, 2020.

Влияние социально-управленческих факторов на социальную стабильность китайского общества: корреляционный анализ

и другие. В частности А.С. Голубева рассматривала влияние этнических разногласий на стабильность китайского общества², Я. Скотт изучал влияние социальной стабильности в Макао на состояние стабильности китайского общества в целом³.

Особый вклад в разработку проблем социальной стабильности китайского общества внесли ученые из Китая, в числе которых Ван Цзюань, Ци Дунтао, Цай Жуи, Чэнь Шань, Инь Лицзин, Ван Куэймин и Сунь Сяоци и др. Ими были изучены факторы социальной стабильности Китая⁴, в частности массовые волнения⁵, выявлены особенности регулирования социальной стабильности в Китае⁶.

Китайскими и западными исследователями были затронуты разные социально-управленческие аспекты стабильности Китая. Однако в настоящее время отмечается нехватка глубокого исследования зависимости социальной стабильности от социально-управленческих факторов.

Методы и методология исследования.

Исследование, проводимое в рамках настоящей статьи, основано на использовании социологического опроса с последующим применением корреляционного анализа его результатов.

Для проведения социологического исследования среди граждан Китая был определен объем выборки, отвечающий требованию репрезентативности. По определению В.Г. Гречихина, «репрезентативность – это свойство выборочной совокупности воспроизводить характеристики генеральной совокупности»⁷. Для расчета выборки использовалась следующая формула:

$$SS = \frac{Z^2 \cdot (p) \cdot (1-p)}{c^2} \quad (1)$$

где Z – Z фактор (например, 1,96 для 95% доверительного интервала)

p – процент интересующих респондентов или ответов, в десятичной форме (0,5 по умолчанию)

c – доверительный интервал, в десятичной форме (например, 0,04 = $\pm 4\%$)⁸.

2 Голубева А.С. Особенности формирования политики КНР в сфере межэтнических отношений // Социология. 2017. № 1. С. 29-33.

3 Scott, Ian. Social Stability and Economic Growth. Gaming, Governance and Public Policy in Macao. 2011. № 10. С. 1-15.

4 Цай Жуи, Чэнь Шань, Чжан Янь, Чжан Минь, Чжу Юэ. Изучение факторов, влияющих на социальную стабильность // Инженерия. 2020. № 39 (16). С. 245-247.

5 Ван Куэймин, Сунь Сяоци. Анализ влияния уличного протеста на социальную стабильность // Наука лидерства. 2019. № 24. С. 29-32.

6 Wang, Juan. Managing Social Stability: The Perspective of a Local Government in China. Journal of East Asian Studies. 2015. № 15. С. 1-25; Инь Лицзин. Правильное понимание чужда долгосрочной социальной стабильности в нашей стране // Социалистический форум. 2020. № 3. С. 33-37; Qi Dongtao. Chinese Society: Social Stability and Social Governance // East Asian Policy. 2014. № 6. С. 10-11.

7 Гречихин В.Г. Общая социология: учебное пособие для академического бакалавриата / В. Г. Гречихин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. С. 107.

8 Расчет размера выборки // URL: <https://socioline.ru/rv.php> (дата обращения 05.02.2020).

Генеральная совокупность представлена жителями Китая в возрасте 15-64 лет. В результате расчета, объем выборки с доверительной вероятностью 95% и доверительным интервалом 5% для проведения исследования составил 384 человек.

Е.Е. Фомина и Н.К. Жиганов отмечают, что для обработки результатов социологического исследования может быть применим метод выявления корреляционной зависимости⁹. Его использование, по мнению М.М. Андреевой и В.Р. Волкова, позволяет корректно интерпретировать полученные данные¹⁰. Для определения корреляционной связи между социальной зависимостью и факторами был использован коэффициент Спирмена, рассчитываемый по формуле

$$r_s = 1 - \frac{6 \sum d_i^2}{(n-1)n(n+1)} \quad (2)$$

где n – количество ранжируемых признаков (показателей, испытуемых);

D – разность между рангами по двум переменным для каждого испытуемого;

D^2 – сумма квадратов разностей рангов¹¹.

Результаты исследования

В проводимом в период с марта по июнь 2020 г. социологическом исследовании приняли участие 384 респондентов – мужчины и женщины в возрасте от 15 до 64 лет. В результате социологического опроса было выявлено:

- 37% респондентов почти удовлетворены текущей жизнью, 33% опрошенных полагают, что текущий уровень жизни их абсолютно устраивает;

- значительная доля респондентов (57%), оценивают современное китайское общество как относительно спокойное;

- 79% согласились с тем, что увеличение доходов способствовало бы повышению уровня социальной стабильности в стране;

- респонденты поддерживают политическую власть в стране, и значительная их часть отмечает, что в настоящий момент времени дела в стране идут нормально.

По результатам опроса была получена оценка респондентами степени влияния социально-управленческих факторов на социальную стабильность в стране (рисунок 1).

Дальнейшие расчеты коэффициентов Спирмена для определения корреляционной связи между фак-

9 Фомина Е.Е., Жиганов Н.К. Методика обработки результатов анкетирования с использованием методов многомерной и параметрической статистики // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2017. № 1. С. 107.

10 Андреева М.М., Волков В.Р. Корреляционный анализ в социологических исследованиях // Вестник Казанского технологического университета. 2013. № 7. С. 272.

11 Багрецов С.А., Костецкая Г.С. Определение параметров ранговой шкалы оценок многомерных объектов с неоднородными характеристиками // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Естественные науки. 2014. № 6 (184). С. 7.

Рисунок 1. Оценка респондентами степени влияния социально-управленческих факторов на социальную стабильность в стране.

Таблица 1. Сводная корреляционная матрица.

	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	X8	X9
X1	1,00	0,59	0,44	0,31	0,21	0,11	0,57	0,62	0,08
X2	0,59	1,00	0,38	0,07	0,02	-0,16	0,43	0,52	0,01
X3	0,44	0,38	1,00	0,31	0,38	0,23	0,21	0,45	0,01
X4	0,31	0,07	0,31	1,00	0,24	0,17	0,32	0,24	0,05
X5	0,21	0,02	0,38	0,24	1,00	0,02	0,12	0,03	-0,03
X6	0,11	-0,16	0,23	0,17	0,02	1,00	0,42	0,13	0,24
X7	0,57	0,43	0,21	0,32	0,12	0,42	1,00	0,25	0,13
X8	0,62	0,52	0,45	0,03	0,03	0,13	0,25	1,00	0,54
X9	0,08	0,01	0,01	0,05	-0,03	0,24	0,13	0,54	1,00

Пояснение: X1 – социальная стабильность; X2 – управление доходами; X3 – экономическая политика; X4 – политическая стабильность; X5 – борьба с коррупцией; X6 – качество государственных услуг; X7 – эффективность государственного управления; X8 – социальная политика; X9 – управление здравоохранением.

торами и социальной стабильностью были проведены в программе Microsoft Excel и получена корреляционная матрица, представленная ниже в таблице 1.

В результате было выявлено, что между социально-управленческими факторами, включая управление доходами, экономическую политику, политическую стабильность, эффективность государственного управления, социальную политику, и социальной стабильностью существует статистическая связь.

Обсуждение результатов исследования

Результаты проведенного исследования доказали наличие связи между рядом социально-управленческих факторов и социальной стабильностью китай-

ского общества. Это важно учитывать при совершенствовании социального управления для достижения социальной стабильности китайского общества.

Основываясь на результатах исследования, в статье предлагаются следующие мероприятия по улучшению управления в Китае.

Во-первых, совершенствование внутренней экономической политики за счет решения проблемы распределения национального дохода путем оптимизации экономической структуры, содействия экономическому и социальному развитию и прогрессу сельских, центральных и западных регионов. Для достижения устойчивой социальной стабильности также важно укреплять систему сбора

и управления налогами, стандартизируя методы получения дохода, пресекая незаконное получение доходов, вводя налоги на социальное обеспечение и на наследство, корректируя систему защиты минимальной заработной платы. Важно внедрить активные меры занятости населения, включая улучшение и реализацию программы самозанятости, создание платформы с низкими доходами для общественного благосостояния, такого как образование, культура и защита окружающей среды, поддержку занятости путем развития сферы услуг. На микроуровне увеличить занятость населения можно путем активного поощрения проявления личной инициативы, гибкой занятости, расширения спектра услуг, ориентированных на экспорт, содействия развитию занятости в отдельных регионах.

Во-вторых, на политическом уровне важно обеспечить гарантию судебной справедливости и улучшить механизм политического участия. Судебная справедливость является важной предпосылкой обеспечения социальной справедливости и разрешения конфликтов. Важно обеспечить каналы для политического участия различных социальных классов и групп, что позволит повысить уровень социальной сплоченности населения и достичь социального порядка в стране.

В-третьих, необходимо дальнейшее совершенствование системы социального управления, повышение значимости политических партий в проведении социальной политики в стране, совершенствование механизмов социального управления в городе и сельской местности.

Заключение

Таким образом, в статье была выявлена взаимосвязь между социально-управленческими факторами, включая управление доходами, экономическую политику, политическую стабильность, эффективность государственного управления, социальную политику, и социальной стабильностью китайского общества. Основываясь на результатах исследования, были предложены направления по совершенствованию управления в Китае, которые позволят устранить текущие проблемы, препятствующие достижению социальной гармонии китайского общества. Результаты исследования могут использоваться на занятиях по социологии Китая, исследователями, изучающими особенности социальной политики Китая.

References

- [1] Andreeva M.M., Volkov V.R. Correlation analysis in sociological research // Bulletin of Kazan Technological University. 2013. № 7. P. 271-274.
- [2] Bagretsov S.A., Kostetskaya G.S. Determination of the parameters of the rank scale for assessing multidimensional objects with heterogeneous characteristics. Izvestiya vuzov. North Caucasian region. Series: Natural Sciences. 2014. № 6 (184). P. 5-11.
- [3] Wang Kueiming, Sun Xiaohui. Analysis of the Impact of Street Protest on Social Stability // Science of Leadership. 2019. № 24. P. 29-32.
- [4] Golubeva A.S. Features of the formation of the PRC's policy in the

- field of interethnic relations // Sociology. 2017. № 1. P. 29-33.
- [5] V.G. Grechikhin General sociology: textbook for academic bachelor's degree / V.G. Grechikhin. - 2nd ed., Rev. and add. - M.: Yurayt Publishing House, 2018.
- [6] Yin Lijing. Correct understanding of the miracle of long-term social stability in our country // Socialist Forum. 2020. № 3. P. 33-37.
- [7] Official site of the National Bureau of State Statistics of the PRC. // URL: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01> (10.07.2020).
- [8] Calculation of the sample size // URL: <https://socioline.ru/rv.php> (05.02.2020).
- [9] Fomina EE, Zhiganov NK Methods of processing questionnaire results using methods of multidimensional and parametric statistics // Bulletin of the Udmurt University. Series "Philosophy. Psychology. Pedagogy". 2017. № 1. P. 105-110.
- [10] Tsai Ruyi, Chen Shan, Zhang Yan, Zhang Min, Zhu Yue. Study of factors affecting social stability // Engineering. 2020. № 39 (16). P. 245-247.
- [11] Qi Dongtao. Chinese Society: Social Stability and Social Governance // East Asian Policy. 2014. № 6. P. 10-11.
- [12] Scott Ian. Social Stability and Economic Growth. Gaming, Governance and Public Policy in Macao. 2011. № 10. P. 1-15.
- [13] Wang Juan. Managing Social Stability: The Perspective of a Local Government in China. Journal of East Asian Studies. 2015. № 15. P. 1-25.

Список литературы

- [1] Андреева М.М., Волков В.Р. Корреляционный анализ в социологических исследованиях // Вестник Казанского технологического университета. 2013. № 7. С. 271-274.
- [2] Багретов С.А., Костецкая Г.С. Определение параметров ранговой шкалы оценок многомерных объектов с неоднородными характеристиками // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Естественные науки. 2014. № 6 (184). С. 5-11.
- [3] Ван Куэймин, Сунь Сяоци. Анализ влияния уличного протеста на социальную стабильность // Наука лидерства. 2019. № 24. С. 29-32.
- [4] Голубева А.С. Особенности формирования политики КНР в сфере межэтнических отношений // Социология. 2017. № 1. С. 29-33.
- [5] Гречихин В.Г. Общая социология: учебное пособие для академического бакалавриата / В. Г. Гречихин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018.
- [6] Инь Лицзин. Правильное понимание чуда долгосрочной социальной стабильности в нашей стране // Социалистический форум. 2020. № 3. С. 33-37.
- [7] Официальный сайт Национального бюро государственной статистики КНР. // URL: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01> (10.07.2020).
- [8] Расчет размера выборки // URL: <https://socioline.ru/rv.php> (05.02.2020).
- [9] Фомина Е. Е., Жиганов Н. К. Методика обработки результатов анкетирования с использованием методов многомерной и параметрической статистики // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2017. № 1. С. 105-110.
- [10] Цай Жуи, Чэнь Шань, Чжан Янь, Чжан Минь, Чжу Юэ. Изучение факторов, влияющих на социальную стабильность // Инженерия. 2020. № 39 (16). С. 245-247.
- [11] Qi Dongtao. Chinese Society: Social Stability and Social Governance // East Asian Policy. 2014. № 6. P. 10-11.
- [12] Scott Ian. Social Stability and Economic Growth. Gaming, Governance and Public Policy in Macao. 2011. № 10. P. 1-15.
- [13] Wang Juan. Managing Social Stability: The Perspective of a Local Government in China. Journal of East Asian Studies. 2015. № 15. P. 1-25.

Шошина Ю.В.*Старший преподаватель, соискатель кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного аграрного университета.*

Студенческое волонтерство в контексте феномена самоорганизации российской молодежи*

Аннотация. В статье рассматривается одна из наиболее актуальных тем современности – студенческое волонтерское движение. Она приобрела социальную значимость в условиях пандемии коронавируса, когда добровольческие движения стали одним из адекватных Ответов на этот Вызов глобального характера. Волонтерство в советском прошлом осуществлялось в рамках деятельности студенческих строительных отрядов, а сегодня оно отражает способность молодых людей к феномену самоорганизации. В рамках социальной философии эта категория отражает общечеловеческие качества добровольности, бескорыстности или альтруизма, взаимной помощи и поддержки.

Ключевые слова: самоорганизация, добровольность, пандемия коронавируса, студенческое волонтерство, нравственно-этические ценности.

Shoshina Yu. V.*Senior Lecturer, Applicant for the Department of Philosophy and Culturology, St. Petersburg State Agrarian University.*

Student volunteering in context phenomenon of self-organization of Russian youth

Abstract. The article deals with one of the most relevant topics of our time – the student volunteer movement. It has gained social significance in the context of the coronavirus pandemic, when voluntary movements have become one of the appropriate Responses to this global Challenge. In the Soviet past, volunteering was carried out within the framework of student construction teams, but today it reflects the ability of young people to self-organize. Within the framework of social philosophy, this category reflects the universal qualities of volunteerism, selflessness or altruism, mutual assistance and support.

Key words: self-organization, volunteerism, coronavirus pandemic, student volunteering, moral and ethical values.

Самоорганизация – одна из ключевых категорий социальной философии. Она связана с такими социальными понятиями как самообеспечение, самовоспитание, самоуправление и др. Философский словарь определяет самоорганизацию как явление, присущее природным процессам, социальным и мыслительным. С общефилософской позиции самоорганизация представляет собой процесс, «в ходе которого создаётся, воспроизводится или совершенствуется организация сложной динамической системы». Самоорганизация имеет место только в системах, обладающих высоким уровнем сложности, где связи между элементами имеют не жёсткий, а вероятностный характер. Свойства самоорганизации обнаруживают объекты самой различной природы – от физико-биологических до социальных. Процессы самоорганизации происходят по преимуществу за счёт образования новых связей между элементами системы. «Отличительная особенность процессов самоорганизации – их

целенаправленный, но вместе с тем и естественный, спонтанный характер» [1]. Феномен самоорганизации отражается в философском знании в категории «самоорганизация».

Наиболее исследовано явление самоорганизации в рамках синергетической парадигмы, которая сформировалась в 70 – 80-х годах прошлого столетия. Общетеоретическая разработка принципа самоорганизации выглядит следующим образом:

1) открытые системы выступают предметом анализа и характеризуются как находящиеся в неравновесном состоянии;

2) все системы находятся в состоянии интенсивного обмена веществом и энергией со своим окружением, причём различают процессы организации и самоорганизации;

3) общий признак организационных процессов – возрастание порядка, противодействие энтропии, хаосу, а существенная отличительная черта самоорганизации заключается в возникновении взаимо-

* © Шошина Ю.В., 2020.

Студенческое волонтерство в контексте феномена самоорганизации российской молодежи

действия разной степени вплоть до кооперации;

4) в социальном плане отличие самоорганизации состоит в том, что поступки и действия людей не являются строго детерминированными. Это особенно проявилось в современных условиях пандемии, когда взаимопомощь и солидарность между людьми возникли спонтанно.

По мнению ряда представителей синергетики, современная наука перестала быть детерминистской, а нестабильность, по словам Ильи Пригожина (1917 – 2003), в определённом смысле заменяет детерминизм. В статье «Философия нестабильности» он пишет: «Следует... распрощаться с представлением, будто этот мир – наш безропотный слуга. Мы должны с уважением относиться к нему. Мы должны признать, что не можем полностью контролировать окружающий нас мир нестабильных феноменов, как не можем полностью контролировать социальные процессы (хотя экстраполяция классической физики на общество долгое время заставляла нас поверить в это). Открытие неравновесных структур, как известно, сопровождалось революцией в изучении траекторий. Оказалось, что траектории многих систем нестабильны, а это значит, что мы можем делать достоверные предсказания лишь на коротких временных интервалах... Это, кстати, служит ещё одним напоминанием, что наше знание – всего небольшое оконце в универсум» [2, с. 51].

В исследовательской литературе о синергетике это утверждение Пригожина считается излишне категоричным. В качестве аргументов используются следующие положения: в неустойчивых системах имеет место не отсутствие детерминизма, а его более сложный тип; представление о детерминизме необходимо модифицировать, рассматривая его как с учётом исторической философской традиции, так и современного научного знания; следует разрабатывать более глубокий тип детерминизма, понимающий неоднозначность будущего и, соответственно, усиливающий роль и ответственность человека [3, с. 263]. Синергетика как философия самоорганизации базируется на принципе холизма, то есть идее целостности мира, а научное знание о мире основано на концепте глубинной взаимосвязи хаоса и порядка. В этом случае предметом синергетики выступают механизмы самоорганизации: от самопроизвольного возникновения до устойчивого существования структур как природного, так и общественного характера. В контексте нашей статьи – это явление самоорганизации молодёжи России на разных этапах социально-исторического и политического развития страны.

В советское время ярким примером самоорганизации студенчества стало стройотрядовское движение. Оно носило двойной характер. С одной стороны, оно было вплетено в экономическую жизнь страны и имело чётко сформированную систему

управления. А с другой стороны, в силу добровольческого характера, оно являлось примером социальной самоорганизации. Определимся с понятием «студенческий строительный отряд». Студенческий строительный отряд (ССО) – трудовой коллектив, носящий временный характер и созданный из числа учащихся высших (вуз) или средних специальных учебных заведений (техникум). Их деятельность осуществлялась на добровольной основе в свободное от учёбы время. В постсоветское время стройотряды формируются в рамках молодежных движений или по инициативе отдельных лидеров.

В советское время студенческие строительные отряды решали двоякую задачу: воспитательную – в духе творческого коллективизма и уважительного отношения к труду, и социально-экономическую. Функция воспитания была направлена на формирование у студентов высоких нравственно-этических качеств и чувства патриотизма, а с другой стороны, она ориентировала студенческую молодёжь на ценность самоорганизации как качества социального. В ряде вузов участие в стройотрядовском движении рассматривалось как «третий трудовой семестр». Оплата труда рассматривалась как материальный стимул и была хорошим подспорьем для организации быта студентов. Помимо финансового интереса в те времена ССО привлекали молодёжь еще и особой романтикой: трудовое общение, в котором можно друг друга близко узнать, особая символика, связанная с присвоением и ношением форменной стройотрядовской куртки, вузовские значки и др. Стройотряды были знамениты еще и умением организовать досуг.

Поскольку стройотрядовское движение с момента его зарождения курировал ВЛКСМ, то существовала достаточно жёсткая иерархия в организации этого движения. В каждом институте или техникуме существовал штаб строительного отряда, в городах формировались штабы регионального характера, а их работу курировал Всесоюзный штаб стройотрядовского движения.

Стройотряды получили быстрое и массовое развитие. Это движение захватило всю страну. Молодежные трудовые отряды действовали во многих отраслях народного хозяйства. Число студентов, выезжающих в составе студенческих отрядов, ежегодно увеличивалось. В 1959 году – 339 человек, 1965 году – 40 тысяч, 1970 году – 309 тысяч, 1980 году – 822 тысячи, 1985 году – 830 тысяч человек. За 1959 – 1986 годы во Всесоюзном студенческом отряде работало 12 757 975 человек [4]. Мы можем утверждать, что идеологически массовое движение строительных отрядов способствовало формированию философско-антропологического типа «советский человек».

Сегодня, в чрезвычайных условиях всемирной пандемии, добровольческое движение молодёжи,

Таблица 1. Положительные навыки, приобретенные в процессе включенности в волонтерскую деятельность.

Стало легче общаться, развивается коммуникация	51 %
Усилилась степень ответственности	48 %
Появился навык организатора	38 %
Развивается инициативность	35 %
Усилилось чувство сострадания, гуманности	28 %
Появилось осознание роли коллектива	26 %

в том числе студенческой, приобрело организационную форму волонтерства. Как явление волонтерское движение начало формироваться в начале XXI века и в определённом смысле слова стало отражением современного социокультурного процесса, который выражается социально-философским термином «человек информационного пространства». Принадлежит этот термин выдающемуся социологу и культурологу XX века Эриху Фромму (1900-1980). Также Фромм разработал понятие «социальный характер», которое обозначает «ядро структуры характера, общее для большинства представителей одной и той же культуры в противоположность индивидуальному характеру, отличающему друг от друга людей, принадлежащих одной культуре» [5, с. 338].

Согласно учению Фромма, социальный характер, обеспечивает взаимосвязь между экономическим базисом и идеологической надстройкой (К. Маркс). Для человека социальный характер имеет двойственное значение: с одной стороны, он помогает индивиду вписаться в социальную структуру общества, а с другой - благодаря социальному характеру, индивид усваивает нормативно-этические требования общества, то есть встраивается в духовную культуру. Поэтому социальный характер оказывается действенным социальным и культурным инструментом.

Волонтерство как молодёжное движение имеет обязательный набор ценностей и характеристик. Это следующие черты: специфический стиль жизни и поведения; свойственные данной социальной группе своеобразные нормы и ценности; наличие инициативного центра и генерирующей идеи. Для волонтеров такой генерирующей идеей выступает безвозмездная помощь.

Культурные особенности студенческой молодежи с позиций социально-философского подхода можно рассматривать как принадлежащие системе образования. Здесь ценностями выступают как профессиональные знания, так и общекультурные установки. Для студентов в их ценностном мире центральное место занимают знания как фундамент будущей карьеры, хотя сегодня этот карьер-

ный рост для студентов напрямую связан с материально-финансовым обеспечением их будущей профессии. Но нельзя сбрасывать со счетов то, что обозначается как общекультурные установки, в том числе участие в добровольческих объединениях. В прошлом это деятельность строительных отрядов, сегодня – волонтерское движение. В.А. Грибанова и С.И. Беленцов пишут о студентах-волонтерах города Таганрога, что волонтерское движение способствует формированию положительных навыков и изменению ценностных ориентаций.

Отметим, что наибольшее значение в системе положительных навыков участников волонтерского движения получил пункт о развитии коммуникации (51%). Коммуникации или общение формируются в результате межличностного общения как на реальном, так и виртуальном уровнях. Коммуникации способствуют процессу социализации и положительно влияют на духовное становление молодого человека как личности. Об этом пишет московский социолог и вузовский (МГУ) педагог В.А. Сушко: «Волонтерское движение включает в себя цели, относящиеся **лично** (выделено – авт.) к его участникам. Как показывает история российского и мирового добровольчества, участие в волонтерской безвозмездной деятельности способствует усвоению духовно-нравственных и моральных ценностей, положительным переменам в личности, решает задачу формирования будущей гражданской и патриотической позиции, способствует большей социализации индивидов» [7]. Волонтерство, таким образом, выступает мотивом для личностной деятельности молодого человека в новых условиях социальной среды информационного общества.

У общества этого типа есть несколько особенностей как технологического порядка, так и на уровне индивидуально-личностном. Философ и психолог из города Екатеринбург М.С. Инкижекова пишет: «Компьютерно-сетевые технологии, проникая в жизненное пространство и оказывая влияние на перцептивную систему современного человека, создают своеобразного цифрового потребителя, который, с одной стороны, привык к разнообразию предложений, представленных в виде бесконечно подвижного и постоянно имеющегося в on-line доступе контента, с другой стороны, легко манипулируемого влиянием масс-медиа... Учитывая такие особенности пользователей, цифровой брендменеджмент активно использует и внедряет технологии «достоверности» представляемой информации, способствующие эмоциональной вовлеченности потребителей» [8, с. 27]. Можно указать, что манипулированию легко поддается не только ментальность человека как покупателя рыночного продукта, но и сознание личности как таковой в целом. Волонтерство в противовес этому даёт возможность выйти за пределы социального

манипулирования, поскольку способствует самоорганизации как на личностном уровне, так и на уровне коллектива.

Информационное (постиндустриальное) общество имеет несомненно – положительные стороны (цифровая среда, инновационные технологии и материалы), но и несет в себе массу проблем социально-культурного характера. Это особенно проявилось в новом тысячелетии. Петербургский культуролог пишет: «Интернет меняет мировоззрение и психологию людей, что особенно важно с точки зрения понимания **приоритетов** (выделено – авт. ст.) молодого поколения. Люди, выросшие в эпоху передовых технологий, с детства, привыкшие использовать компьютер в образовании, развлечениях, на работе, живут в ином восприятии информационного пространства... Вместе с развитием Интернета возрастают и информационные потребности «сетевого поколения». По мнению многих современных философов, культурологов, педагогов, воздействия современных средств сетевой информации, имеющих ограниченные культурно-образовательные информационные ресурсы и ориентированных в основном на досуг и развлечения, в конечном счете, приведут к нравственному упадку и духовной нищете... Такие понятия, как милосердие к ближним, уважение к другим народам, утрачивают сегодня истинную суть» [9]. Однако наличие и достаточно широкое распространение волонтерства сегодня дают возможность для сдержанного, но все же оптимизма в этом плане. Оптимизм вызывает и некоторое изменение в отношении студенческой молодежи к политическим процессам, современной политике. Аполитичность молодежи начала 2000-х годов постепенно уходит в прошлое. Как пишет современный исследователь, с формированием феномена социальных сетей в молодежном сознании утвердился интерес к новостным ресурсам как международного характера, так и внутрироссийским [10].

Мы не ставим под сомнение тот тезис, что в перспективе информационное общество с «цифровой экономикой» станет преобладающим, но следует постоянно подчеркивать мысль о том, чтобы это не привело к дегуманизации социальных связей и социальных отношений. Ректор ЛГУ им. А.С. Пушкина С.Г. Еремеев, и его соавторы пишут: «На сегодняшний день очевиден тот факт, что идеи и представления о функционировании государства и его институтов, об обществе и его интересах... стремительно устаревают. Цифровые технологии радикально меняют привычные формы и методы ведения хозяйственной жизни... В связи с этим для России возникла реальная потребность в разработке и реализации новых моделей управления... С развитием Интернета и цифровых технологий люди начали проявлять желание и готовность быть участниками не только огромного количества межличностных и других коммуникаций, но и процессов

принятия решения... стремление граждан к осмысленному участию в управлении становится одним из основных трендов социального развития. В первую очередь это относится к молодому поколению» [11, с. 35].

Коммуникационные потребности в определенном смысле слова способствовали появлению волонтерства. Пандемия коронавируса показала, насколько сильна потребность в общении между людьми. Волонтерская деятельность граждан, студентов, корпоративных волонтеров и волонтеров некоммерческих организаций стала одним из адекватных Ответов общества на этот Вызов. Статистика и данные социологических исследований свидетельствуют о том, что наибольшую активность в волонтерском движении проявляет молодое поколение. Так, по данным ВЦИОМ, 22% молодых людей в возрасте 18-24 лет приходилось работать волонтером (то есть бесплатно оказывать кому-то помощь), в то время как среди россиян в целом аналогичный показатель находился на уровне 8%. О том, что волонтерами преимущественно работают самые молодые респонденты в возрасте от 18 до 25 лет (6% против 1 в остальных возрастных группах), говорят и результаты опроса Левада-Центра [12]. Согласно данным Росмолодежи, в 2019 году в волонтерской деятельности принимали участие 4 101 170 молодых людей в возрасте 14-30 лет, что составляет 15% этой возрастной группы. К наиболее популярным и востребованным направлениям волонтерской деятельности среди молодежи относится эпизодическое волонтерство, социальное волонтерство и волонтерство в сфере сохранения исторического и культурного наследия [13].

Практики российских вузов и студентов-волонтеров в борьбе с распространением коронавируса носят как медицинский, так и немедицинский характер, социальный по своему содержанию, говорящий в пользу способности современной молодежи к самостоятельности и самоорганизации. По преимуществу это касается информирования населения и оказания поддержки группам риска.

Значительная часть студенческого волонтерства присоединилась к всероссийской акции #Мывместе. Такое решение объясняется в первую очередь вопросами безопасности студентов, желающих стать волонтерами. В рамках акции каждому волонтеру, контактирующему с другими людьми при покупке и доставке продуктов пенсионерам на дом, предоставляются индивидуальные средства защиты. На 24 апреля 2020 года в акции #Мывместе приняли участие более 95 тысяч волонтеров, не менее 25% из которых составляет молодежь в возрасте 18 –25 лет [14].

В качестве выводов можно отметить следующее:

В современном обществе все труднее определиться в описании молодежи как единой социальной и культурной группы. Это усилилось в условиях

формирования и развития информационного общества, предоставивших молодежи совершенно новые возможности для неформального объединения через социально-информационные сети. Ценностный мир молодежи сегодня претерпевает существенные трансформации: внедряется клиповое мышление в сознание, резко падает доля межличностного общения в пользу общения виртуального. Однако в условиях пандемии коронавируса социально востребованными ценностями вновь стали коллективность в межличностных отношениях, насущная потребность в коммуникациях и такие нравственно-этические ценности как альтруизм, взаимная помощь и поддержка, благотворительность, оказание помощи тем, кто оказался в тяжелом положении. Гаджеты из социокультурного инструмента проведения досуга вновь становятся инструментами распространения и получения социально нужной информации.

References

- [1] Yudin B.G. Self-organization / New Philosophical Encyclopedia: In 4 volumes. M.: Thought / Edited by V.S. Stepin. 2001. // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1061/%D0%A1%D0%90%D0%9C%D0%9E%D0%9E%D0%A0%D0%93%D0%90%D0%9D%D0%98%D0%97%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF (03.06.2020)
- [2] Prigogine I. The Philosophy of Instability // Problems of Philosophy, 1991. № 6. P. 46-57.
- [3] Arefiev M.A. A course of lectures and guidelines for graduate students on the history and philosophy of science: textbook / M.A. Arefiev, A.G. Davydenkova, A. Ya. Kozhurin, S.V. Alyabyeva. - M.; Berlin: Direct-Media, 2018. 383 p.
- [4] Construction detachments of the USSR: «furious» youth of the Land of Soviets. // URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/59b92ed777d0e6b8fac17f65/stroiotriady-sssr-iarostnaia-molodost-strany-sovetov-5cb07739d086f800b3dd9443>. (03.06.2020)
- [5] Fromm E. Healthy society: Psychoanalysis and culture. - M.: Jurist, 1995.
- [6] Griбанова В.А., Беленцов С.И. Pedagogical means of developing creative civic activity of student youth // Domestic and foreign pedagogy. 2019. Volume 1. № 3 (60). P. 7-14.
- [7] Sushko V.A. Manifestation of volunteering in modern Russian society - // URL: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.11.8> (11.04.2020)
- [8] Inkizheкова М.С. Digital consumer - a phenomenon of the information society / Sixth International Scientific and Practical Conference «Philosophy and Culture of the Information Society.» - SPb.: GUAP, 2018. P. 26-30.
- [9] Gubankov A. N. City. Culture. Mass media: reproduction of cultural space in modern mass media. / Anton Gubankov: St. Petersburg State. University of Culture and Arts. - SPb.: Slavia, 2012. 215 p.
- [10] Martyanov D.S. Transformation of the conceptual scheme «politics and the Internet» in the post-global context // Political Expertise: POLITEX. Sci. magazine. - SPb.: Publishing house of St. Petersburg. un-that. 2012. Vol. 8. № 3. P. 160-176.
- [11] Mayorov A.V., Ereemeev S.G., Volkova A.M., Potapov A.D. Digital technologies in management: philosophical, anthropological and applied aspects // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. Scientific journal, № 1. - SPb., 2019.
- [12] The results of the Levada Center survey // URL: https://ioe.hse.ru/sao_volunteers (04.06.2020)
- [13] Rossmolodezh. // URL: https://ioe.hse.ru/sao_volunteers (04.06.2020)
- [14] The practices of universities to support student volunteer activities during a pandemic // URL: https://ioe.hse.ru/sao_volunteers (04.06.2020)
- [2] Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии, 1991. № 6. С. 46-57.
- [3] Арефьев М.А. Курс лекций и методические указания для аспирантов по истории и философии науки: учебное пособие / М.А. Арефьев, А.Г. Давыденкова, А.Я. Кожурин, С.В. Алябьева. - М.; Берлин: Директ-Медиа, 2018. 383 с.
- [4] Стройотряды СССР: «яростная» молодость Страны Советов. // URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/59b92ed777d0e6b8fac17f65/stroiotriady-sssr-iarostnaia-molodost-strany-sovetov-5cb07739d086f800b3dd9443>. (03.06.2020)
- [5] Фромм Э. Здоровое общество: Психоанализ и культура. - М.: Юрист, 1995.
- [6] Грибанова В.А., Беленцов С.И. Педагогические средства развития созидательной гражданской активности студенческой молодежи // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Том 1. № 3 (60). С. 7-14.
- [7] Сушко В.А. Проявление волонтерства в современном российском обществе - // URL: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.11.8> (11.04.2020)
- [8] Инкижекова М.С. Цифровой потребитель - феномен информационного общества / Шестая международная научно-практическая конференция «Философия и культура информационного общества». - СПб.: ГУАП, 2018. С. 26-30.
- [9] Губанков А.Н. Город. Культура. СМИ: воспроизводство культурного пространства в современных средствах массовой информации. / Антон Губанков: СПб Гос. Университет культуры и искусств. - СПб.: Славия, 2012. 215 с.
- [10] Мартянов Д.С. Трансформация концептуальной схемы «политика и Интернет» в постглобальном контексте // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. Науч. журнал. - СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та. 2012. Том 8. № 3. С. 160-176.
- [11] Майоров А.В., Еремеев С.Г., Волкова А.М., Потапов А.Д. Цифровые технологии в управленческой деятельности: философско-антропологический и прикладные аспекты // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный журнал, № 1. - СПб., 2019.
- [12] Результаты опроса Левада-Центра // URL: https://ioe.hse.ru/sao_volunteers (04.06.2020)
- [13] Россмолodeжь. // URL: https://ioe.hse.ru/sao_volunteers (04.06.2020)
- [14] Практики вузов по поддержке волонтерской деятельности студентов в период пандемии // URL: https://ioe.hse.ru/sao_volunteers (04.06.2020)

Список литературы

- [1] Юдин Б.Г. Самоорганизация /Новая философская энциклопедия: В 4 томах. М.: Мысль / Под редакцией В.С. Стёпина.2001. // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1061/%D0%A1%D0%90%D0%9C%D0%9E%D0%9E%D0%A0%D0%93%D0%90%D0%9D%D0%98%D0%97%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF (03.06.2020)

Чжан Лэй

Аспирант 3-го курса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Трансформация социальных и трудовых практик в организациях в условиях пандемии COVID-19: первые социологические оценки*

Аннотация. В статье анализируются результаты первых исследований, проведенных крупнейшими неакадемическими центрами и посвященных влиянию пандемии COVID-19 и противоэпидемических мер на организационные и трудовые практики. Основной фокус исследований, ориентированных на корпоративные потребности, связан с оценкой краткосрочных эффектов локдауна и вынужденного перехода на удаленную работу, а также растущих потребностей в безопасности и сохранения здоровья работников. Ориентация на дескриптивный характер исследований и оперативные оценки краткосрочных эффектов пандемии пока не позволяют оценить долгосрочные эффекты пандемии и ее влияние на фундаментальные аспекты организационного функционирования.

Ключевые слова: организационные практики, рабочее место, персонал, удаленная работа, COVID-19, пандемия.

Zhang Lei

Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University.

Transformation of social and work practices in organizations during the COVID-19 pandemic: preliminary sociological findings

Abstract. The article analyzes findings of the first empirical studies conducted by non-academic research centers and evaluating the impact of the COVID-19 pandemic on organizational and work practices. The focus of the studies motivated by the needs of corporate sector is mainly on short-term effects of lockdown and forced extension of remote work, as well as increasing needs of employees' safety and well-being. At present, predominant descriptive nature of research and 'pulse' estimations of short-term effects don't allow to evaluate the long-term pandemic impact on the most fundamental aspects of organizational functioning.

Key words: organizational practices, workplace, employees, remote work, COVID-19, pandemic.

Введение

Пандемия COVID-19, начавшаяся в 2020 году, уже рассматривается как главный глобальный вызов последних лет, оказывающий как непосредственное, так и косвенное влияние на различные сферы жизни, включая рынок труда, социально-экономические процессы, организационные и управленческие практики и технологии. В отличие от других факторов и тенденций, анализируемых в социальных науках, пандемия и меры противодействия ей оказались фактором принципиально новым, не имеющим аналогов и сформировавшимся очень быстро в масштабах всего мира. Ни научное сообщество, ни правительства, ни бизнес не были готовы к подобному вызову, а потому действия и решения индивидуальных, корпоративных и госу-

дарственных акторов во многом носят экспериментальный, интуитивный характер, обоснованность и последствия которых только предстоит оценить.

Непосредственное влияние пандемии и, прежде всего, специфических мер антиэпидемической политики, предпринимаемой в различных странах (введение карантина и приостановка или ограничение деятельности организаций) заключается, прежде всего, в их влиянии на характеристики спроса и предложения, а также состояние рынка труда. Однако с точки зрения социологии управления больший интерес представляют прямые и косвенные последствия на организационные и управленческие практики, корпоративную культуру, систему и организацию социальных отношений и взаимодействий в организации, трансформацию рабочих мест и

* © Чжан Лэй, 2020.

Трансформация социальных и трудовых практик в организациях в условиях пандемии COVID-19: первые социологические оценки

трудового процесса. Потенциальными факторами, непосредственно влияющими на организационную среду и процессы, являются: институциональные или корпоративные требования к соблюдению социальной дистанции и минимизации непосредственных контактов, более строгий контроль состояния здоровья сотрудников, психологический стресс и восприятие рисков для здоровья, в том числе с учетом возраста сотрудников.

С научно-практической точки зрения, можно сформулировать три альтернативные гипотезы, касающиеся влияния пандемии и антиэпидемических политик на организационные процессы:

1. Это влияние окажется кратковременным, и после окончания эпидемии и/или выработки эффективных решений в области медицины и здравоохранения трудовые и организационные практики вернутся к существовавшей ранее норме.

2. Пандемия усилит и ускорит те тенденции, которые начали складываться ранее (например, развитие практики удаленной работы).

3. Пандемия приведет к радикальной трансформации организационных и трудовых практик.

На настоящий момент невозможно оценить долгосрочные последствия пандемии и понять, какой сценарий окажется реализованным, либо в глобальном, либо в локальном контексте. Несмотря на то, что недостатка в гипотезах и оценках возможных последствий COVID-19 для организаций нет, они пока в малой степени опираются на достоверные научные знания и имеют в лучшем случае предварительный, оценочный характер (см., напр. [1]). В данной статье предпринята попытка обобщить и проанализировать результаты первых исследований, проведенных неакадемическими исследовательскими центрами, которые позволяют оценить текущий уровень знаний и запрос рынка на понимание того, как новая пандемия способна изменить организационные и трудовые практики в компаниях.

Влияние пандемии COVID-19 на социальные и трудовые практики в организациях: результаты первых исследований

Рассмотрим основные результаты социологических исследований, проведенных к настоящему времени крупнейшими исследовательскими центрами и позволяющие оценить отдельные аспекты влияния пандемии и противоэпидемических политик в разных странах на социальные и трудовые практики в организациях. Поскольку ограничительные меры, вводимые различными странами в ответ на пандемию COVID-19, напрямую повлияли на работу корпоративного сектора, не удивительно, что наиболее оперативно на потребности компаний в оценке ситуации и возможных последствий отреагировали крупные консалтинговые фирмы. И хотя основной фокус внимания таких фирм – отраслевая аналитика и оценка влияния пандемии на бизнес-активность, в

некоторых исследованиях затрагиваются и вопросы организационных и управленческих практик.

Одной из первых влияние пандемии на корпоративный сектор начала исследовать компания Deloitte. В апреле-мае 2020 года компания провела специальное дополнительное исследование в рамках регулярного опроса представителей «интернет-поколений» (миллениалов и поколения Z) Global Millennial Survey [2]. В ходе исследования было опрошено более 9 тысяч человек из 13 стран (Западной Европы, Северной Америки, Индии, Китая, Японии, Южной Кореи, Бразилии, Австралии). В области трудовой деятельности, выяснилось, что сотрудники «интернет-поколений» положительно относятся к практике удаленной работы: более 60% хотели бы, чтобы такая практика сохранилась и после окончания пандемии. В значительной мере, переход на удаленную работу оказался соответствующим ожиданиям и ценностям этих поколений, в частности, высокому запросу на поддержание оптимального баланса между работой и личной жизнью.

Исследование также показало рост корпоративной лояльности работников-миллениалов во время пандемии в ответ на усилия, которые предпринимают компании для удовлетворения их потребности, а также доверие со стороны работодателя. Более половины респондентов указали, что компания верит в их способность работать эффективно из дома, а не чувствуют такого доверия около 20% [Там же, р. 14]. Приблизительно две трети опрошенных заявили, что они довольны качеством коммуникаций, поддержкой и действиями компании во время пандемии [Там же, р. 17].

Несмотря на то, что для «интернет-поколений», в целом, характерна более высокая тревожность и стресс, влияние локдауна и расширение практики удаленной работы привело к снижению уровня стресса. Исследование, проведенное в Великобритании среди работников в возрасте от 16 до 75 лет (N=1321) показало, что, в целом, такая динамика характерна не только для миллениалов. Число работников, кто оценил влияние локдауна на свое благополучие позитивно, оказалось выше тех, кто дал негативные оценки (48% и 38% соответственно) [3]. О желании работать чаще из дома заявили 61% респондентов, а 55% считают, что удаленная работа не повлияла негативно на качество выполняемой работы. Вместе с тем опрос выявил и ряд важных недостатков удаленной работы, связанных с утратой привычных социальных практик. Прежде всего, работникам не хватает привычных социальных взаимодействий (45% респондентов), сотрудничества (31%) и простоты социальных контактов (25%).

Еще одна крупная консалтинговая компания, McKinsey, провела в марте 2020 года исследование, посвященное оценке опыта работников в ходе пандемии [4]. Хотя исследование было проведено на сравнительно небольшой выборке в США (N=887),

оно было достаточно детальным, чтобы оценить ключевые аспекты влияния пандемии непосредственно на трудовые и организационные практики. По мнению большинства работников (77-80%), действия организаций по реакции на кризис оказались своевременными и эффективными. Своевременные и эффективные действия менеджмента, в свою очередь, оказывают сильное позитивное влияние не только на психологическое самочувствие работников, но также на их лояльность и доверие по отношению к компании.

Хотя реакция на острую фазу кризиса оказалась, в целом, успешной для организаций, а переход на удаленную работу был позитивно воспринят большинством работников, этап возвращения к нормальной трудовой деятельности, как следует из результатов исследования, представляет значительно более серьезную проблему. Адаптация к новым условиям и обеспечение условий для хорошего самочувствия, вовлеченности и роста эффективности требует учета специфических нужд работников. Специалисты McKinsey оценили иерархию потребностей работников и выяснили, что три первых места занимают сохранение рабочего места, финансовая стабильность и баланс между работой и личной жизнью. Они также идентифицировали 10 элементов рабочего опыта, которые в наибольшей степени влияют на три названных выше организационных эффекта. Наибольшее влияние на вовлеченность (улучшение более чем на 50%) оказывают нефинансовое признание, организационная стабильность, уважение и равенство. Организационные элементы, наиболее сильно (улучшение более чем на 50%) влияющие на самочувствие работников, включают организационную стабильность, честность, отношения с компанией, вовлечение и равенство. Влияние организационных факторов на эффективность трудовой деятельности оказалось более скромным, однако тоже заметным: улучшение более чем на 21% оказывали вера в лидеров, честность, а также компенсационные схемы. В совокупности, исследование показало, что у менеджмента имеются значительные возможности для влияния на организационную среду, способного адаптировать организацию к кризису, вызванному пандемией.

Вместе с тем различия в характере труда и особенностях различных категорий работников также оказывают значительное влияние на три проанализированных организационных эффекта. В частности, положительные эффекты организационных изменений на эффективность труда в большей степени отмечают удаленные работники, нежели работники на традиционных позициях (39,0 и 20,6%, соответственно), имеющие зависимых от них членов семьи, чем не имеющие (58,2 против 19,8%), мужчины, чем женщины (79,4 и 37,0%). При этом необходимо учитывать, что все работники так или иначе столкнулись с проблемами адаптации к организационным

изменениям, однако степень остроты возникающих при этом проблем значительно варьировалась. Утрата привычных социальных связей является главным фактором, негативно влияющим на трудовой опыт во время пандемии, особенно существенный для людей, не имеющих семьи.

Одним из наиболее ценных источников о влиянии пандемии на бизнес является международная исследовательская компания Mercer, регулярно проводящая опросы и другие исследования по всему миру. Согласно данным одного из последних опросов, посвященных процессу постэпидемической организации труда (N>800 компаний), три главных области в сфере HR, которым, по мнению представителей компаний, должно быть уделено наибольшее внимание, включают в себя: изменение физической организации рабочего пространства для обеспечения безопасности сотрудников; увеличение прозрачности и коммуникации со стороны компании; переосмысление процессов сотрудничества и взаимодействия в условиях соблюдения социальной дистанции [5]. Более половины компаний полагают, что следующие практики должны стать нормой после окончания пандемии: виртуальные процессы HR-менеджмента (найм, адаптация, коучинг и т.п.); обучение; охрана здоровья (телемедицина и др.). К числу самых распространенных решений, которые компании уже предпринимают для поддержки работников, относятся: предоставление большей гибкости в организации рабочего процесса (90%), повышение внимания к содержанию и средствам коммуникации с непосредственными руководителями (62,4%), ускоренное внедрение цифровых технологий для взаимодействия с сотрудниками (57,9%).

Более половины предоставляют значительно большую гибкость и возможности для удаленной работы сотрудникам с детьми и другими зависящими от них членами семьи. При этом общее отношение к удаленной работе скорее сдержанное: почти половина компаний (46,8%), поощряя переход на удаленную работу в краткосрочной перспективе, рассчитывает вернуться к нормальному режиму, когда это станет безопасно. Лишь четверть компаний (25,8%) готова поощрять работать удаленно до конца года, а еще 16,6% рассчитывает, что работники вернутся к обычному режиму как можно скорее. При этом в долгосрочной перспективе, более половины компаний (51,1%) признали, что пандемия будет способствовать изменению философии и принципов управления в сторону повышения гибкости в организации труда.

Проблемы воздействия COVID-19 на организационные и трудовые практики затрагивались и в ряде других исследований. Регулярные опросы работников, посвященные влиянию пандемии, проводит британский Институт персонала и развития CIPD. Опрос, проведенный в разгар панде-

мии, в апреле (N=1001), показал, что несмотря на преимущества удаленной работы, вынужденные изменения были связаны со значительной напряженностью и ухудшением самочувствия для многих работников, а необходимость возвращения к работе после локдауна вызывает беспокойство у 44% работников, в том числе у 55% тех, кто должен заботиться о членах семьи [6].

Исследование компании Catalyst, проведенное среди представителей менеджмента и работников крупных международных компаний в США (N=1100), показало, что менеджмент значительно более оптимистично оценивает влияние COVID-19 на изменение организационных практик в части повышения их инклюзивности и равных возможностей [7]. Они также более позитивно, чем работники, оценивают влияние этих изменений на баланс труда и личной жизни (68% и 61%, соответственно) и контроль над своим режимом труда (77% и 66%). В целом, работники не считают, что компании делают все необходимое для адаптации к новым условиям: только 41% считают достаточными усилия их компаний.

Некоторые первые исследования проведены и в России. Так, по данным исследовательского центра портала Superjob, более 70% работодателей уже в апреле 2020 г. перевели ряд HR-функций (в частности, рекрутинг) в удаленный формат, а более половины (55%) считают, что после возвращения к нормальному режиму сотрудникам потребуется дополнительная адаптация на рабочем месте [8]. По оценкам самих работников (N=1600), главное организационное изменение – переход на удаленную работу – оказал неодинаковое воздействие. Улучшение качества работы отметили лишь 20% респондентов, а ухудшение – 32%; при этом об увеличении рабочей нагрузки заявили только 18%. В отличие от опросов, проведенных в западных странах, перспективу сохранения удаленного режима работы приветствуют только 19% опрошенных, тогда как 66% предпочли бы вернуться к обычному режиму.

В совокупности, проведенные к настоящему времени исследования показывают, что основными вопросами, которые интересуют корпоративный сектор в отношении влияния пандемии и антиэпидемических мер на организационную среду и практики, являются оценки непосредственного влияния организационных изменений на самочувствие и производительность работников, а также перспективы удаленной работы или удаленного выполнения отдельных управленческих функций. При этом имеющиеся данные пока не позволяют дать целостную и непротиворечивую картину и демонстрируют значительное разнообразие оценок, зависящее как от политики работодателей, так и особенностей различных рабочих мест, компаний, стран и категорий работников.

Заключение

Исследования влияния COVID-19 на трансформацию организационных и трудовых практик, ориентированные на корпоративные потребности и интересы, показывают, что на данном этапе основной фокус внимания связан с оценкой краткосрочных эффектов локдауна и вынужденного перехода на удаленную работу, а также растущих потребностей в безопасности и сохранения здоровья работников. Предварительные данные показывают, что реакция компаний на кризис и способность своевременно и проактивно отреагировать на изменяющиеся потребности работников являются критическими факторами, определяющими социально-психологическое благополучие в коллективе и эффективность трудовой деятельности.

Однако имеющиеся на сегодняшний день данные отличаются фрагментарностью и поверхностностью, не позволяя оценить всю систему факторов, влияющих на организационные процессы во время пандемии, и всю совокупность возможных последствий новой управленческой ситуации. Фокус на сиюминутных, оперативных оценках, накладывающийся на неопределенность перспектив развития эпидемической ситуации, не дает возможность оценить стратегическое, долговременное влияние COVID-19 на трансформацию организационных и трудовых практик. Для решения этих задач необходим переход от упрощенных оперативных исследований, ориентированных на преимущественно дескриптивные оценки, к более глубоким и продуманным исследовательским программам, направленным на построение объяснительных и прогнозистических моделей.

References/Список литературы

- [1] Connley C., Hess A., Liu J. 13 ways the coronavirus pandemic could forever change the way we work // CNBC. – 30.04.2020. // URL: <https://www.cnbc.com/2020/04/29/how-the-coronavirus-pandemic-will-impact-the-future-of-work.html>
- [2] The Deloitte Global Millennial Survey 2020: Resilient generations hold the key to creating a 'better normal'. – Deloitte, 2020. // URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/About-Deloitte/deloitte-2020-millennial-survey.pdf>
- [3] Working during lockdown: The impact of COVID-19 on productivity and wellbeing. – Deloitte, 2020. // URL: <https://www2.deloitte.com/uk/en/pages/consulting/articles/working-during-lockdown-impact-of-covid-19-on-productivity-and-wellbeing.html>
- [4] Emmett J., Schrah G., Schrimper M., Wood A. COVID-19 and the employee experience: how leaders can seize the moment. – McKinsey. – 29.06.2020. // URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/organization/our-insights/covid-19-and-the-employee-experience-how-leaders-can-seize-the-moment>
- [5] Global COVID-19 Surveys. – Mercer, 2020. // URL: <https://taap.mercer.com/covid19results>
- [6] Impact of COVID-19 on working lives. – CIPD. – 04.06.2020. // URL: <https://www.cipd.co.uk/knowledge/work/trends/goodwork/covid-impact>
- [7] The impact of Covid-19 on workplace inclusion: survey. – Catalyst. – 15.06.2020. – URL: <https://www.catalyst.org/research/workplace-inclusion-covid-19>
- [8] Социологические опросы. – Superjob, 2020. // URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/sociology>

Abstracts

Kurabtsev V.L.

The problem of the influence of Byzantine Orthodoxy on Rus-Russia

The article analyzes the problematic aspects of the influence of Byzantine culture on the Russian civilization and the Russian people. Antinomies considered arguments “for” and “against” the Byzantine system of our civilization and our soul. The historical intervals of reformatting of Russian civilization with their deliberate failure are emphasized. The conclusion is made about the failed strategy of Ukraine and its people having similar Byzantine archetypes.

Key words: Byzantine culture, the problematic influence of Byzantium on Rus-Russia, the reformatting intervals of Russia, the civilizational matrix of Russia.

Kabylnskii B.V.

Moai of the Easter Island: voices of the past conflicts

The article provides the author's thoughts on the conflicts of the past and present on Rapa Nui Island (Easter Island), inspired by the impressions of his own participation in an anthropological expedition to the island in August 2019. As a methodological basis, the preparation of this article used the works of Professor of Anthropology V. Malloy, as well as notes of the author's conversations with Doctor of Philosophy P. Pounell, whose fate has been associated with Rapa-Nui for more than 50 years. The article also attempts to separate the most popular misconceptions about Rapa Nui in mass culture from the real history of the famous island moai (Istucans).

Key words: anthropology, conflict, history, myth, Easter Island.

Ivanova A.V.

The foundation of the monastery in honor of Saint Maron in 452: the origins of the veneration of the Syrian hermit

The veneration of saint Maron, the hermit of Syria, whose memory is preserved by both Eastern and Western Churches, has its origins in the 5th century. This article makes an attempt to find correlation in the spreading of the veneration of Saint Maron, the Syrian anchorite, with the foundation of the monastery in his honour. The analysis of written sources allows us to conclude that the origins of veneration of the saint hermit was primarily associated with the faith in him as an adherent of the purity of christian doctrine. The circle of disciples who had personal relationships with the Syrian anchorite and who followed his style of ascetism and spiritual tradition is considered in the article. Their role is formulated in the spreading of the veneration of Saint Maron in the 5th century.

Key words: Saint Maron, Blessed Theodoret of Cyr, Syrian monasticism, veneration, Chalcedon doctrine, foundation of the monastery.

Anikina A.V.

Virtue at the Nizhniy Novgorod Pentecostals in sociological measurement

The article presents the results of a sociological study conducted by the author among the parishioners of the Nizhny Novgorod Association of Churches of the Christian Faith by the Evangelical Bible Center “Embassy of Jesus”. The goal is to study the influence of socio-demographic characteristics of believers in the inherent virtues and those virtues that they wish to acquire. Identified characteristic morals of respondents. The gender perception of virtues is considered. The influence of education on the motivation to achieve virtues is studied.

Key words: virtue, moral qualities, pentecostals, Nizhny Novgorod region, gender, education, marital status.

Zhukova E.M.

The principle of religious tolerance in the philosophical and religious discourse

The article analyzes the specificity and essential features of religious tolerance. The author shows how religious tolerance manifests itself in historical realities. Its role in the life of society and its place in public-state relations are considered. The author makes up a conclusion that religious tolerance can “grow” from the public consciousness, but it can also be approved by political power (or both at the same time). Moreover, the first circumstance should be considered as prevailing factor. Toleration cannot be considered as a category of exclusively legal sphere, as for it is a fundamental ethical principle. Without it, not only the major empires of antiquity and the middle ages (Alexander the Great, Ashoka, Genghis Khan, Akbar the Great), but also the entire international community could not exist. Special attention is paid to the relevance of the principle of religious tolerance in modern conditions. The discourse is accompanied by numerous facts taken mainly from the history of the Russian Empire of the XVII – early XX centuries.

Key words: religious tolerance, intolerance, religious fanaticism, religious consciousness, humanism, evolutionary approach, ethics, law, Russian Empire.

Litvintsev D.B.

Sociological aspects of the study of housing in world religions

A person spends a significant part of his time within the walls of his house, and the way he perceives his home, what function it performs for him, leaves an imprint on his life as a whole. This understanding becomes even more important in a pandemic (e.g. coronavirus). Despite the high degree of desacralization of the modern world, religious subtext continues to play a significant role in the perception of the surrounding reality. The article discusses the socio-

logical aspects of studying housing in the religions that have the majority of followers around the world – Christianity, Islam, Hinduism and Buddhism. Guided not by a substantial, but by a functional understanding of religion, parallels are drawn between the religious concepts of housing and sociological approaches to its study. As a result, applying the classification of E. Durkheim, it is concluded that in Christianity and Islam the physiological interpretation of the housing as a social fact prevails, while in Hinduism (Vastu Shastra teachings) and Buddhism (Tibetan geomancy Sa Che) it is morphological.

Key words: housing sociology, sociology of religion, Christianity, Islam, Hinduism, Buddhism, home, house.

Tkachenko S.O.

Soviet-era postcard in the field of religious culture

The article examines the place of the illustrated postcard in the sphere of religious culture of the Soviet era. It is shown that the official postcard was an element of anti-religious propaganda and at the same time, in part, reflected the religious consciousness of the population of the USSR. The issue of participation of handicraft photo postcard in interpersonal religious communication is considered, thematic range of handicraft products of religious orientation and variants of written texts on handicraft cards are presented. It is noted that the handicraft photo postcards belongs as an artifact of mass culture to kitsch.

Key words: illustrated postcard, official postcard, handicraft photo postcard, Easter postcard, anti-religious propaganda, satirical drawing, interpersonal religious communication, kitsch.

Ryazanov D.A.

Cyber socialization of youth

The article reflects a number of aspects of social interaction in modern society related to the growing role of the Internet in the life of young people. It is focused on the issue of cyber socialization. The important aspects and problems that arise in connection with the creating of new agents of socialization, the deformation of the usual communicative models, roles and statuses are highlighted. In the framework of primary socialization, a complex phenomenon is born associated with the fragmentation of society into communities that are formed through social networks. The influence of these communities may go beyond the role of the preparatory stage for full-fledged socialization, in particular, the social activity of an individual can be locked in this framework.

Key words: cyber socialization, socialization, the Internet, personality, youth.

Zhang Lei

The Influence of Socio-Governmental Factors on the Social Stability of Chinese Society: Correlation Analysis

In a rapidly changing world environment, in order to achieve sustainable development of the country, it is necessary to ensure stability at the national level, including the social stability of society. It is well known that social stability is influenced by many factors, among which social and administrative factors play an important role. The article, based on empirical data obtained as a result of a sociological survey among the population of China, through correlation analysis, assesses the influence of social and administrative factors on the social stability of Chinese society. As a result of the study, the author has proved the relationship between the efficiency of population income management, economic and social policy, political stability and social stability. Based on the results of the study, recommendations were developed to strengthen the social stability of the Chinese society.

Key words: Social stability, correlation analysis, socio-managerial factors, social management, China.

Shoshina Yu.V.

Student volunteering in context phenomenon of self-organization of Russian youth

The article deals with one of the most relevant topics of our time – the student volunteer movement. It has gained social significance in the context of the coronavirus pandemic, when voluntary movements have become one of the appropriate Responses to this global Challenge. In the Soviet past, volunteering was carried out within the framework of student construction teams, but today it reflects the ability of young people to self-organize. Within the framework of social philosophy, this category reflects the universal qualities of volunteerism, selflessness or altruism, mutual assistance and support.

Key words: self-organization, volunteerism, coronavirus pandemic, student volunteering, moral and ethical values.

Zhang Lei

Transformation of social and work practices in organizations during the COVID-19 pandemic: preliminary sociological findings

The article analyzes findings of the first empirical studies conducted by non-academic research centers and evaluating the impact of the COVID-19 pandemic on organizational and work practices. The focus of the studies motivated by the needs of corporate sector is mainly on short-term effects of lockdown and forced extension of remote work, as well as increasing needs of employees' safety and well-being. At present, predominant descriptive nature of research and 'pulse' estimations of short-term effects don't allow to evaluate the long-term pandemic impact on the most fundamental aspects of organizational functioning.

Key words: organizational practices, workplace, employees, remote work, COVID-19, pandemic.

Аннотации

Курабцев В.Л.

Проблема влияния Византийского Православия на Русь-Россию

В статье анализируются проблематические аспекты влияния Византийской культуры на Русскую цивилизацию и русский народ. Антиномически рассматриваются аргументы «за» и «против» Византийского строя нашей цивилизации и нашей души. Подчеркнуты исторические интервалы переформатирования Русской цивилизации с их заведомой неуспешностью. Сделан вывод о провалившейся стратегии Украины и ее народа, обладающего аналогичным Византийским архетипом.

Ключевые слова: Византийская культура, проблемность влияния Византии на Русь-Россию, интервалы переформатирования России, цивилизационная матрица России.

Кабылинский Б.В.

Моаи острова Пасхи: отголоски конфликтов былых времен

В статье приводятся размышления автора о конфликтах прошлого и настоящего на острове Рапа-Нуи (остров Пасхи), навеянные впечатлениями от собственного участия в антропологической экспедиции на остров в августе 2019 года. В качестве методологической основы при подготовке данной статьи использованы труды профессора антропологии В. Маллоя, а также записки бесед автора с доктором философии П. Паунэллом, судьба которого связана с Рапа-Нуи уже более 50 лет. Также в статье предпринимается попытка отделить наиболее популярные заблуждения о Рапа-Нуи в массовой культуре от реальной истории знаменитых островных моаи (истуканов).

Ключевые слова: антропология, конфликт, история, миф, остров Пасхи.

Иванова А.В.

Основание монастыря в честь преподобного Марона в 452 году: к вопросу возникновения почитания сирийского пустынножителя

Почитание преподобного Марона, сирийского пустынножителя, память которого сохраняется Восточной и Западной Церквями берет свое начало в V веке. Данная статья делает попытку соотнести истоки распространения почитания преподобного Марона, пустынножителя сирийского, с основанием монастыря в его честь. Анализ сведений письменных источников позволяет прийти к выводу, что возникновение почитания святого было связано прежде всего с верой в него как ревнителя о чистоте христианского вероучения. Рассматривается круг учеников сирийского подвижника, которые имели к нему личные отношения и продолжили заложенную сирийским отшельником духовную традицию, формулируется их роль в распространении почитания преподобного в V веке.

Ключевые слова: преподобный Марон, блаженный Феодорит Кирский, сирийское монашество, почитание, Халкидонское вероопределение, основание монастыря.

Аникина А.В.

Добродетель у нижегородских пятидесятников в социологическом измерении

В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного автором среди прихожан нижегородского объединения церквей христианской веры евангельской «Библейский Центр «Посольство Иисуса» с целью изучения влияния социально-демографических характеристик верующих на присущие им добродетели и отношение к тем добродетелям, которые они хотели бы обрести. Выявлены особенности морали опрошенных. Рассмотрено гендерное восприятие добродетелей. Изучено влияние образования на мотивацию достижения добродетелей.

Ключевые слова: добродетель, моральные качества, пятидесятники, нижегородский регион, гендерный фактор, образование, семейное положение.

Жукова Е.М.

Принцип веротерпимости в философско-религиоведческом дискурсе

В статье анализируются особенности, сущностные черты веротерпимости. Показывается, как веротерпимость проявляется в исторических реалиях. Рассматриваются ее роль в жизни социума и место в обще-

ственно-государственных отношениях. Автор приходит к выводу, что веротерпимость может «вырастать» из общественного сознания, но может быть и утверждена политической властью (либо и то, и другое одновременно). Причем, первое обстоятельство является, на наш взгляд, доминирующим. Веротерпимость нельзя рассматривать как категорию исключительно правовой сферы: это фундаментальный этический принцип, без которого не были возможны не только крупнейшие империи древности и средневековья (Александр Македонский, Ашока, Чингисхан, Акбар Великий), но и существование всего международного сообщества. Особое внимание уделено вопросу актуальности принципа веротерпимости в современных условиях. Изложение сопровождается многочисленными фактами, взятыми преимущественно из истории Российской империи XVII – начала XX вв.

Ключевые слова: веротерпимость, нетерпимость, религиозный фанатизм, религиозное сознание, гуманистичность, эволюционный подход, этика, право, Российская империя.

Литвинцев Д.Б.

Социологические аспекты изучения жилища в мировых религиях

Человек в стенах своего дома проводит существенную часть времени и то, как он воспринимает свое жилище, какую функцию оно для него выполняет, накладывает отпечаток на его жизнь в целом. Подобное понимание приобретает еще большую значимость в условиях пандемии (например, коронавируса). Не смотря на высокую степень десакрализации современного мира религиозный подтекст продолжает играть существенную роль в восприятии человеком окружающей действительности. В статье рассматриваются социологические аспекты изучения жилища в религиях, имеющих большинство последователей по всему миру, – Христианстве, Исламе, Индуизме и Буддизме. Руководствуясь не субстанциональным, а функциональным пониманием религии, проводятся параллели между религиозными концептами жилища и социологическими подходами к его изучению. В результате применяя классификации Э. Дюркгейма делается вывод о том, что в Христианстве и Исламе преобладает физиологическая трактовка жилища как социального факта, в то время как в Индуизме (учение Васту-Шастра) и Буддизме (тибетская геомантия Са Че) – морфологическая.

Ключевые слова: жилищная социология, социология религии, Христианство, Ислам, Индуизм, Буддизм, жилище, дом.

Ткаченко С.О.

Открытка советского времени в сфере религиозной культуры

В статье рассматривается место иллюстрированной открытки в сфере религиозной культуры советской времени. Показано, что официальная открытка являлась элементом антирелигиозной пропаганды и в то же время, отчасти, отражала религиозное сознание населения СССР. Рассмотрен вопрос участия кустарной открытки в межличностной религиозной коммуникации, представлены тематический спектр кустарной продукции религиозной направленности и варианты письменных текстов на кустарных карточках. Отмечена принадлежность кустарной фотооткрытки как артефакта массовой культуры к кitchу.

Ключевые слова: иллюстрированная открытка, официальная открытка, кустарная фотооткрытка, пасхальная открытка, антирелигиозная пропаганда, сатирический рисунок, межличностная религиозная коммуникация, кitch.

Рязанов Д.А.

Киберсоциализация молодежи

В статье отражен ряд аспектов социального взаимодействия в современном обществе, связанных с растущей ролью интернета в жизни молодежи. В центре рассмотрения находится проблема киберсоциализации. Освещены важные аспекты и проблемы, возникающие в связи с появлением новых агентов социализации, деформацией привычных коммуникативных моделей, ролей и статусов. В рамках первичной социализации рождается сложное явление, связанное с дроблением общества на сообщества, которые формируются посредством социальных сетей. Влияние данных сообществ может выходить за роль подготовительного этапа к полноценной социализации, в частности, в данных рамках может замыкаться социальная активность индивида.

Ключевые слова: киберсоциализация, социализация, интернет, личность, молодежь.

Чжан Лэй

Влияние социально-управленческих факторов на социальную стабильность китайского общества: корреляционный анализ

В условиях стремительно изменяющейся мировой обстановки, для достижения устойчивого развития страны необходимо обеспечить стабильность на национальном уровне, включая социальную стабильность общества. Общеизвестно, что на социальную стабильность оказывает влияние множество факторов, среди которых важную роль играют социально-управленческие факторы. В статье на основе эмпирических данных, полученных в результате проведения социологического опроса среди населения Китая, посредством корреляционного анализа, проведена оценка влияния социально-управленческих факторов на социальную стабильность китайского общества. В результате исследования, автором доказана связь между эффективностью управления доходами населения, экономической и социальной политики, политической стабильности на социальную стабильность. По итогам исследования разработаны рекомендации по укреплению социальной стабильности китайского общества.

Ключевые слова: социальная стабильность, корреляционный анализ, социально-управленческие факторы, социальное управление, Китай.

Шошина Ю.В.

Студенческое волонтерство в контексте феномена самоорганизации российской молодёжи

В статье рассматривается одна из наиболее актуальных тем современности – студенческое волонтерское движение. Она приобрела социальную значимость в условиях пандемии коронавируса, когда добровольческие движения стали одним из адекватных Ответов на этот Вызов глобального характера. Волонтерство в советском прошлом осуществлялось в рамках деятельности студенческих строительных отрядов, а сегодня оно отражает способность молодых людей к феномену самоорганизации. В рамках социальной философии эта категория отражает общечеловеческие качества добровольности, бескорыстности или альтруизма, взаимной помощи и поддержки.

Ключевые слова: самоорганизация, добровольность, пандемия коронавируса, студенческое волонтерство, нравственно-этические ценности.

Чжан Лэй

Трансформация социальных и трудовых практик в организациях в условиях пандемии COVID-19: первые социологические оценки

В статье анализируются результаты первых исследований, проведенных крупнейшими неакадемическими центрами и посвященных влиянию пандемии COVID-19 и противоэпидемических мер на организационные и трудовые практики. Основной фокус исследований, ориентированных на корпоративные потребности, связан с оценкой краткосрочных эффектов локдауна и вынужденного перехода на удаленную работу, а также растущих потребностей в безопасности и сохранения здоровья работников. Ориентация на дескриптивный характер исследований и оперативные оценки краткосрочных эффектов пандемии пока не позволяют оценить долгосрочные эффекты пандемии и ее влияние на фундаментальные аспекты организационного функционирования.

Ключевые слова: организационные практики, рабочее место, персонал, удаленная работа, COVID-19, пандемия.

Authors

Anikina A.V., Candidate of Science (Sociology), Assistant Professor of Department “Philosophy, Sociology and Political Science”, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy.

Ivanova A.V., Post-graduate Student, Saints Cyril and Methodius Church-wide graduate school.

Kabylinskii B.V., Vice-rector for scientific work and international cooperation of the Finance Academy of the Republic of Kazakhstan.

Kurabtsev V.L., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of the Philosophy of Moscow Region State University (MRSU).

Litvintsev D.B., External PhD student of social sciences, Novosibirsk State Technical University.

Ryazanov D.A., Graduate student. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Shoshina Yu.V., Senior Lecturer, Applicant for the Department of Philosophy and Culturology, St. Petersburg State Agrarian University.

Tkachenko S.O., Director, Graduate student, Chelyabinsk state museum of fine arts.

Zhang Lei, Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University.

Zhukova E.M., Post-graduate student of the Department of state-confessional relations, of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Авторы

Аникина А.В. - кандидат социологических наук, доцент кафедры «Философия, социология и политология» ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия».

Жукова Е.М. - аспирант кафедры государственно-конфессиональных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Иванова А.В. - аспирант, Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Кабылинский Б.В. - проректор по научной работе и международному сотрудничеству Финансовой Академии Республики Казахстан.

Курабцев В.Л. - доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского государственного областного университета (МГОУ).

Литвинцев Д.Б. - соискатель учёной степени кандидата социологических наук, Новосибирский государственный технический университет.

Рязанов Д.А. - аспирант. Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ткаченко С.О. - директор. Аспирант, Челябинский государственный музей изобразительных искусств.

Чжан Лэй - аспирант 3-го курса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Шошина Ю.В. - старший преподаватель, соискатель кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного аграрного университета.